

Купава Огинская

Волчьими тропами

Глава 1

Я спешила.

Бежала так как не бегала даже на зачете по физкультуре, чтобы успеть до закрытия общежития.

Ночевать на лавочке под дверьми родного общежития мне не хотелось. Не для того я билет на самый ранний утренний поезд брала, чтобы на него опоздать, не успев собрать чемодан. Завтра меня ждала незабываемая поездка домой и целый месяц беззаботного веселья. Оптимистические планы счастливого студента, без жертв прошедшего сквозь сессионный период.

На деле же меня ждал незакрытый канализационный люк, который я банально не заметила и странный полет в неизвестность.

Просто в один миг нога не нашла опору, и я ухнула в холодную пустоту, даже не взвизгнув. Единственной панической мыслью было короткое: «сейчас что-нибудь сломаю».

Лучше бы, конечно, все закончилось простым переломом. Если бы даже открытым, не страшно. Пережила бы как-нибудь.

Но нет, я упала на что-то большое и мохнатое, мчавшееся вперед и почти сразу попытавшееся скинуть меня с себя. Мозг еще отказывался воспринимать творящийся кошмар, а я уже ухватилась за густую длинную шерсть и до судороги сжала пальцы, желая только удержаться.

Бешеный топот и тяжелое дыхание за спиной заставляли простейшие инстинкты работать на полную мощность. Только благодаря чувству самосохранения я не оказалась под копытами и лапами обезумевших от страха животных.

Мозг все так же не подавал признаков жизни, я не понимала, что происходит, где я нахожусь, как все так получилось, и когда мы уже остановимся, но отчаянно цеплялась за единственное, что отделяло меня от незавидной участи стать раздавленной лепешкой.

Руки мелко дрожали от усталости, а я упрямо сжимала густую шерсть, стараясь не особо смотреть по сторонам. Стены тоннеля, по которому мы мчались, пронизанные фосфоресцирующими синими нитями, светились над головой; то там, то здесь открывались голубоватые трещины, из которых кто-нибудь выпадал.

Прямо перед оседланным мною монстром из одной такой трещины вывалилась какая-то тощая туша с рыбьим хвостом и была безжалостно затоптана - очень мотивирующее зрелище, заставившее меня крепче сжать пальцы.

Камень стен стонал и мелко дрожал, а я начинала уже подумывать, что, кажется, слишком сильно ударила головой при падении, и целостность моего рассудка под угрозой, когда впереди показалась светлая точка.

Кажется, мы приближались к выходу.

И именно в тот момент, когда я поверила, что самое страшное уже почти позади, нас подрезала длинная тощая кошка, с раскрытым жаберным воротником, какой я видела только на фотографиях у всяких экзотических ящериц.

Оседланный монстр, напоминающий хорошо обросшего быка, вильнул в сторону, правая рука подвела меня и разжалась. Проехавшись по его жесткому боку и больно ударившись пятками о землю, но не разжав пальцев левой руки, я продержалась так еще метров сто, отчаянно цепляясь за свое единственно спасение, пока каменный выступ не сорвал меня с быка окончательно.

Животные пробежали мимо, не обращая внимания на вжавшуюся в камень меня. Ладони мои горели, мышцы рук сводило болезненной судорогой, и ушибленная спина больно ныла, вторя отбитым пяткам.

Закрыв голову руками, я тихо радовалась, что утром решила надеть кроссовки вместо нежно любимых мною новеньких босоножек.

Других поводов для радости у меня не было.

Обезумевшая от страха копытно-когтистая волна схлынула, топот затихал вдали, отдаваясь в висках молоточками боли. Зажав уши и зажмурившись, я пережидала острый приступ неконтролируемой паники, скрипя зубами и понимая, что вот-вот заору. Творилось что-то совершенно ненормальное, невозможное и страшное до чертиков.

Стук крови в ушах заглушал хриплое, поверхностное дыхание и тихое, полубезумное поскуливание, вырывавшееся из моей груди. Я была на грани, чувствовала, что готова переступить ее, окунуться в спасительный холод какого-то страшного и безысходного состояния.

Когда передо мной появился странного вида человек, я не заметила. Была чуточку занята, стараясь удержать быстро рассыпающуюся на части реальность, и не сразу осознаю, что вместо пульсирующего шума в ушах я слышу свое срывающееся дыхание.

Ощущение чьего-то присутствия пришло с секундной заминкой.

Тонкий и белый, состоящий словно из одних костей, обтянутых кожей, он склонился надо мной прожигая взглядом белых, мерцающих глаз.

Он казался ужасным и чужим, но паника затухала под его взглядом, продолжая тлеть слабым, неопасным костерком, несравнимо малым на выгоревшем пепелище.

Здесь было довольно темно, светящиеся нити на стенах истончались, уходя вглубь породы, скрываясь от света, льющегося сквозь разлом, что я приняла за выход. Но густой полумрак не мешал рассмотреть тонкие, резкие черты худого лица. Слабые серебристые линии, складывающиеся в рисунок, начинались под его глазами и сходили вниз по щекам и шее, теряясь между складок свободной, белой одежды. В нем было что-то невозможно знакомое и в то же время необычное, в одежде, в рисунках на белой коже, в широком браслете на тонком запястье.

Серебро и малахит, предположила я, глядя не на бледные пальцы протянутой ко мне руки, а на вытесненные на широкой основе браслета символы. Такие же, что украшали его лицо.

Он что-то спросил, продолжая держать протянутую руку на весу. Резкие короткие слова, колкие звуки, взлетающие до почти дребезжащей звонкости и быстро спадающие до глухого шепота.

Осторожно покачав головой, я медленно проговорила:

— Не понимаю. — внутри черепной коробки шли ремонтные работы, я слабо вздрагивала от несуществующего стука отбойных молотков, разминавших мой мозг в кашу, и беспомощно смотрела на него, совершенно точно осознавая, что это не человек. Таких людей просто не бывает.

Первым делом на ум пришла восхитительная в своей бредовости мысль о пришельцах. Инопланетяне прилетели на землю. Ура!

Где моя шапочка из фольги?

Он повторил свои слова, на этот раз медленнее.

Я еще раз помотала головой, надеясь, что язык жестов у нас не сильно отличается, и мои потуги объяснить, что я ничего не понимаю, не окажутся в его представлении чем-то принципиально другим.

Он нахмурился, убрал руку и выпрямился. Прошелся по пещере от стены до стены, бормоча что-то себе под нос и перебирая бледными пальцами воздух. Вся его фигура словно светилась изнутри.

Я уже ничего не понимала и готова была смириться с мыслью, что сошла с ума.

Придя к определенным выводам, он быстро приблизился. Во всех его движениях было что-то завораживающе неправильное. Неземное.

Мысли вновь начали соскальзывать в космические дебри. Вот вам и Звездные Войны. Получите, распишитесь. Кто там хотел стать джедаем? Прошу.

Склонившись надо мной, он коснулся холодными пальцами моей шеи, не обратив внимания ни на мою невольную дрожь, ни на попытку отстраниться. Даже бровью не повел, жестко перехватив мою кисть, когда я попыталась отцепить от себя его руку. Прохладная и гладкая ладонь казалась слишком реальной, чтобы быть всего лишь плодом моего поехавшего воображения.

Несколько коротких отрывистых слов – и белые глаза вспыхнули, а мою шею пронзила острая боль. Она расходилась по всему телу, захватывала каждый мускул, каждый нерв, окутывала меня изнутри, медленно подбираясь к мозгу. Будто того, что уже случилось, недостаточно. Можно подумать, мне и так мало досталось.

В ушах что-то свистнуло и сухо щелкнуло.словно кто-то переломил веточку. Или кость.

Он убрал руку, и я смогла ощупать свою шею. По ощущениям там был целый ожог, но пальцы ничего не находили.

— Ты из-за черты? — спросил он, когда я прекратила себя щупать и вертеть головой, ошалело прислушиваясь к ощущениям.

— Что? — его язык больше не казался мне странным, но что-то необычное в нем все же было. Казалось, что я все так же не понимаю ни слова, но кто-то третий переводит прямо в моей голове, очень упрощая смысл сказанного, облегчая все до моего уровня.

— Оттуда? — он показал на разлом.

Я покачала головой и указала на потолок:

— Оттуда.

Он нахмурился, выпрямился, и вроде бы утратил ко мне всякий интерес. Желание задать встречный вопрос и узнать, где я, завяло так толком и не сформировавшись в осмысленный порыв. Рука непроизвольно дернулась еще раз ощупать шею.

После недолгих раздумий и тяжелых взглядов я была озадачена еще одним странным вопросом:

— Ты не потеряешь себя?

— Чего?

Он постучал по виску и попытался пояснить:

— Не потеряешь себя? Из-за того, что случилось.

— Не свихнусь ли я? — вопрос был хороший, но ответа на него я не знала. Может быть и свихнусь, если мне кто-нибудь не объяснит куда я попала и что происходит. Я не справлялась с перегрузкой, почти чувствовала, как мой процессор дымится, и потому особенно забавной казалась прочно засевшая в мозгу мысль о том, что мама очень разозлится, если я опоздаю на завтрашний поезд. — Не знаю, но хочется верить, что нет.

Он еще немного помолчал. Было непонятно, пытается ли он осмыслить мои слова или думает о своем.

— Хорошо, — наконец-то отмерев, он указал на разлом, — тогда ты пойдешь туда, найдешь алара и будешь ждать.

— Алара?

— Те, кто живут там, — он еще раз указал на разлом.

— Так, а чего ждать? — светлячок, решила я, он очень похож на светлячка. Такого

мутировавшего светлячка, жившего в Припяти девяностых годов.

— Когда мы придем. Ты будешь говорить. Чтобы нас слушали.

— А, может, я просто домой пойду?

— Не пойдешь, — мотнул головой он, — проход закрыт. Пути больше нет.

— Как нет? Должен быть. — не поверила ему я. Ну в самом деле, не может же мне так эпично не везти...верно?

— Врата открываются и впускают жертву. Потом врата закрываются. Жертва приносит с собой энергию, которая удерживает тропу открытой, позволяя пройти по ней охотникам, — он нахмурился и его сияние чуть померкло, — охотники — зло. Они несут много бед нашему миру и смерть миру аларов. Это нужно прекратить, но мы не слышим друг друга, нужен кто-то, кто сможет слышать.

Я молчала, как заведенная повторяя мысленно «это все совершенно нормально», и чувствовала, как же близка к тому, чтобы «потерять себя».

— Ты сможешь.

— Ты же сначала спросил, не оттуда ли я, — мотнув головой в сторону разлома, я зло заправила волосы за уши. Они мешали, мне, как никогда раньше, нужна была резинка, но ее не было. Сумка со всеми вещами, включая расческу, мобильник и целых три резинки, сгинула где-то в глубине этого туннеля, — тебе нужен кто-то из местных.

— Это было бы хорошо, — кивнул он, — было бы проще. Его бы не стали убивать, но ты тоже подойдешь.

— Подожди-ка, не стали бы убивать? Меня там убить могут? — идти к этим аларам мне уже совсем не хотелось. Хорошенькое место, где несчастного потерявшегося человека готовы убить.

— Могут, — кивнул он, и уточнил, пытаясь мотивировать меня на подвиг, — но если останешься здесь, тебя ждет только смерть. Никаких шансов.

— А почему бы тебе просто не пойти туда и не выбрать кого-нибудь из местных?

— Злое светило, — коротко ответил он, — мы еще не готовы вступить в его сияние.

— Прекрасно, инопланетяшки болеющие порфирией.

Светлячок смотрел на меня и молчал, его ущербный переводчик споткнулся о непонятное слово.

— Забудь, — махнула рукой я, и этот простой жест отозвался иголочками боли во всем теле.

— Я часто прихожу сюда, когда гора дышит, — коснувшись мелко дрожащей стены, он, кажется, решил последовать моему совету, — жду кого-нибудь с той стороны, но никто не приходит. Теперь есть ты, и ты должна пойти туда.

— Подожди-подожди, — я попыталась сесть поудобнее, но в моем состоянии это было невозможно, — а с чего ты взял, что если я туда пойду, меня будут слушать? Сам же сказал, что убить могут. Что ты тогда будешь делать? Вот придешь ты к ним весь такой в солнцезащитном креме, а меня нет, алары эти тебя не поймут, убьют и все...

— В тебе моя сила, я почувствую твою смерть, — проговорил он уверенно, стягивая с пальца кольцо, тоже серебро и малахит. Тоненький ободок с треугольным зеленым камнем в простой оправе, — возьми. Это защита.

Брать кольцо я не спешила. На защиту оно совсем не походило, вот на симпатичную, но совершенно безобидную бижутерию — да, а на защиту — нет.

— Возьми, — с нажимом повторил он, и я сдалась. Протянула руку, приняла холодное, не согретое теплом живого тела кольцо и, сомневаясь в том, что оно мне подойдет,

попыталась надеть. Пальцы у светлячка были длинными, но ужасно тонкими, и я вполне оправданно ждала, что кольцо окажется мне мало. Ошиблась.

Оно село как влитое, обхватив указательный палец, и совсем негармонично смотрелось с моим сиреневым маникюром.

— Теперь иди, — велел он и исчез, лунным светом растворившись в темноте. Ни попрощался, ни имени своего не назвал. Наговорил всякого и просто сбежал, оставив меня одну в непонятках.

Я медленно поднялась, глухо кряхтя и чувствуя себя непозволительно старой. Отряхнулась, глядя на выход.

Идти туда не хотелось. Там меня ждало что-то странное, страшное и смертельно опасное. Совсем не то, что было нужно среднестатистической девушке.

Решительно повернувшись спиной к проходу, я похромала вглубь тоннеля, планируя, во что бы то ни стало, найти путь домой. Как я буду его искать, как узнаю, если учесть, что там еще с десятков таких же проходов открывалось, я не думала. Мне казалось, что свой путь я обязательно узнаю.

Найду, выберусь отсюда и никогда, ни при каких условиях, никому не расскажу, что со мной приключилось. И, пожалуй, схожу к психологу. Лишним не будет.

Я шла, и шла, и шла, и уже начинала даже не паниковать, а тихо беситься. Никаких светящихся дырок не было видно ни вверху, ни по сторонам неровного туннеля, ни даже под ногами. Только фосфоресцирующие нити становились все толще и светились ярче.

Затоптанную тушу с рыбьим хвостом я увидела минут через двадцать. Она лежала с разможенной головой, переломанными трехпальными руками и неправдоподобно выгнутой спиной. Такая себе синекожая, лысая русалка с костяными наростами на пятнистой разбитой голове.

Дыры, из которой она вывалилась уже не было.

Меня подташнивало.

Из глубины туннеля послышался шорох, рык и быстрый стук лап и копыт по каменному полу.

— Только не опять, — простонала я, отступая назад.

Шум приближался, а я не то что бежать, я даже быстро идти была не в состоянии.

С потолка, где освещения почти не было, на меня спикировала огромная, мутировавшая летучая мышь, шипастые крылья задевали сужавшиеся книзу стены, но ее это не остановило. Мышь учуяла меня, записала в свои жертвы, и, больно вцепившись когтями в плечи, дернула вверх. Одна ее лапа очень удачно перехватила мое плечо и почти не поранила кожу, а вторая впиалась когтями в плоть, глубоко увязнув в мясе.

Мы рывком поднялись в воздух, и я задохнулась от боли, задвинувшей на второй план даже страх высоты. Перед глазами новыми красками заиграли белые и красные точки, пульсируя в такт взмахам мышинных крыльев.

Мы взлетели, а под нами клыкасто-шипасто-рогатой волной хлынули жуткого вида существа.

Мне почему-то сразу подумалось, что именно их светлячок назвал охотниками, но боль была слишком сильной, и за адекватность своих мыслей я ответственности не несла.

Сзади на нас налетела еще одна монстромышь, нисколько не стесняясь своего желания вырвать из лап соперницы такой замечательный трофей как я.

Трофей, вместе с поймавшей его мышью, впечатали в каменный свод, чуть не размазав по выступу.

Я не знала, что мыши, особенно летучие, умеют шипеть, Впрочем, возможно,

нормальные мышки и не умеют, но эти натурально шипели друг на друга, сражаясь за мое мясо. Или, быть может, за кровь. Кто знает, чем эти мутанты тут питаются.

Я моталась из стороны в сторону в когтях, меня мутило от страха и боли, а этот кошмар все не заканчивался.

Мыши шипели, бились об стены, били об стены меня, рвали друг друга, порпарывая острыми шипами нежную кожу крыльев, и, кажется, уже даже позабыли с чего все началось.

Потому что, помни они причину драки, вряд ли продолжили бы грызться, когда я полетела вниз. Меня уронили, и это было бы ужасно, не будь я сегодня такой везучей.

Хотя, наверное, странно говорить об удаче, когда ты попал в какое-то странное место и постоянно рискуешь совершенно не героически сдохнуть.

Но, тем не менее, я снова приземлилась на мохнатую спину. На этот раз повезло меньше. Мохнатая спина хоть и была широкой, но совершенно неудобной, и если бы я не умудрилась ухватиться за плоские рога на голове чудовища, то свалилась бы, не успев даже подумать, что мне повезло.

Мы неслись вперед, я, шалея от своей смелости, удобнее оседлала невольного скакуна, уже не так ощутимо отбивая попу об наросты на его спине. А он, офигевая от моей наглости, пару раз вильнул задом, стремясь скинуть ненужный груз, но чуть сам не свалился и перестал бузить, лишь изредка возмущенно взбрыкивая.

Так мы и пролетели проход, выскочив в теплый и солнечный летний день. Яркий свет резанул по глазам, и я чуть сама не свалилась, на радость рогатому, но каким-то чудом удержалась.

Отбитое, обессиленное тело из последних сил боролось за жизнь своей хозяйки.

Я уже ничего не понимала и действовала исключительно на инстинктах. Даже не удивившись почти, когда мы, вместе с еще несколькими мелкими чудовищами, бросились в заросли, находившиеся сразу у каменистого плато, на которое нас выбросило из туннеля.

Основная ужасная рать неслась вперед по широкой дороге, целенаправленно куда-то спеша.

Я бы могла поклясться, что они спешили в город, туда, где много-много вкусного мяса. Если бы знала, как облечь свои подозрения в слова.

Рогатый уносил меня в лес, и я была ему за это очень благодарна. Первое время. Потом начала тихо ненавидеть.

Ветки били по лицу, цеплялись за волосы и футболку, стараясь сорвать меня с чудовища.

Я сопротивлялась минут десять, потом силы меня покинули и пальцы безвольно разжались.

Очередное падение уже не смогло меня впечатлить - все тело и так болело, ничего нового я не почувствовала.

Просто лежала в траве, раскинув руки, и ощущая, как глухую боль от ушибов разбавляет едкое жжение царапин. Лицо, руки, спина, которую я разодрала при падении какой-то веткой, отбитые бока, пульсирующее горячей болью плечо. Я была одним цельным сгустком страданий.

И, пожалуй, только в этом было мое спасение. Боль мешала думать.

Я лежала, покачиваясь на горячих волнах, вдыхала запах разогретых на солнце трав и хотела стать облачком. Тем белым, пушистым облачком, скрывшим солнце. Чтобы во мне тоже было пару тысяч тонн, и я могла раздавить ко всем чертям и это гору, и эти перемещающие дыры, и неплохо было бы еще и светлячка раздавить. Скотина светящаяся.

В кровожадных мечтах, среди травы и умиротворяющего стрекота кузнечиков я провалялась долго. Пару часов, не меньше. Именно столько времени мне понадобилось, чтобы перевести дух, смириться с происходящим и, наконец-то, подняться.

Голова кружилась, хотелось пить или сдохнуть. Но, так как сдохнуть не получилось, хотя нельзя сказать, что попыток не было, я медленно побрела на поиски воды.

Воды не находилось. Еды тоже. Вокруг было много знакомых еще с детства трав, которые я охотно помогала собирать бабушке для всяких ее оздоровительных рецептов, еще больше было незнакомых растений, и ничего съедобного. Я едва шла, почти не чувствовала своего тела, зато очень хорошо и во всех подробностях ощущала боль от ран и ушибов, что было довольно обидно.

Только ближе к вечеру, искусанная комарами, обессиленная, опасаясь заражения крови, я набрела на родник.

Это был праздник лучше любого дня рождения.

Я напилась, промыла кое-как плечо, от души поплакала и с чистой совестью уснула, в ближайших кустах.

Плечо болело значительно меньше, царапины и вовсе перестали напоминать о себе.

Я слишком устала, чтобы страдать, и мгновенно вырубилась, стоило только прилечь.

Это были самые счастливые девять часов моей жизни в этом сумасшедшем месте.

А на исходе девятого часа мой покой был нарушен оглушительным пищанием и болезненным щелчком где-то внутри черепной коробки. Словно кто-то заржавевший тумблер переключил.

Я не вздрогнула, не дернулась, даже дыхание не сбилось, просто проснулась, не сразу сообразив, что происходит и почему так больно, а когда сообразила, мысленно помянула светлячка тихим злым словом.

Шею снова опалило огнем, как когда он ко мне прикоснулся, и я услышала невероятное — хорошо понятную, не напрягающую речь. На этот раз мне не казалось, что перевод запаздывает, как это было со светлячком. Слова накладывались на образы в моей голове и не пугали своей необычностью.

— А вдруг это, все-таки, дух леса? — озабоченный голос ворвался в мой нездоровый сон.

— От духа кровью бы не пахло, — ответили ему густым, тяжелым рычанием.

— А кто сказал, что это его кровь? — не унимался первый.

— Это выходец, — убежденно прорычал второй, — нужно добить.

— Спящего? — возмутился первый, и я возмущалась вместе с ним. Вот уж что-что, а умирать во сне я не хотела. У меня вообще смерть в планах не значилась.

В моих планах жирным шрифтом большими буквами было написано всего два слова «вернуться домой».

И пусть я не знала, как это сделать, не представляла даже, где нахожусь, но сдаваться не собиралась.

— Тогда разбуди его, — предложил тот, чья речь больше походила на звериное рычание.

В меня бесцеремонно потыкали палкой.

— Эй ты.

Не раздумывая, что делаю, я ухватила за древко, дернула его на себя и глухо взвыла от прострелившей все тело боли.

Палку, на деле оказавшуюся вполне пристойной рогатиной, из моих ослабевших пальцев

вырвали.

— Он ранен! — долговязый, худой парень обвиняюще указал на меня рогатиной. — И похож на человека.

Если бы я уделила ему чуть больше внимания, то смогла бы разглядеть и светлые, неровно подстриженные волосы, и россыпь веснушек на носу, и зеленые глаза, и короткий шрам на щеке. Возможно, мне даже хватило бы сил, чтобы восхититься его расшитой рубахой.

Но я на него не смотрела, и если бы горло не свело судорогой, уже самозабвенно визжала бы.

Рядом с парнем стоял медведь. Огромный бурый кадьак.

— В-валерьянки мне, — простонала я, здоровой рукой хватаясь за сердце.

— Девчонка? — удивился парень и еще удивленнее добавил, — говорит по-нашему.

Чуть не ляпнув, что я теперь, кажется, по-всякому могу, прижалась лбом к траве, ругая себя за то, что голову подняла. Лучше бы мертвой прикинулась, может они бы меня в покое оставили.

Медведь зарычал, и в этом рычании я узнала голос того, кто хотел меня добить.

— Она не человек. Голова в огне.

Я невольно вскинула руку, прикрывая макушку. Рубиновый красный, замечательный цвет, стойкий, мне очень идет. Угробила на одну упаковку краски почти две тысячи рублей, а меня теперь из-за этого еще и убить хотят.

— Не в огне, — усмехнулся парень, — просто у волос цвет странный. Может она из дервичей? Говорят, у них встречаются красноголовые.

Медведь тяжело вздохнул.

Зажмурившись, я пыталась справиться с собой. Светящиеся инопланетяне и мутировавшие летучие мыши это одно, а вот говорящий медведь — верная дорога в дурку.

Меня даже не смущало то, что парень медведя тоже понимал. Все это казалось просто одним большим глюком моего производства.

Я не вникала в эмоциональный спор, касавшийся непосредственно моей персоны, просто легла так же, как лежала до их появления в моей непростой жизни, закрыла глаза и мгновенно вырубилась.

Сон мой, был больше похож на затяжной обморок, и в себя я приходила очень тяжело и болезненно.

А когда все же пришла, почти сразу поняла, что раньше все было еще вполне мило и даже адекватно, а вот сейчас, в это самое мгновение, на этой жесткой, но почему-то удобной кровати, я окончательно распрощалась с мыслью о своем психологическом здоровье. Не было у меня его, здоровья этого.

Плечо оказалось перевязано, царапины на руках смазаны какой-то зеленоватой гадостью, которая успела впитаться, но оставила легкий налет на коже. Одежды — моей последней связи с реальностью, поблизости не было, а сама я обряженная в длинную рубаху без рукавов, лежала под тонким покрывалом на низкой койке. хлопок, на ощупь определила я, только хлопок и больше ничего.

В смысле с меня не только порванные джинсы с футболкой стянули, но и нижнее белье куда-то дели. И кроссовки тоже.

Небольшая комната, светлая и уютная, пахла травами, что сушились под потолком, и звенела от птичьего пения, доносившегося с улицы. Окно было открыто, и ничего не мешало звукам проникать в помещение.

Со своего места я могла разглядеть большой шкаф, пристроившийся в углу, и стол, стоявший перед окном, в ногах моей кровати.

Стул стоял рядом со мной, словно совсем недавно на нем кто-то сидел.

Никаких личных вещей видно не было, я не знала куда попала, кто хозяин этой комнаты, этого дома, этой дебильной рубахи, в которую меня обрядили, и совсем не чувствовала благодарности за помощь.

В голове было пусто. Я старательно гнала от себя воспоминания о светлячке, об охотниках и говорящем медведе, трусливо не желая анализировать случившееся.

Встать удалось только с третьей попытки, первые две привели к тому, что я свалилась на пол, опрокинув стул и потревожив все свои многочисленные раны. Уже с пола, ядрено матерясь, я медленно поднялась сначала на четвереньки, а потом и на ноги, перемежая матюги с уговорами себя любимой потерпеть.

Если бы мамочка слышала, как я ругаюсь, дала бы ремня и не посмотрела, что дочь у нее уже взрослая. Но она не слышала и знать не знала, что ее непутевая кровиночка не спешит к ней на поезде, а сидит в непонятном месте и силится не разреветься.

Я крепилась, крепилась, а потом встала на ноги, пошатнулась и разревелась таки. Как последняя девочка, осев обратно на кровать.

Сильно, как никогда прежде, хотелось домой.

Дверь открылась тихо, без скрипа, и у моих рыданий появился свидетель.

— А я ему говорил, что добить ее нужно было. Ненормальная она. Не дай праматерь, одержимая, — прогудели от порога.

Я вздрогнула и выпрямилась, смаргивая слезы, мешавшие разглядеть столпившихся у двери. Их было двое, и доверия они не внушали. Ни высокий - белый и худой, ни большой - грузный и бородатый. Первый пугал блеском желтых звериных глаз на бледном, будто нечеловечьем лице, а второй просто пугал. Потому что это он сейчас сказал, и это был именно тот голос, что чудился мне в медвежьем рычании.

— Свер... — попытался что-то сказать бородатый, но белый цыкнул, не отводя от меня своих жутких глаз, и тот сразу замолчал.

Я икнула, вытирая рукавом мокрые щеки и исподлобья глядя на белого, не зная еще, что так нельзя делать.

— Глаза опусти, — велел он, и даже в его голосе было что-то звериное.

Я икнула еще раз и приказ проигнорировала.

— Говорю же, ненормальная, — проворчал бородатый.

— Берн, — одернул его белый, — Ашшу приведи.

Бородатый вздохнул, я еще раз икнула.

Когда за недружелюбным Берном закрылась дверь, а я с этим чудищем отдаленно человеческого вида осталась в комнате одна, желание оказаться дома стало почти нестерпимым.

Всхлип вырвался помимо воли.

— Не успокоилась еще? — недовольно спросил этот, которого, кажется, Свером звали, продолжая топтаться у двери.

Я была ему за это благодарна, но предпочла бы, чтобы он за дверью находился, желательно запертой. Изнутри.

В ответ я шмыгнула носом, не забывая на него тарачиться. Почему-то казалось, стоит только отвести взгляд, отвернуться хоть на секунду, и он окажется рядом.

— Ты пришла с той стороны?

Сначала я не хотела отвечать, но после недолгих раздумий решила, что лучше не позволять ему додумывать ответы самостоятельно.

— Из туннеля, — хрипло подтвердила я, на всякий случай добавив, — сверху упала.

Свер поморщился.

— Жертва.

— Что?

Проигнорировав мою растерянность, он требовательно спросил:

— Что ты умеешь?

— Ну...

Читать, писать, вышивать крестиком. Что именно его интересует он не уточнил, а я боялась спросить.

— Охотиться умеешь? Травы знаешь?

— Травы, наверное, знаю, — неуверенно подтвердила я, — охотиться не умею.

— Хорошо. Наберешься сил, найдем тебе место в доме Йолы, будешь ей помогать, — окинув меня тяжелым взглядом, Свер поморщился, — если захочешь остаться.

Меня передернуло от его последних слов. Остаться я не планировала, мне нужно было обратно в мой мир, восстанавливать расшатавшиеся нервы.

— Я бы хотела вернуться домой.

— Это невозможно. Если ты не с той стороны, хода, которым ты пришла сюда, больше не существует.

Сразу видно, он знает толк в утешениях.

Дверь приоткрылась, после весьма условного, дробного стука.

— Звал?

Первое, что я увидела, когда девушка вошла в комнату, были зеленоватые чешуйки на смуглых скулах. Они как-то очень естественно переливались глубокой зеленью, тонконосым клинышком поднимаясь к вискам и скрываясь в густых темных волосах. Зеленые глаза ее благодаря этому казались еще ярче и словно слегка светились. А может, и правда светились, я бы не стала этому удивляться.

Она улыбнулась мне, блеснув длинными, острыми клыками.

— Разберись с ней, — велел Свер, по его резкому лицу мимолетной судорогой прошло безгловое выражение, — успокой.

— Поняла.

Остаток дня я провела в компании улыбчивой Ашши, и это был на редкость бездарно проведенный день. На вопросы мои она отвечать не хотела и только дружелюбно повторяла, изредка срываясь на шипение, что мне нужно отдыхать и что домой я попасть уже не смогу, но здесь мне обязательно понравится. Где «здесь» - она не уточняла, раздражая своим убойно-позитивным настроением, и очень настаивала на том, что я в полной безопасности, и только это сейчас должно быть важно.

— Мано-Аль хорошо заботится о своих детях, — туманно сообщила она, — с тех пор, как вожаком стал Северин, в сражениях с выходцами погибло всего двадцать наших воинов.

— Впечатляюще, — кисло подтвердила я.

На то, чтобы пройти все стадии смирения с неизбежным, мне понадобилось десять дней. Отрицание, гнев, торг, депрессия и, наконец, принятие...

Отрицать реальность происходящего мне не позволяли ноющие синяки и туго забинтованное плечо, эту стадию я проскочила быстро, всего за день.

Сложнее всего было с гневом. Я бродила по пустынным улицам, между каменными, несокрушимыми на вид домами, смотрела на малочисленных людей, которые в большинстве своем на людей похожи и не были, и едва сдерживала злость.

Они были дома, в привычном окружении знакомой им сумасшедшей реальности, где есть оборотни, лесная нечисть и другой мир, проход в который открывается случайно, без каких-то сопутствующих открытию знамений.

О том, что проход, через который я вылетела на одном из выходцев, закрылся в тот же день, когда я оказалась в этом мире, узнала от Ашши, ставшей моей своеобразной нянькой. На мои немногочисленные вопросы она отвечала редко и неохотно, зато свои задавала в невозможных количествах и с горящими глазами ждала ответа. И я отвечала.

Откуда, как зовут, сколько лет, какой он, мой мир.

Первый допрос состоялся на тяжелой дубовой скамье, вбитой в землю под окнами дома Свера. Двухэтажный и вызывающе белый, он очень сильно выделялся среди своих серых соседей.

Как оказалось, поселили меня в доме вожака Северина — Белого Волка, как перевела для меня его имя Ашша, или Сверина — Князя Волков, или просто Свера.

Не польщенная оказанной мне честью, их белобрысого князя я избегала и благодарить не спешила. Его не устраивало, что я не опускаю глаз, когда он обращается ко мне, а меня бесило ощущение полной беспомощности, появляющееся в его присутствии.

Мы друг другу не нравились, но выгонять меня Свер не спешил, позволив жить у него столько, сколько мне нужно, чтобы принять свою новую судьбу.

— А зовут-то тебя как? — грубовато поинтересовался Берн, расположившись прямо на земле, рядом со скамьей. По поводу моего весьма преклонного возраста — девятнадцать лет, а еще в девках, какой кошмар — он уже с охотой прошелся, и пытался найти что-нибудь еще, к чему можно было бы придраться. Не знал бородатый, что всего через шесть дней мне должно было стукнуть двадцать, и говорить ему об этом я как-то не планировала.

— Ярослава.

— Яро... — он запнулся, — слава.

Переглянувшись с Ашшей, которая беззвучно шевелила губами, проговаривая мое имя про себя, он недовольно покачал головой.

— Слишком длинное. Такое позволено только вожаку. — он поморщился. — Была бы Яра, да хилая ты для такого имени.

— Чем это хилая? — возмутилась я, непроизвольно выпрямляясь. На самом деле становиться Ярой мне не очень-то и хотелось, я всю жизнь Славой проходила, но эта его снисходительность задела растревоженные чувства и заставила ощетиниться.

Берн хохотнул.

— Пусть Ярой будет, — мягко сказала Ашша..

Так я лишилась не только вещей, сожженных сразу же, как меня принесли в это их звериное логово, зовущееся Пограничьем, но и имени.

В тот день, вечером, я впервые попыталась торговаться с судьбой, обещая непонятым духам и некой мифической прамати чуть ли не пожизненную благодарность, если меня вернут домой.

Обещания мои не заинтересовали суровую Волчицу, одинокую и прекрасную, как благоговейно говорила Ашша, вечно бегущую по небу в поисках своей стаи.

Здесь поклонялись Белой Волчице — Мано Аль. Созвездие, вспыхивавшему ярко лишь в дни полнолуния.

Дольше всего длился период отчаянной депрессии. Я ничего не хотела, не ела и почти не пила, три дня подряд просидела в своей комнате. Под конец Ашше это надоело, и она пожаловалась на меня Берну, который не поленился подняться и предупредить, что если я не перестану дурить, то он лично затолкает в меня еду, а потом вытащит на улицу и выгуляет, даже если для этого ему придется надеть на меня ошейник, как на собаку.

Меня эта его угроза повеселила, и совсем уж добило непреклонное заявление, что я теперь часть стаи, пускай и самая неказистая.

— Возьми себя в руки, — напоследок рявкнул он, громко хлопнув на прощанье дверью.

И я последовала его совету. Решив прекращать рефлексировать и начать уже вливаться в эту безумную стайную жизнь — на этом моменте меня пробрал нервный смех, хотя решимость моя не пошатнулась — но не теряя надежды дожидаться шанса вернуться домой, к родителям, своей привычной жизни, планам на будущее и старой комнате, цвета обоев которой я уже и не помнила, так обильно ее стены были обклеены всякой милой сердцу мелочью.

Глава 2

Яра, ужасная лесная нечисть, приятно познакомиться...

Обиднее всего, пожалуй, было то, что чуть ли не чудовищем меня считали оборотни, полужвери, в основе культуры которых лежало идолопоклонничество.

Они натурально поклонялись Белой Волчице, приносили жертвы, просили помощи или совета. На краю деревни, у быстроходной реки, даже было возведено ее именное капище. Идол их богини возвышался над водой, искусно вырезанная волчья морда скалилась и казалась совершенно недружелюбной, а выкрашенные красным глаза придавали ее облику особую жуть. Увидишь такое страшилище ночью – узнаешь, что такое сердечный приступ.

Но все опасались почему-то меня, а не этот первобытный языческий образчик резьбы по дереву.

Я боялась подходить к капищу и старалась, по возможности, находиться ближе к высокой, каменной стене, с трех сторон ограждающей деревню от выходцев и врезавшейся в несокрушимый камень нависающих скал, сходящихся в месте образования деревни. Такая себе встреча дикого камня с домашним вырубленным с любовью какими-нибудь суровыми бородатymi оборотнями.

С четвертой стороны наш покой стерегла река. И Волчица.

— Опять ты здесь?

Втянув голову в плечи, я невольно зажмурилась. На крепостную башню, упрямо и бесстрашно — а бояться было чего, Свер умел неплохо рычать даже в человеческом виде — я приходила почти каждый день, и не обращая внимания на дозорных бездумно таранилась вдаль. Даже понимая, что это мне ничем не поможет и я не смогу вернуться домой, все равно приходила, чтобы еще раз взглянуть на виднеющиеся невдалеке горы, вопреки здравому смыслу и запретам Свера.

Двое дозорных, что следили за дорогой, переглянулись и дружно вышли, оставив меня наедине со своим вожакom. Сдали меня этому зубастому и отбыли с чувством выполненного долга.

А ты, Ярочка, страдай, получай заслуженный нагоняй и топай к Ашше зализывать душевные раны.

Я знала, что некоторые особенно ранимые и впечатлительные жители даже приходили к Сверу с просьбой вернуть меня лесу. Проще говоря, хотели выставить за ворота, прикрываясь беспокойством о самочувствии нечисти, оторванной от своих.

Свер отказался и даже оставил в своем доме, когда Йола не пожелала забирать меня себе в качестве помощницы.

Лесная нечисть ей была не нужна. Со знахаркой были согласны многие, а я иногда даже подумывала действительно взять и гордо уйти из этой негостеприимной деревни всем назло. Останавливало лишь осознание того, что я-то на самом деле совсем не нечисть, и даже не Яра, я — Ярослава Волоцкая, студентка второкурсница, уже почти третьекурсница, исторического факультета, с пятнадцати лет закоренелый городской житель и одна в лесах не выживу. А если Свер не соврал и проход закрылся, выпустив в этот мир меня и еще какое-то количество зубасто-рогатого ужаса, то путь домой мне был закрыт. Не то, чтобы я сильно верила этому волчаре, но рисковать не хотелось. Воспоминания о монстромыши до сих пор отзывались тупой болью в быстро заживающем плече.

— Я запретил тебе сюда приходить, — когда Свер злился, в его голосе все отчетливее прорывалось звериное ворчание, давая понять даже самым тугодумным, что вожак не в настроении и лучше к нему не лезть.

Но я-то к нему не лезла, просто пришла тихонечко полюбоваться горами и помечтать о том, что в один прекрасный день попаду домой. Ничего противозаконного, а он на меня

рычал так, словно я его врагам планировала ворота открыть.

— Запретил, — негромко подтвердила я, разглядывая серебряные браслеты на его руках. В половину длины обычных наручей, они крепко обхватывали запястья и были усеяны защитными рунами, — а почему так и не объяснил.

Свер раздраженно вздохнул, сглотив вертевшиеся на языке ругательства.

— Я не нечисть.

— Знаю, — отрубил он.

Я молчала, желание демонстративно прямо сейчас, у него на глазах гордо уйти в лес, стало почти нестерпимым. Меня бы никто не останавливал, даже на прощание платочками бы помахали, а потом еще и соль перед воротами рассыпали, чтобы пути назад не нашла.

Жаль, все-таки, что я не нечисть.

Тяжелую тишину разбило решительное:

— Пойдем.

Не оборачиваясь и не проверяя, следую ли я за ним, Свер покинул башню.

Состроив постную морду, я подтянула штаны, выданные мне вместе с простой белой рубахой без всякой бережной вышивки, и неохотно вышла из прохладной тени в горячий солнечный день.

Где-то рядом размеренно рубили дрова для бани. Оборотни, как звери чистоплотные, очень любили париться и даже летом, в сорокоградусную жару, прохладе речной воды многие предпочитали банную духоту.

Мне в этом плане повезло, в доме Свера имелся и водогрей, и целых две ваннных комнаты на первом этаже. Большие медные ванны меня полностью устраивали.

Сначала мы пошли в дом вожака, который служил и трактиром, и постоянным двором до кучи, поражая воображение своей многофункциональностью.

На кухне, где трудилось две девушки и одна властная медведица в человеческом обличье, Свер, проигнорировав горячие любопытные взгляды, взял большой пирог с ягодами и полную кринку молока.

Заинтригованная, я поспешила за ним, не смотря даже по сторонам. Каменные дома, высокие заборы, многие из которых были укрыты разросшейся зеленью, и редкие недружелюбные лица я и так видела каждый день.

Чем ближе мы подходили к воротам, тем меньше становилось мое желание идти за ним. И уж совсем оно затухло, когда Свер преодолел укрепления и, не замедляя шага, прошел в быстро открытые при его приближении ворота.

Я застыла на месте, не спеша следовать за оборотнем. Подумалось почему-то, что я Сверу совсем надоела, и он решил лично меня в лес увести. Вернуть, так сказать в естественную среду обитания на радость своим нелюдям.

Парень, стоявший на воротах, смотрел на меня с интересом, но вопросов не задавал и даже не сильно удивился, когда с той стороны раскатисто рывкнули:

— Яра!

Поежившись, я впервые за прошедшие две недели ругнулась их праmaterью, которая очень хорошо подходила на замену привычному чертыханию, и побрела на голос, подавив недостойное, но простительное желание сбежать, затерявшись среди домов, найти Ашцу и потребовать убежища.

Она одна, не считая Берна, который хоть и был решительно невыносим, но по сравнению с остальными оборотнями просто невероятно дружелюбен, относилась ко мне хорошо и

не избегала моего общества.

В лес за Свером я пошла послушно, но не скрывая опасений по поводу своего будущего. Хотелось верить, что не способен он вот так просто завести человека в лес и бросить там на откуп настоящей нечисти.

Но... а вдруг способен?

Пирог в холщовой сумке, крынка в руках, прямая спина и белобрысая макушка - Свер не вызывал особого доверия. Только не у меня.

— А куда мы идем? — забеспокоилась я, когда сойдя с дороги, мы зашли достаточно далеко, чтобы, заблудившись, я не смогла найти дорогу назад.

Свер молчал. Его легкий шаг был по-звериному тих, и со стороны могло показаться, что по лесу в одиночестве бродит какое-то очень большое животное. Потому что только большие звери могут себе позволить так громко и бесстрашно ломиться вперед.

— Может, вернемся?

А в ответ тишина. И лес, вполне тихий и мирный, совершенно не страшный на первый взгляд, в компании оборотня приобрел какую-то беспокоящую мрачность. Солнце сквозь высокие кроны сосен светило по-особенному злорадно, дробный стук дятла напоминал грохот вколачиваемых в доску гвоздей.

Грбовые доски, грбовые гвозди, похоронный марш... накручивая себя, я постепенно начала отставать и очень забеспокоилась, готовая паниковать и слезно умолять не оставлять меня здесь одну, когда, выйдя на небольшую поляну, Свер остановился у поваленного дерева.

Разломив пирог на четыре части, он положил его на сухой ствол и аккуратно пристроил крынку с молоком в траве, шепнув себе под нос что-то очень похожее на заговор. Я успокоилась, попыталась взять себя в руки и даже нашла силы, чтобы полюбопытствовать:

— Что, лешего задабриваешь? — притормозив у края поляны, я вытягивала шею, рассматривая умиротворяющую картину дикого леса. Никаких бутылок, оберток или пакетов, такое прекрасное, очень уютное, просто идеальное, совершенно чистое место для пикника. Вот именно в такие моменты я особенно остро ощущала, как же сильно отличаются наши миры.

— Лесовицу, — коротко ответил Свер, отряхнув руки, — чтобы тропу не кружила.

— Это которая мужиков своим темпераментом на тот свет отправляет? — со славянским фольклором я не успела толком ознакомиться за два студенческих года, но кое-что все же знала.

Судя по удивленному взгляду Свера, знала я что-то не то.

— Что? — недружелюбно поинтересовалась, смущенная его взглядом.

— Ашша говорила, вы поклоняетесь единому божеству и не признаете других сил, — задумчиво проговорил он, продолжая меня разглядывать, — сложно, должно быть, жить не в ладу с природой.

— Мы не враждуем, — угрюмо пробормотала я, прекрасно понимая, что вру. Но не носить же мне было в лес пироги, достаточно и того, что я еду к подъезду выносила, подкармливая бездомных кошек. Чем не гармония с природой?

Его мои слова не впечатлили. Хмыкнув неприятно, он велел:

— Пойдем.

Из деревни нас выпустили легко, даже не подумав спросить, что мы забыли в лесу, кишащем всякой нечистью и выходцами с исправно функционирующим чувством самосохранения, которые, при появлении в этом мире, вместо того, чтобы броситься

сразу к деревне, осели в лесу и смогли скрыться от разъездов.

Конечно, разве существует такая тварь, что может оказаться опасна их вожаку? Сильный зверь пошел в лес, и обеспокоиться его безопасностью значит усомниться в его силе, а такое никому не пришло бы в голову.

И совсем не странно было то, что нечисть отправилась с ним. Неужели кому-то может быть опасен родной дом? А именно домом, по мнению многих, лес для меня и был.

Наш поход никому не должен был показаться странным. Ну, пожалуй, кроме меня.

И я, вполне оправданно, решила дать волю своей паранойе.

— Куда?

Свер остановился, успев сделать всего несколько шагов, обернулся. Никакой радости от моего вопроса и нежелания выполнять приказ не было написано на его страшной роже, только снисходительное раздражение и легкая досада. Кажется, он и сам не совсем понимал, зачем со мной связался.

— Ты ведь хочешь убедиться в моих словах? Своими глазами увидеть, что проход закрыт? — ровно спросил он, прекрасно сдерживая раздражение.

А я его раздражала, в этом не было никаких сомнений.

Свера злили мои красные волосы, дикие (уж кто бы говорил) повадки и полное отсутствие смирения.

Меня просто бесил он. Весь. Целиком. И та подавляющая мощь, ощущающаяся рядом с ним. Сильная личность? Ха! Просто злобный волк с мерзким характером.

Но, несмотря на наши непростые отношения, ответ меня удовлетворил, порадовал, и открыл второе дыхание, так как первое от страха сперло.

Далеко мы не ушли, дойдя до края поляны, Свер потребовал, протягивая мне раскрытую ладонь:

— Руку.

Насупившись, раздраженная его командным тоном, я, не раздумывая, спрятала руки за спину. Гулять по лесу, держась с ним за ручки, совсем не хотелось. Вот ни капельки.

Свер глухо рыкнул, вроде как ругнувшись, и потребовал:

— Дай руку, иди следом за мной и не оборачивайся назад, чтобы не услышала, пойдём волчьей тропой, так быстрее.

— И опаснее?

Желтые глаза нехорошо блеснули.

— Если будешь делать то, что я говорю, с тобой ничего не случится.

Я отступила на шаг назад. Кто знает, что меня там на этой его тропе ждет?

— Волчьими тропами же только волки могут ходить?

— Обратни.

— Ага, ясно, то есть Берн и Ашша тоже могут?

— Берн может, Ашша нет, — ответил вожак, терпеливо пережидая острый приступ моей мнительности.

— А почему?

— У нее спроси, — рыкнул он.

— А если ты меня там бросишь, я уже сама выйти не смогу?

— Я тебя не брошу.

— Но сама я выйти не смогу?

— Я тебя не брошу, — с нажимом, медленно и чуть ли не по слогам проговорил он, чтобы под конец рявкнуть, — руку!

Вздвогнув, я без раздумий выполнила приказ, неохотно ступив вслед за ним на темную, неуютную тропу, неожиданно показавшуюся между деревьями.

— Ты как это сделал? — возмутилась я шепотом, опасаясь шуметь в этой недружелюбной мрачности. Солнце куда-то делось, со всех сторон к нам подбирались сумерки. Холодные и страшные, они скрадывали пространство между сосновыми стволами, в темноте зажигались красные огоньки.

Все вокруг казалось призрачным и зыбким, будто нереальным. Только горячая, сильная рука, в которую я вцепилась с отчаянием утопающей, была достаточно реальной, чтобы не позволять чему-то непередаваемо жуткому забрать меня.

— Молчи, — короткий, недружелюбный ответ. И я ему очень обрадовалась. От звука голоса, пускай раздраженного, но живого и близкого, стало легче, страх ослабил свою холодную хватку.

Я шла вперед, смотрела на спину Свера, полностью сосредоточившись на приставшей к рубахе, аккуратно между лопаток, сухой травинке, и отсчитывала шаги. На двадцать третьем за спиной что-то зашуршало.

— Не оборачивайся, — вовремя напомнил Свер, оборвав мой порыв в самом начале. Я медленно вернула соскользнувший взгляд на его спину, не обрадовавшись тому, что успела заметить в темноте слева от себя - красные огоньки мигали и приближались.

— Долго нам еще? — ноги в легких, плетеных босоножках замерзли, но не это было самым неприятным. Прикосновения стелющегося по дорожке тумана оставляли влажные следы на голой коже. Меня передергивало от гадливости, но возможности остановиться и опустить подкатанные до середины икры штаны не было. Приходилось терпеть.

Со счета я сбилась на сорока восьми. Просто за спиной послышались шаги, и все мысли вылетели из головы.

— Свер?

Шаги затихли.

Он сильнее сжал мою ладонь:

— Не оборачивайся.

Прошло всего несколько секунд, как шаги послышались снова. Значительно ближе. По спине прошелся легкий холодок, я могла поклясться, что у меня даже волосы на затылке зашевелились.

— Свер.

— Не бойся.

Легко сказать «не бойся», а как тут не бояться, если сзади кто-то идет? Я никогда не отличалась особым бесстрашием.

Шаги вновь затихли.

Огоньки продолжали перемигиваться, но уже не приближались, и мне это показалось дурным знаком. Если одна жуть не решается подойти ближе, значит какая-то другая, более страшная, притаилась рядом.

Когда шаги возобновились совсем уже близко, я встала как вкопанная. Было невыносимо, просто идти и ждать, когда это существо тебя нагонит, едва ли оно настроено дружелюбно, только не с моим везением.

Свер ругнулся и, не оборачиваясь, потянул меня к себе, заставив встать перед ним. Мы едва разминулись на узкой тропинке, меня протащили по воздуху над самым ее краем, не позволяя коснуться травы, и поставили перед собой.

Шаги затихли, а меня дальше толкали вперед, крепко держа за плечи.

— Здесь нельзя бояться, — очень своевременно сообщил вожак.

Нет бы раньше предупредить, до того, как мы забрели в этот недружелюбный кошмар. Сказал бы об этом еще там, на поляне, под ярким солнечным светом, я бы, может, хоть как-то ко всему этому подготовилась.

Темнота впереди сгущалась.

Хотя, с другой стороны, разве ж к такому можно подготовиться? Неизвестность для меня была страшнее любых, даже самых ужасных монстров, просто потому что оставляла простор для фантазии. А у меня воображение богатое и немножечко больное, я себе таких ужасов напридумывать могу без всякой посторонней помощи, просто прогулявшись ночью до туалета по темному коридору, что обратно в кроватку бежать буду обгоняя саму себя, а тут лес кругом недружелюбный, еще и шорохи всякие, звуки страшные. Шаги.

Шаги раздались впереди, прямо в темноте. Кто-то шел нам на встречу. Тропинку было видно всего на полметра, и темнота подступала все ближе.

— Там... — я попыталась притормозить, но Свер был неумолим, он толкал меня прямо навстречу шагам. — Постой.

— Нельзя оборачиваться. Нельзя останавливаться. Нельзя бояться, — он продолжал толкать меня вперед.

— Ходить по ней нельзя, — простонала я зажмурившись. Сердце готово было выскочить из груди, целеустремленно пробивая себе путь вверх по горлу. Я не могла дышать, думать и едва шла, пребывая в предобморочном состоянии.

Кто-то был уже всего в паре шагов от нас, а я - в шаге от спасительного обморока, когда лицо вновь почувствовало тепло солнечных лучей.

Резко раскрыв глаза, я ошалело огляделась по сторонам.

Мы стояли у того самого места, где рогатый, отбившись от стаи - чтобы не сказать стада - понес меня в лес.

— Но... — я обернулась на деревья за нашими спинами, и на этот раз меня не стали останавливать, — тут же до деревни километров двадцать.

Свер кивнул. Ни удивленным, ни восхищенным или даже испуганным он не выглядел. Для него такие чудеса были в порядке вещей.

— Узнаешь место?

Я узнавала, пусть и была здесь лишь однажды, да и то на спине какого-то иномирного монстра.

Свер указал на пещеру в скале.

— Проверь.

Снаружи я ее еще не видела, но не сомневалась даже, что это она и есть. Широкая и длинная, пещера больше походила на трещину, очень глубокую и странную, с оплавленными краями и почерневшим камнем под ногами.

Внутри оказалось темно, но не это было самым страшным. Отсутствие светящихся нитей,

пронизывающих стены, было несерьезной мелочью по сравнению с отсутствием туннеля. Это была всего лишь пещера. Метров двести в длину, пятьдесят в ширину и неизвестно сколько в высоту.

Это был одновременно тот самый проход, сквозь который я попала в этот мир, и все же это был не он. Потому что прохода не было.

— Но как? — я ощупывала стены, надеясь, что сейчас случится чудо, она поддастся и растает, а впереди покажется злосчастный туннель.

Чуда не произошло.

Свер молча ходил за мной, пока я обследовала пещеру, всегда отставая на пару шагов, не больше, и теперь, когда я полуобернулась к нему за объяснениями, лишь пожал плечами. Подойдя ближе и коснувшись стены в паре сантиметров выше того места, где ее толкала я... Слово могла сдвинуть. Будто бы это было возможно.

— Почему?

— Никто не знает, как это произошло, — говорил он тихо, стоял слишком близко, но впервые меня это не угнетало. Я и без его давящей силы чувствовала себя подавленно и разбитой, почти сломленной, — этот проход просто появился, всего за одну ночь почти сотню лет назад. Многие считают, что тори — граница нашего мира, треснула, соприкоснувшись с другим, и образовался проход. Но миры не стоят на месте, и проход открывается лишь когда эти трещины сходятся вновь. Я же думаю, что нам просто очень не повезло. Жестокая шутка высших сил.

— Почему?

— Из разлома в наш мир попадают только выходцы, странные животные и, изредка, непонятные болезни. Ни запереть его, ни как-то уменьшить не получается. При открытии прохода высвобождается огромная сила, образующая кратковременные переходы в другие миры, — он посмотрел на меня, — мы не знаем как, известно лишь, что ни один из таких переходов не остается открытым дольше пары секунд.

Я вспомнила синие вспышки, вспомнила вываливающиеся из них тела, или камни. Из некоторых и вовсе ничего не выпадало, и они схлопывались, вспыхивая на прощание кривой линией.

— Мы не можем закрыть проход, но можем остановить тех, кто приходит с той стороны.

Прижавшись лбом к холодному камню, я слышала, что он говорит, но почти не понимала смысла.

— Сначала на пограничье отправляли обычных солдат, но их силы оказалось недостаточно, чтобы сдержать натиск выходцев. После нескольких неудачных стычек защита была прорвана, и все близлежащие земли захвачены. Тогда за помощью обратились к нам, — Свер не смотрел на меня, уделив все свое внимание недлинной трещине в камне, — эту территорию отдали оборотням. Хорошие, плодородные земли и справедливые духи. Хранитель стаи одобрил наш новый дом...

— Подожди, — медленно подняв на него глаза, я с трудом осмысливала информацию, — ты сказал, города были захвачены... но кем?

В голове не укладывалось, что дикие, напуганные животные, пусть страшные и сильные, способны разбить армию и захватить местные поселения.

— Выходцами, — коротко ответил он.

— Ничего не понимаю...

— Думаю, нам следует вернуться, — я побледнела, чувствовала, как от лица отхлынула кровь и, видимо, Сверу это не очень понравилось, — тебе нужно отдохнуть. Я знаю, что женщины крайне... чувствительны.

Я невольно фыркнула. Чувствительны, как же. Конкретно сейчас я чувствовала себя

просто одним большим и тяжелым куском мрамора. Неподъемным и совершенно монолитным. Но недостаточно монолитным, чтобы не уточнить опасливо:

— По этой твоей волчьей тропе я не пойду.

— Мы по тропе не пойдем, — подтвердил он, подарив мне несколько секунд покоя, чтобы разбить их непреклонным, — сама ты идти сейчас едва ли сможешь, я тебя понесу, а раз так, какая нам тропа...

Я лишь вяло пожалала плечами, злорадно размышляя о том, как он собирается меня тащить, когда я даже руку поднять не могу, такой тяжелой она стала.

Свер был не в курсе, что я теперь неподъемная, легко закинул себе на спину, и даже не охнул от той тяжести, что появилась во мне после последних новостей.

Опустив голову ему на плечо, я вяло подумала о том, что едва ли еще кто-то мог бы похвастаться тем, что его сам вожак на себе катал, и задремала. В голове, лениво и плавно, кружили обрывки мыслей, среди которых яркой и очень важной, светилась необходимость узнать, что не так с Ашшей, и почему она не может ходить по волчьей тропе, когда чешуйки на скулах выдают всю ее нечеловеческую суть.

Пустую крынку и несколько крошек на поваленном дереве я уже не видела, тихо посапывая Сверу в шею. Но не сильно печалилась по этому поводу, только чуточку грустно становилось от осознания того, что не удалось полюбоваться вытянувшимися лицами тех, кто видел, как их вожак на собственной спине тащил из леса дрыхнувшую нечисть. В конце концов, что может быть зрелищнее?..

Наверное, только улепетывающая от этой самой нечисти Ашша, которой бодрая и выславшаяся я попыталась устроить допрос с пристрастием.

Моя крепкая психика не желала ломаться под тяжестью свалившихся на меня откровений, и я решила направить все свои мысли на что-нибудь более мирное, нежели депрессивные размышления о тщетности бытия и печальной перспективе остаться тут навсегда.

Я спасалась от суровой реальности, и страдать от этого пришлось ни в чем неповинной Ашше.

— Ну ты мне просто скажи!

Наверное, она очень сожалела, что после того, как Свер принес меня в деревню, я проспала всего три часа, и ругала себя за то, что случайно меня разбудила. Очень ругала.

— Ты все равно расскажешь!

Я задышалась, но упрямо не отставала от легко бегущей чуть впереди жертвы. Горящие глаза и развевающаяся за спиной красная коса выглядели, должно быть, слишком опасно, по крайней мере никто не пытался остановить меня и спасти Ашшу.

Мы пронеслись по главной улице, на которой располагались постоянный двор, по совместительству являющийся домом Свера; библиотека, в которой насчитывалось чуть меньше сотни книг; и несколько домов особо важных жителей деревни, заслуживших почет и уважение в сражениях с выходцами. Свернули на узкую тропинку, проходившую между двумя высокими заборами, и выскочили на соседнюю улицу, где мне пришлось прекратить преследование. Берн, на которого я случайно налетела — не обладая гибкостью и быстротой реакции Ашши, просто не успела его обогнуть — вздернул меня за шиворот, заставив тянуться вверх, стоя на носочках.

— Это что еще такое? — грозно спросил он у меня.

— Она не признается!

Ашша, заметив, что я обезврежена, притормозила и сдала назад.

— В чем не признается?

— Она хочет знать, почему я по тропе ходить не могу, — меня одарили ехидным взглядом, — и требует показать во что превращаюсь.

— А она не хочет! — встряла я.

— О тебе же забочусь, — возмутилась Ашша, — вы, люди, слишком впечатлительные.

Берн вздохнул, посмотрел на меня с мукой во взгляде, и проворно ухватив Ашшу под руку, потащил нас обеих к реке.

Пару раз вяло взбрыкнув, но так и не сумев освободиться, я присмирела и позволила дотащить себя до небольшой тихой заводи, где молодые изящные ивы, спустив свои ветви к воде, слегка шуршали листвой, волнуясь под порывами летнего ветерка.

— Покажи ей, — велел Берн, подведя меня к гнutoй, словно прижатой к земле, березе.

Ашша нерешительно на него посмотрела.

— А зачем было из деревни выходить? — полюбопытствовала я, вытянув шею, чтобы разглядеть едва видневшиеся отсюда крыши домов. В этой тихой и уютной низине было спокойно и безмятежно, и если бы не близкое соседство капища, что находилось меньше, чем в километре на север, я бы считала это место своим любимым.

— Чтобы твой визг никто не слышал, — Берн был совершенно серьезен, и это настораживало.

— А зачем мне визжать? — осторожно спросила я.

— А сейчас узнаешь, — расплылся в нехорошей улыбке этот медведище и скомандовал, — Ашша!

Она покорно скинула на землю плетеные босоножки, посмотрела на меня сочувственно и в одно мгновение резко вытянулась вверх. Из-под длинной юбки вместо точеных девичьих ножек выглянул длинный змеиный хвост, зеленый и пятнистый. Чешуек на скулах словно стало больше, они спускались по щекам и шее вниз, выглядывали из-под рукавов, переливаясь на пальцах и подбираясь вплотную к отросшим, черным с явной прозеленью, когтям.

Дернув этими когтями завязки на платье, Ашша выскользнула из одежды, представ передо мной во всем своем чешуйчатом великолепии. Шею, высокую грудь и бока укрывала чешуя, где-то она была плотной и непробиваемой на вид, где-то нежной и едва заметной, и только живот белел совершенно обычной кожей.

Темные волосы, рассыпавшиеся по плечам, зашевелились, и на меня зашипели две зеленые змейки, показавшиеся по обе стороны ее головы.

Я не орала, только тоненько взвизгнула и зажала рот ладонью.

Одно дело предположительно знать, что вот этот вот бородатый дядька мрачного вида может в медведя превращаться, или что Свер — волк-оборотень, но увидеть все своими глазами...

Медленно осев на землю, я смогла выдавить из себя лишь жалобное:

— Верните меня домой, пожалуйста...

Глядя на преобразившуюся Ашшу, я не могла понять только одно: почему создания, способные превращаться в такую-то жуть, считают опасной меня? Нечисть, блин. Волосы у меня красные. А у нее вон чешуя по всему телу!

— Яра?

Она еще и разговаривает...

Я промычала что-то малопонятное и продолжила сидеть на земле, опираясь спиной о ствол березы.

Наверное, только сейчас, глядя на этот длинный чешуйчатый хвост я окончательно поняла, что все взаправду. Они все тут действительно оборотни. И выходцы — не просто напуганные звери. И вообще...

— Берн?

— Что?

— А оборотни пьют? В смысле, самогон или что-нибудь такое?

— Еловица есть, но женщины ее не жалуют.

— Почему?

— Крепкая очень.

— Вот и хорошо. Мне срочно нужен литр этой вашей еловицы. Буду мириться с действительностью.

Ашша растерянно переводила взгляд с меня на Берна, и между ее чуть приоткрытыми губами белели кончики острых клыков.

— Два литра, — исправилась я, решив, что распивать крепленые напитки со мной будет эта растерянная змеевица. В ее компании я не буду чувствовать себя совсем уж потерянной.

Наги, оборотни, странные шаги в темноте и порталы в другие миры... лучше бы светлячок был простым инопланетянином, честное слово.

Еловицей оказался ядреный самогон, настоящий на еловых шишках. Мне хватило всего двух стопочек, чтобы перестать печалиться и вырубиться счастливым, абсолютно пьяным человеком.

Зато на следующий день я страдала от головной боли, а не от осознания своей печальной участи.

Глава 3

Йола была человеческой женщиной.

Тридцать лет, ранняя седина, почти невидная в светло-русой толстой косе, ввевшийся в руки запах трав и тяжелый, холодный взгляд голубых глаз. Словно две льдинки на белом гладком лице, с единственной суровой морщинкой между прямых бровей.

— Чего тебе?

Грудной, сильный голос отдавался нервной дрожью в пальцы рук.

— Ашша послала, — стоя на крыльце ее дома, одноэтажного и маленького, находящегося на краю деревни, ближе всего к капищу, я уже жалела, что сама не послала змеевичу, когда узнала, что ей от меня надо, — за корзиной. Мы в лес идем, травы собирать.

В доме Свера имелось множество корзин, разного размера и формы, но Ашше почему-то понадобилась именно корзина Йола, будто других на свете не существовало. Это не выглядело странным, пока я не оказалась втянутой в эту подозрительную, нелогичную причинно-следственную цепочку. Но спорить с созданием, способным разорвать меня на мелкие кусочки голыми руками было боязно, и я без вопросов и возмущений отправилась выполнять поручение.

Йола несколько мгновений молчала, смущая меня странным взглядом. Показалось даже, что она сейчас просто закроет дверь перед моим носом, и уйду я ни с чем, не имея понятия как объяснять свой провал Ашше.

Но нет, знахарка отмерла и сухо велела:

— Жди здесь.

Я была рада остаться на улице, под теплыми лучами солнца, и не заходить в пропахший полынью полумрак ее домика. Это жилище, как и сама его хозяйка, вызвали безотчетный страх. Словно ничего этого на самом деле нет. Вернее, есть, но не здесь. В другом мире. За какой-то невидимой чертой. Будто что-то странное и страшное притаилось за тонкой завесой, готовое в любое мгновение атаковать - оплести липкой паутиной и утянуть за собой в холод и тьму.

Наваждение развеялось, стоило только Йоле вернуться. Помимо корзины, ручка которой была причудливо оплетена красной лентой, она протянула мне вышитую рубаху.

— Завтра Стеречень, — ответила она на незаданный вопрос, — вожак принесет жертву прамати, много духов слетится на свежую кровь, одень это, чтобы тебя не забрали с собой.

— Но...

— Ты не носишь оберегов, не заговариваешь беды и часто зовешь лихо, поднимаясь на башню, — она неодобрительно хмурилась, — удивительно, как тебя до сих пор несчастья обходят стороной.

— Так я ж нечисть, — едко напомнила ей.

Йола покачала головой.

— Ты не нечисть, просто потерявшаяся девочка.

Ее слова должны были бы меня поразить — я привыкла к тому, что никто, кроме Ашши и Берна...ну и Свера еще, в деревне не видел во мне человека — а вместо этого разозлили.

— Тогда почему вы меня в помощницы не взяли, если знали, что я человек? — жить в ее доме, выполнять поручения, терпеть этот сырой дух другого мира, тяжелый и почти невыносимый, я не хотела и не считала важным знать причину, по которой она от меня отказалась, но все равно зачем-то спросила.

— В моем доме тебе не место. — грубовато отрубилла она, негромко добавив: — Надень

рубаху.

И эти последние слова, почти просьба, примирили меня и с непреклонностью ее заявления, и с закрытой перед самым носом дверью.

Прощаться со мной она не стала, но я не сильно опечалилась по этому поводу.

Стеречень... я толком и не знала, что это значит. Я и про мир этот почти ничего не знала. Не видела смысла спрашивать, а просто так никто не рвался меня просвещать.

Почему-то казалось, что чем больше я узнаю об этом месте, тем призрачнее становится возможность вернуться домой.

К маме. К проблемам с высшей математикой, которая мне совсем не нужна, но в учебном плане почему-то есть. К мечтам о великом будущем. К любимым книгам, фильмам, музыке. К своей скучной, совершенно обычной, тихой жизни. Без оборотней, без других миров, без всей этой никому ненужной сверхъестественности...

Ашша жила в доме Свера, через три двери от комнаты, что занимала я, рядом с дальней лестницей, ведущей не в общий зал, а сразу в ванную, что по умолчанию считалась женской.

И она очень удивилась, когда вместе с корзиной, я принесла кое-что еще.

— Йола правда велела тебе ее надеть завтра? — змеевица крутила рубашу в руках, гладила пальцами яркую вышивку, состоящую из геометрических фигур, в которые то там, то здесь были вплетены руны.

— Зачем бы мне врать?

— Не обижайся, — примирительно улыбаясь, она протянула мне рубашу, бережно удерживая ее двумя руками, — я просто удивилась. Йола никогда ничего не дает просто так.

— И это значит, что мне ее завтра придется надеть?

Ашша кивнула, мелодично звякнув вплетенными в темные волосы бусинами. Она, как и большинство оборотниц в деревне, украшала свои волосы, вплетая в косицы подвески и бусины, мягко позвякивающие в распущенных волосах при каждом резком повороте головы. В отличие от человеческих девушек, предпочитавших удобные косы, оборотницы выглядели особенно нарядными и очень красивыми каждый день.

В моей комнате, в плетеной шкатулке на столе уже лежало несколько бусин, что притащила Ашша, желая сделать меня красивее.

Я упрямо предпочитала косу, по неизвестным даже мне самой причинам, стремясь быть похожей на обычного человека.

— А может мне лучше вообще завтра на вашем этом празднике не присутствовать?

Мне с негодованием вручили лукошко, ощутимо ткнув его краем в грудь:

— Даже не думай, — подняв корзину, что я принесла от Йолы, Ашша подхватила меня под руку, и потащила в коридор, — ты теперь одна из нас. Должна просить праматерь о защите и поднести ей дар.

— И что я ей поднесу? Свой неугасимый оптимизм и веру в лучшее?

— Венок, — буднично сообщила она, проигнорировав мой выпад, — а этой ночью будем печь пироги для праздника.

— А спать когда?

— Яра, — вздохнула Ашша, и в этом вздохе слышалось все, что она обо мне думала. То есть, ничего хорошего, — завтра Стеречень, самый главный праздник лета. Как ты можешь думать о такой мелочи, как сон?

Я благо разумно промолчала, решив не заострять внимание на том, что я из другого мира и для меня этот их самый главный праздник ничего не значит.

— Каждый год, на шестую ночь после летнего солнцестояния, вожак приносит Мано-Аль жертву и просит о защите для ее детей. Если что-то пойдет не так, если жертва будет не принята, а волчица отвернется от нас, пограничье, как и все земли за нами, будет ждать беда. — Ашша была предельно серьезна, затаенная тревога слышалась в ее голосе, и мне отчего-то нестерпимо захотелось вернуться в комнату и прямо сейчас надеть забытую на кровати рубаху.

— Я поняла, это ответственное мероприятие, дуришь не буду и сделаю все как ты скажешь.

Но Ашшу моя покорность не удовлетворила:

— Тебе стоит помнить, что это не твой бог, Волчица следит за своими детьми, а ты теперь часть стаи.

— Это довольно странно слышать, если учесть, что меня добрая половина деревни сторонится. — едко заметила я.

На первом этаже было тихо. Днем все бродили где-то по своим делам, озабоченные стайными проблемами, зато вечерами здесь было очень тесно и громко, — не приняли они меня в свою стаю.

Ашша фыркнула.

— Это до первой атаки, а там все успокоится, и ты станешь своей, — толкнув дверь, она первой шагнула на улице.

— Как-то меня это не утешает, — протянула я, щурясь на солнце. На небе не облачка, только бескрайняя яркость синевы. Солнце почти доползло в самую высшую точку небосвода, воздух дрожал от зноя, а этой чешуйчатой хоть бы что — встала на дороге, закинув волосы за спину, и щурится на меня, нетерпеливо дожидаясь, когда я уже выйду в этот огненный ад.

Полдень, самое пекло, зачем она так со мной?

— Яра?

— А может вечером сходим? — неуверенно протянула я, подумывая о том, чтобы малодушно предложить ей вместо злосчастно поляны пойти на речку.

— Вожак велел за тобой приглядывать, — она нехорошо улыбнулась, во всей красе демонстрируя свою змеиную натуру, — и либо ты идешь со мной, либо я иду одна, а тебя отвожу к Северу.

Показательно призадумавшись, она добавила:

— Или к Берну.

Это был чистой воды шантаж, и я это прекрасно понимала. А самым обидным в этой ситуации было то, что она знала, что я это понимаю, но ей было все равно.

— Ты должна обо мне кое-что знать, — мечтая о баночке солнцезащитного крема, я медленно выползала на солнце, — я верю в карму, и она тебе за меня еще отомстит.

Насмешливо приподняв темную бровь, Ашша бесстрашно пожала плечами. Она понятия не имела, что такое карма, и ничего не боялась.

Я обгорела.

Это было обидно, больно и не удивительно. Предсказуемо и неизбежно. Возненавидев летние платья, особенно это без рукавов, но с красивыми вышитыми по подолу цветами — одолженное Ашшей, я с грустью рассматривала красные плечи, чувствовала, как горит лицо, и не без содрогания думала о том, как же сильно мне напекло голову. Ощущение было такое, словно у меня жар.

Три часа на поляне за рекой, под палящим солнцем, среди стрекота кузнечиков, запаха трав и неумолимого пекла.

Ашше нужны были разогретые на солнце травы, как она утверждала, в таком виде они особенно полезны.

Мне же не помешало бы пару килограмм льда.

Едва переставляя ноги, я с трудом брела за ней и злорадно гадала, что она будет делать с разогретой мной. Я в таком виде уж точно совсем не полезна.

Лукошко, полное прострелом и растением, отдаленно похожим на зверобой, только с белыми цветками, которое Ашша назвала лиянкой, оттягивало руку.

До деревни я добралась с трудом, и очень надеялась на сочувствие, раскаяние и посильную помощь, но получила лишь насмешливый взгляд.

Как оказалось, кружиться вокруг меня, мазать плечики сметаной и сочувственно вздыхать ей запрещала ее змеиная природа. Зато не запрещала ехидно улыбаться, наблюдая за тем, как я, тихо охая и постанывая, пробую на себе самый традиционный метод лечения — сметанные обтирания. Был вариант, как утверждала Ашша, попросить кого-нибудь из оборотней зализать мне ожоги, для скорейшей регенерации, но от одной мысли о том, что кто-то будет своим горячим языком тревожить мои раны, становилось неприятно и раза в два больше.

Веселье змеевицы быстро сменилось возмущенным ворчанием, когда я в порыве самых разных, но исключительно мстительных чувств, обняла ее, оставляя на смуглых, голых руках сметанные следы, но вырваться она не попыталась даже обняла в ответ, задумчиво шепнув над моим ухом:

— От тебя пахнет медом.

Я в этом была не уверена. Запах моего шампуня уже не раз был смыт с волос и даже ее острый нюх едва ли смог бы почуять ароматы моей прошлой, беззаботной жизни.

— Иногда мне кажется, что ты и правда нечисть, — добавила Ашша, аккуратно высвобождаясь из моих рук, чтобы страдальчески закатывая глаза, осмотреть загубленное платье. Белый лен с красными маками по подолу. Тонкая вышивка, тонкая ткань, белые разводы сметаны на серовато-белом платье не так уж и заметны, но когда я заикнулась об этом, то поняла, как же сильно рискую получить по шее, и поспешно сбежала прочь из ее комнаты.

Голова болела, впервые мне казалось, что она и правда в огне, и это не красные волосы выбились из косы, и щекочит шею, а самые настоящие языки пламени.

А в коридоре, разумеется, оказавшись здесь в самый ненужный момент, но с очень важным делом, Свер удивленно застыл, разглядывая мой непривычный вид.

После нашего небольшого путешествия по волчьей тропе я ни разу не поднималась на башню. Три дня я вела себя как послушная девочка и старательно избегала вожака. Мне казалось, что после того, как ему пришлось тащить меня на себе через весь лес, а потом еще и по деревне немного пронести, его ко мне отношение станет только хуже. И проверить это не было никакого желания.

— Что с тобой случилось? — спросил Свер.

— Ашша, — кисло призналась я, машинально растерев правый локоть. Сметана была везде.

Наверное, меня ждала бы расплата за столь бездарную растрату такого замечательного продукта, но в начале лестницы показался Берн, и я поспешила скрыться в своей комнате, чтобы избежать наказания и выбрать из своего гардероба вещи на вечер. Выбирать, конечно, было особенно не из чего. Либо штаны и белая рубашка — вышитая так и осталась лежать у Ашши — либо выделенная мне ночнушка, в которой я впервые очнулась в этом месте.

Потом мною была предпринята короткая вылазка на кухню, где под любопытными взглядами кухонных девок, как звал их Берн, я жадно влила в себя почти литр холодной сводящей зубы воды, мечтая залить этот нездоровый пожар, разожженный солнцем.

Я все еще не верила, что застряла здесь навсегда, но наконец-то смирилась с мыслью, что если не навсегда, то, кажется, довольно надолго. Столько загубленных нервов, кошмаров по ночам... а все что мне было нужно, чтобы окончательно смириться с происходящим — небольшой солнечный удар.

Ткань натирала плечи. Слишком чувствительная, энергично шелушащаяся кожа реагировала на любое, даже самое легкое прикосновение злобными, острыми вспышками боли. После вчерашнего неравномерного прожаривания это было ожидаемо, но все равно обидно. Мой личный подлый дискомфорт мешал наслаждаться волшебством летней ночи.

Такую же нереальную красоту с кострами, предчувствием скорого чуда и радостной толпой – одна половина которой уже ходила в пушистых венках, а вторая в ускоренном темпе их себе выплетала – я наблюдала лишь два раза за всю свою жизнь. И оба эти раза приходились на Купальскую ночь.

То, что все происходило на берегу реки, лишь подстегивало воспоминания. И если бы не обгоревшие плечи, я бы сидела, ностальгировала и зверски тосковала по своему миру.

Но мне было больно, плохо и обидно, и хватило меня лишь на едкое:

— И что, венки на воду в дар Волчице пускать будем?

— Венки по весне пускают, — охотно ответила Ашша, при свете огромного костра выплетавшая свой мохнатый веночек. Огромная пушистая конструкция выглядела величественно, а куцее травяное недоразумение, лежавший на моих коленях, на фоне этого великолепия рисковало обрасти комплексами вместо положенных цветов. — А сейчас их в костер кидать будем, для очищения.

Самый большой костер разожгли у условных северных ворот капища, представлявших собой два украшенных обережными знаками столба с перекладиной поверху, которые охраняло сразу два стража — вогнанные под острым углом в землю – деревянные столбы, с вырезанными на вершине оскаленными волчьими мордами, и выжженными у основания рунами.

Мы сидели слишком близко к воротам, но беспокоило это лишь меня. Ашша чувствовала себя спокойной и умиротворенной, как и все вокруг. Хотя стражи на всех скалились одинаково недружелюбно, не по себе было только мне.

Будто я в чем-то виновата и мне есть чего опасаться.

Голую ногу по достоинству оценил какой-то очень тихий ниндзя-комар.

— Уй! — потеряв место укуса, я громко и очень жалобно вздохнула. Рубаха, что мне преподнесла Йола, была достаточно длинной, чтобы Ашша запретила надевать под нее штаны, стараясь вдохновить меня своим примером. Вот только ее голые ноги комаров почему-то не интересовали, в отличие от моих. И такое внимание со стороны кровососущих совсем не льстило.

Свой веночек змеявица закончила как раз к появлению Свера, мой продолжал выглядеть жалко и прямо просился в костер. Смех и разговоры прекратились, все поднялись, медленно окружили капище, не заходя за границу и благоразумно замерев в шаге от невидимой черты. Ашша протолкалась в первый ряд, протянув меня за собой, чтобы и я смогла полюбоваться, как Свер медленно прошел в ворота, пугая мрачным лицом, разрисованным углем и, судя по всему, кровью — мне очень хотелось верить, что это кровь зарубленной на ужин курицы. Берн, разукрашенный не хуже вожака, торжественно провел вслед за Свером молодого бычка. Его тоже не пожалели и хорошенечко изрисовали, к счастью, просто красной краской.

Я уже понимала, что произойдет дальше, и не хотела на это смотреть. Я, блин, нежное создание, впервые за свою жизнь увидела, как убивают курицу, только в этом мире, в возрасте двадцати лет, и еще не была готова наблюдать за тем, как забивают бычка.

Но кому бы были интересны терзания какой-то девицы, которую и человеком-то не считали. Наверное, мне никто не поверил бы, скажи я сейчас, что бычка очень жалко. В представлении жителей деревни нечисти жалко могло быть только себя.

Берн умело и жестко зафиксировал жертву перед алтарем — черным от пролитой на него крови большим камнем, с горящими словно угольки рунами по сколотым краям.

Красные глаза волчицы, казалось, горели тем же тлеющим красным огнем, что и символы. Ее голодный и жадный взгляд был устремлен куда-то вперед, но мне почему-то казалось, что в данный момент, в эту самую минуту, именно этой ночью, она видит нас всех.

Сильный голос вожака рычанием разнесся по капищу. Бычок, жалобно мычавший до этого, замолк и с удвоенной силой забился в удерживающих руках. Берн напрягся, расставил пошире ноги, но не сдвинулся и на шаг.

Я вздрогнула от внезапного, слаженного до жути, грохота. Все как по команде, не стовариваясь, в едином порыве, ударили пятками в землю. Я не успела понять, что происходит и нужно ли мне делать так же, как все замычали. Ровное, глухое мычание, удары левой рукой в грудь и вбивание пяток в землю.

Это было похоже на анонимное собрание кружка сатанистов. И самым невыносимым было то, что Ашша так же самозабвенно, с ненормальным огоньком в глазах, мычала, топала и колотила себя в грудь.

Вожак продолжал что-то рычать, огонь, под резким порывом ветра, пригнуло к земле, на одно короткое мгновение ночь накрыла нас тяжелым покрывалом — я чувствовала, как у меня дрожат колени, от опустившейся на плечи тяжести.

Мычание не замолкало ни на секунду. Языки пламени выровнялись, поднялись и вновь потянулись в небо, прожигая темноту горячими искрами.

Зажмурившись, когда Свер занес нож над несчастным животным, я пообещала себе не ходить больше ни на какие их дебильные праздники. И пускай Волчица обижается на меня сколько угодно.

Когда все закончилось, а я забросила свой венок в огонь, зачем-то попросив у праматери сил справиться со всем этим, Ашша потащила меня к реке. Туда, где были разложены костры чуть меньше тех, что окружали капище, и установлены столы с едой.

После того, что я увидела, мне кусок в горло не лез, зато змеевица ела за двоих, и была очень возбуждена:

— Ты видела? — с трудом пережевывая слишком большой кусок пирога, она не могла усидеть на месте. — Она же приняла жертву. Видела, как ее глаза загорелись, когда кровь пролилась на алтарь? Видела?

Я молчала, царапая стол ногтем и не спеша сознаваться, что в тот страшный миг закрыла глаза. Кто знает, вдруг нельзя так делать, и меня теперь вслед за бычком на этом алтаре зарежут.

Кто-то пробежал за моей спиной, ощутимо хлопнув по плечу:

— Не грусти, огневица! — крикнул весельчак и скрылся среди бродивших между столами нелюдей.

— Огневица? — я почему-то думала, что «змеевица» это очень оригинально и необычно, и страшно гордилась своей креативностью. И сильно удивилась, когда услышала что-то похожее из уст какого-то оборотня.

— У тебя красные волосы, — проглотив пирог, Ашша запила его молоком, и блаженно улыбаясь, рукавом вытерла губы, — в деревне некоторые считают, что ты не просто нечисть, а душа лесных пожаров.

Очень интересная, а главное, такая жизнеутверждающая новость.

В лесу внезапно случился пожар? Так у нас же в деревне живет Огневица, а давайте ее сожжем, чтобы больше не было пожаров?

А давайте!

Хотя нет, не так, меня скорее утопят, а то вдруг я в огне не горю?

После такого известия ощущение праздника окончательно сдохло, хотя с горем по полам пережило жертвоприношение.

— В какое интересное место я вляпалась, — мой тихий шепот утонул во взрыве искреннего смеха, раздавшегося от соседнего стола. Некоторые, не прельстившись едой, прыгали через костер, другие бегали по берегу реки, поднимая тучу брызг и сопровождая все это звонким визгом.

Нелюди веселились, а я мечтала оказаться в своей комнате.

В ночь на Стеречень к капищу шли только взрослые, молодые и сильные жители деревни, больные, старики и дети оставались в домах, чтобы не оскорблять праматерь своей слабостью. И я бы тоже, с удовольствием осталась в доме Свера. Этот их праздник мне пришелся совсем не по вкусу.

Рядом с Ашшей, сверкая улыбкой обколотого наркомана, присела рыжеватая блондинка. Ничего хорошего от ее появления я не ждала. И была права.

Оказалось, что такой себе пикничок на берегу реки — это еще не конец, и нас впереди ждали бесполезные и бессмысленные броджения по лесу, в поисках волчьего глаза — беленьких, мелких цветков, расцветавших только раз в году...

Когда-то я по лесам искала цветок папоротника, и это казалось веселым и очень интересным занятием, а теперь высматривая в темноте какие-то мифические волчьи глаза, совсем не чувствовала никакого веселья.

Как утверждала Ашша, тот, кто сможет найти распустившийся цветок, весь следующий год будет защищен от всяких бед и неудач. Мол, праматерь лично будет за ним присматривать.

Вот только волчий глаз представлял собой зеленоватую шишечку на тонком стебле, рос в труднодоступных местах, и едва ли вообще когда-то цвел.

— Кто вообще это все придумал? Какому идиоту могло только прийти в голову, — гневно шипела я, продираясь сквозь кусты, — бродить ночью по лесу?

Мне было страшно и одиноко, и все что я могла — злиться. Улыбчивая блондинка, что увела нас в лес на поиски волчьего глаза, давно затерялась в темноте среди деревьев, Ашша пропала еще раньше, других наивных искателей чуда я не видела и даже не знала, кто еще осмелился пойти в лес. Конечно, это был не жуткий сосняк, что находился за каменными стенами, а вполне дружелюбный березняк, но чем дальше я забиралась, тем меньше встречалось берез, чаще под руку попадались колючие еловые лапы, потянуло сыростью.

Недалеке, между деревьями, тусклой зеленью что-то светилось.

Я недолго топталась на месте, решаясь пойти на свет. Даже воспоминания обо всех просмотренных за мою жизнь фильмах ужасов не заставили меня повернуть назад. Пути назад у меня все равно не было.

Заблудилась я сразу же, как потеряла из виду блондинку, и теперь просто бродила по лесу, надеясь выйти если не к деревне, то хотя бы к кому-нибудь из нелюдей.

Желание мое исполнилось, но как-то неправильно. С опаской прокравшись сквозь густой папоротник — без единого цветка — я притаилась за орешником. И с запозданием пожалела, что зажмурилась во время жертвоприношения. Волчица, кажется, на меня за это и правда обиделась.

Обиделась, и в лучших традициях обиженной женщины, будь она хоть трижды мохнатой,

низко и жестоко отомстила.

На старом поваленном дереве, плотно заросшем гнилушками, свечение которых меня и приманило, сидело три тощих, странных создания.

Где-то в половину среднего человеческого роста, они были грязными, худыми, укутанными в какие-то ветхие обноски.

Сердце, взбрыкивая через удар, скоренько паковало чемоданы, мечась по грудной клетке и расшвыривая внутренние органы в разные стороны. По ощущениям, весь мой внутренний мир скрутился в тугой комок и продирался вниз по кишечнику, желая камнем осесть в желудке.

Они смотрели на меня, прямо на меня, своими страшными, бликующими, звериными глазами. Самым диким и неправильным было даже не то, что они, казалось, вполне спокойно могли разглядеть меня в темноте, за густой листвой, а этот нечеловеческий голод на бледных, по детскому круглых и нежных лицах.

Они были очень похожи на потерявшихся детей, но я чувствовала, что у каждого из этих созданий с нечистью больше общего, чем у меня.

— Ауууу! — тоненько аукнул один из них, пока двое других слаженно, пугающе бесшумно, сползали со ствола в траву. Было в их движениях что-то дерганное, неестественное, заставляющее волосы на голове шевелиться.

Все происходящее очень походило на дурацкий кошмар.

— Ауууу!

Я медленно отступила на шаг назад, стараясь сделать это как можно тише. Сквозь бьющийся в ушах пульс было сложно понять насколько бесшумно я ступаю, но, если судить по ускорившимся созданиям, я была совсем не тихой.

— Аууу! — в последний раз провыл тот, что продолжал сидеть на поваленном дереве, и скатился в траву. В этот момент самообладание покинуло меня.

Паника накрыла с головой, и я побежала. Это была самая страшная, самая опасная и самая ужасная ночь в моей жизни. И никакого праздничного настроения.

Я бежала среди деревьев, в этой своей дурацкой белой рубашке с вышивкой, почти светясь в темноте, а по моим следам, не так чтобы не догоняя, а скорее загоняя, исключительно из охотничьего азарта, неслось три кошмарных создания с детскими личиками, но далеко не детскими клыкастыми пастьями.

Я сдавала все сильнее, погоня наша с каждой секундой все больше походила на забаву, только вот забавлялись три твари, а меня в любом случае ждала печальная участь загнанной жертвы... но что-то пошло не так.

Существа заволновались, ускорились, стремясь перехватить меня раньше, чем мы выскочим на видневшуюся впереди, залитую лунным светом, поляну. Я тоже прибавила газу, открыв не только второе, но и третье дыхание. Впереди замаячило спасение, я чувствовала это, и бежала к нему, едва касаясь ногами земли, стараясь не думать о том, что на поляне меня может ждать проблема страшнее троицы аукающих чудовищ.

Поляна была небольшой, круглой и как будто волшебной. Нечисть, по крайней мере, за мной не последовала, замерев на краю света. Они тихо вздыхали, жалобно аукали и делали все, чтобы я ни за что на свете не зашла в густую тень деревьев.

Расположившись по центру поляны, я попыталась укрыться среди травы, но периодическое, тоскливое ауканье оповещало, что меня очень хорошо видят, и сильно возмущены моим коварством и нежеланием принять свою судьбу.

Я бы, наверное, нервничала, вздрагивала от каждого тонкогоголосого «Аууу!» и безостановочно боялась, если бы ни одна маленькая, можно сказать, не особо значительная деталь — кольцо, подарок светлячка, о котором я периодически забывала, мягко сияло. Камень, что я приняла за малахит, будто бы впитывал лунный свет и был

этим крайне доволен.

После первой и единственной попытки снять кольцо, увенчавшейся позорной неудачей, я больше не пробовала избавиться от подозрительного подарка и уже даже успела забыть о нем. Легкое и тонкое, колечко не раздражало и почти не ощущалось на пальце, про него было несложно забыть. И я забыла, а теперь вот вспомнила.

— Ну и что ты такое? — тихо спросила я у кольца, чувствуя себя очень глупо в своей странной надежде, что эта безделушка мне ответит.

Кольцо хранило молчание.

И это было ожидаемо, неудивительно. И вообще в жизни и без того существовало слишком много странных и непонятных вещей...

Например, бледные морды всяких злющих вожаков, которым на моей уютной поляне было совсем не место.

— А ну пррросыпайся! — прорычал мой кошмар, пытаюсь встряхнуть меня за плечи. Я не тряслась, потому что была хорошенечко оплетена гибкими корнями, пахнущими сырой землей и почему-то имбирем. — Немедленно!

Я с трудом разлепила глаза и сразу же залепила их обратно, не желая видеть оскаленную жуткую волчью пасть. Это точно был Свер, но какой-то не такой.

Вялый, одурманенный странными запахами мозг с трудом продирался сквозь серую сонную муть. Я осознала, что, кажется, уснула прямо на поляне, общаясь с колечком под отчаянное ауканье, но не могла понять откуда здесь взялось это страшилище, и зачем меня спеленали.

— А глазки-то жееелтенькие, — пробормотала я, самоотверженно пытаюсь поднять веки. Проблемы Вия в это мгновения мне были как никогда понятны и близки, глаза открывались с трудом, зато очень легко закрывались. Меня упрямо утягивало в сонное беспмятство, — а рожа-то страаашненькая...

— Яррра! — он был почти пушистеньким, совсем зубастеньким и бешеным до невменяемого состояния. Лапки уже были мохнатые, с запоминающимися когтями, но лицо ещё было человеческое и очень злое.

— Не рычи на меня, страшнорылый кошмар адекватного человека! — взвизгнула я, отшатнувшись назад и врезавшись затылком в землю. — Уйди!

Кошмар столь лестной характеристике не обрадовался и качнулся вслед за мной, а я просто вырубилась.

Того, как Свер рыча и ругаясь, обещая мне сразу все кары небесные и земные, рвал корни, выковыривая мое тело из кокона, и старательно тряс страшнучей башкой, отгоняя сонливость и желание прилечь со мной рядышком, я уже не видела.

Зато все это видела и слышала Ашша, топтавшаяся во время спасательной операции на границе вредной поляны, и с удовольствием пересказавшая мне, на следующий вечер, когда я наконец проснулась, все пожелания недолгой и мучительной жизни, на какие у Свера хватило фантазии.

Как выяснилось, поляна эта была не спасением, а очень даже наоборот, и если бы Ашша вовремя не заметила, что я пропала, и не рассказала об этом Сверу, то мое одурманенное тело, опутанное корнями, утащили под землю, где я несколько недель медленно разлагалась бы, питая растения на поляне.

— Ума не приложу, как ты смогла так далеко пройти, — призналась она после того, как окончательно меня запугала, — всех еще на краю поляны клонит в сон. Редко кто может больше пяти шагов сделать.

— Но Свер-то не просто пару шагов сделал, он меня оттуда еще и вытащил, — напомнила чуть нервно, не рискуя признаться, что я не только до середины поляны дошла, но и посидела там немножечко, вполне себе бодрая.

— Он наш вожак, сильный зверь, он и не на такое способен, — в голосе змеевицы послышались благоговейные нотки, перекрытые ехидностью следующего замечания, — а ты его совершенно непочтительно страшнорылым назвала.

— Извинюсь, — неуверенно пообещала я, слабо представляя, как именно нужно извиниться, чтобы он меня простил, — если голову не откусит при первой же встрече, точно извинюсь.

— Извинись, — серьезно кивнула Ашша, — он тебя спас от страшной участи быть похороненной заживо.

Вот так вот жила я двадцать лет, жила и не знала, что настанет тот день, когда ночью в лесу можно будет встретить кого-то страшнее маньяка, а вполне безобидная на вид полянка окажется смертельной ловушкой.

И очень интересно, почему в этом поехавшем мире, с мозговыворачивающей логикой, «страšnорылый» — это не комплимент?

Глава 4

Свер, ничего не знавший о моем самоотверженном желании просить у него прощения, на следующее же утро после моего пробуждения, отбыл в неизвестном направлении, покинув деревню на долгих три дня.

А на четвертый день, как сообщила Ашша, должны были вернуться переярки.

Каждый год, по весне, молодняк покидал деревню, чтобы в лесах и экстремальных условиях привыкать к своей второй ипостаси, а летом, после Стеречня, вожак возвращал их обратно.

И именно утром, с доброй улыбкой, змеевица мне об этом сообщила.

Беспокоиться не о чем, говорила она. Они тебя не обидят, говорила она. Они смирные, говорила она.

А потом вернулись эти смирные переярки, и я оказалась права, когда не верила Ашше и готовилась к страшному.

Я не хотела встречать Свера в компании недавно обретших вторую сущность, неуравновешенных подростков, возрастом от пятнадцати до семнадцати лет, я просто случайно вышла на улицу.

Не в то время, не в том месте, не в том мире.

Я только успела сойти с крыльца, как в воротах показался хозяин дома, а вслед за ним, радостно переговариваясь, во двор ввалилось еще около дюжины голов. Молодые, полные силы, в хорошем настроении, они заметили меня сразу. Замолчали.

А я почувствовала себя дичью, и когда ко мне бросилось несколько самых любопытных, малодушно попыталась спрятаться в доме. Но не успела.

Первой на меня налетела невысокая девушка, обхватила за талию сильными руками и прижалась носом к плечу, принюхиваясь. Потом подросли остальные. Кто-то тыкался носом мне в шею, кто-то шевелил дыханием волосы, те же, кому не досталось места, недовольно ворчали и прыгали вокруг, надеясь пробраться ко мне поближе.

Сзади раздалось радостное бормотание:

— Новенькая. Новенькая появилась.

Я была в шоке, не понимала, что происходит, и как на это реагировать, но запаниковать не успела, очень вовремя по двору пронеслось раскатистое «Хватит!».

Всего одно слово, и меня тут же отпустили. Только продолжали смотреть с любопытством и водили носами, стараясь уловить запах.

— Чтооо сейчас произошло? — голос плохо слушался. Тело все ещё чувствовало чужое тепло и силу нечеловеческих объятий.

Берн, вышедший на шум, гулко хохотнул:

— Их можно понять, не часто у нас появляются новые лица.

— Все по домам, — скомандовал Свер, злым или раздраженным он не выглядел, но приказ был исполнен в кратчайшие сроки. Не прошло и десяти секунд, как во дворе не осталось ни одного общительного переярка.

Только уставший вожак, довольный Берн и ошалевшая я.

— А как же... — встретившись взглядом с Свером, шокированная и бесстыдно обнюханная, я растерянно спросила, — я же нечисть. Страшная лесная нечисть, разве нет?

Ответом мне была снисходительная усмешка:

— Они долгое время провели в звериной шкуре, зрение еще не успело вернуться в норму. Полагаю, они просто не заметили твоей... — Берн с заминкой произнес, — особенности.

Рука самостоятельно потянулась вверх, пригладить волосы. Ну, красные, ну странные, ну подумаешь.

— Это они все время, что в лесу провели, в зверьми ходили? — пока я ощупывала свою особенность, Свер как-то незаметно проскользнул мимо, и вопрос я задала уже ему в спину, встав в дверном проеме.

— Все время, — кивнул он, не оборачиваясь, — три дня назад впервые вернули себе человеческий облик.

— И что они делали все эти три дня в лесу в человеческом виде?

Свер на этот вопрос ответить мне уже не мог, он сбежал на кухню, зато все разъяснил Берн.

— Вспоминали, как быть людьми, — подтолкнув меня в спину, чтобы я вошла уже внутрь и прекратила загораживать проход, он зашел следом и вполне дружелюбно улыбнулся, хотя длинные клыки любую его улыбку делали больше похожей на оскал, — учились ходить на двух ногах, разговаривать, носить одежду и не рвать сырое мясо зубами.

— А Свер за всем этим следил? — воспользовавшись добродушным настроением обычно угрюмого медведя, я решила кое-что для себя прояснить. Например, стоит ли мне впредь прицепиться хвостом к нашему ответственному вожаку, чтобы не быть занюханной в каком-нибудь милом, укромном уголке, или молодняк скоро придет в себя и больше не будет бросаться на незнакомых людей в желании их обнюхать и, что уж скрывать, потискать.

Укромных уголков в деревне было прискорбно много, и эта проблема встала для меня особенно остро.

— Яра, — Берн как-то очень показательно тяжело вздохнул, — как ты думаешь, сможет ли молодой оборотень, впервые сменивший шкуру и проходивший в облике зверя несколько месяцев, самостоятельно перекинуться?

Я пожала плечами. Медленно, но неотвратно, мы приближались к стойке, а значит и к двери на кухне, за которой скрылся вожак, и все детали мне бы хотелось прояснить до того, как мы туда войдем. А Берн тут мне какие-то непонятные вопросы задает. Зачем?

— Свер, как вожак, имеет большое влияние на каждого в стае, в том числе и на перекинувшегося оборотня. Он уходит в лес, чтобы вернуть переярков домой. Только Свер может заставить их принять человеческий облик.

— И зачем такие сложности? — пробормотала я себе под нос.

И вот вроде бы бормотала тихо, но ответ все равно получила:

— Чтобы принять свою сущность, оборотень должен привыкнуть к зверю.

— Чего?

Берн закатил глаза. И это очень забавно смотрелось на его суровом, бородатом лице.

— Мы рождаемся с осознанием своей сущности, живем, понимая, что внутри нас так же растет зверь, но даже знание не спасает от боли и ужаса первого превращения, — замолчав, он открыл дверь, пропуская меня вперед.

На кухне было тихо и пусто, и только вожак сидел за столом, перед тарелкой вареного без соли и приправ мяса, которое я не могла есть.

Я не могла, а Свер рвал его руками, жадно заглатывая куски. О том, что после превращения оборотни могут есть только пустое мясо, я знала, и догадывалась, что Свер всех своих щенков не в человеческом виде искал, но все равно не могла спокойно смотреть, как он с удовольствием поедает эту гадость.

— Приятного аппетита, — негромко пожелала я, попятившись назад.

— Куда? — вошедший следом Берн подтолкнул меня вперед, прямо к столу и немного озверевшему после трех дней в лесу, голодному оборотню.

— Он кууушает, — некультурно ткнув пальцем в сторону вожака, я благоразумно оставила при себе все свои опасения о том, что он с таким аппетитом и меня может съесть.

— Ничего страшного, — решил медведище, толкая меня к столу, — Свер, она интересуется особенностями нашего оборота. Просветишь?

Под взглядом желтых глаз я быстро замотала головой, в надежде убедить его, что ничем таким я совсем даже и не интересовалась. Берн, гад, сдал меня своему вожаку, который вполне мог еще обижаться на «страшнорылого».

Если Свер и продолжал обижаться, то виду не подал, зато неохотно и скупно объяснил, что рождаются их оборотни вполне обычными детками, растут так же, ничем не выдавая своей звериной сути, зато уже в подростковом возрасте, весной, хотя бы они того или нет, перекидываются.

— После первого превращения нельзя сразу возвращать человечески облик силой. Это влечет за собой страшные последствия, — неохотно отодвинув от себя тарелку, Свер вытер руки о полотенце, лежавшее здесь же на столе, — многие при этом погибают, некоторые становятся калеками, застряв на границе двух личин. Единицы без потерь могут вернуть свой облик сразу. Впервые обернувшись нужно привыкнуть к зверю, дать тому время, чтобы он смог почувствовать свою силу и не противился превращению.

— А одиночки? Если кто-то родился не в стае? Где-нибудь в обычной деревне, среди простых людей? — не в силах усидеть на месте, я неловко загремела чайником, желая закипятить воды. Очень хотелось чаю. — Он так и останется бродить по лесу волком?

Свер недолгое время с любопытством следил за тем, как я пыталась набрать воду в огромный, пятилитровый чайник, неуклюже пристроив его под краном.

— Рано или поздно и они возвращают себе человеческий облик, — поднявшись, он отодвинул меня в сторону и легко переставил полный чайник на плиту, неуправимо быстро разведя огонь прямо под ним. Плита у них больше всего походила на газовую, только никакого баллона с газом я так и не смогла нигде найти, а интересоваться такими мелочами было почему-то неловко, — и когда это происходит, уходят из деревни, чтобы найти стаю.

— А родители?

— Как правило, у подобных оборотней есть только мать, и не так часто она готова принять такого ребенка.

— А материнский инстинкт как же?

— Яра, — Свер был само спокойствие, снисходительное и раздражающее, но спокойствие, — ты здесь не так давно и еще не встречалась с людьми из других княжеств, но тебе нужно кое-что знать о нашем мире: обычные люди, в подавляющем большинстве, боятся и ненавидят оборотней ничуть не меньше, чем магов. Именно из-за страха шесть лет назад погиб молодой Аларский княжич, в котором проснулась древняя родовая магия матери. Теперь всеми южными землями правит его двоюродный брат. Высокие налоги и беззаконие, люди на тех землях живут так плохо, что даже времена правления ими выходцев, по сравнению с сегодняшним положением дел, кажутся светлым периодом Аларского княжества. Но никто не ропщет, потому что, по их мнению, все могло быть еще хуже. Ими мог править маг.

— Нас боятся, но с нами мирятся, — слово взял Берн, — потому что без оборотней они не выживут. Нас заперли на северных землях, рядом с проходом, магов держат на юге в цитадели.

— Дурдом какой-то.

— Пока в наши дела не лезут, мы будем придерживаться договора, — пожал плечами Свер.

— А если полезут?

— Валис жестокий и жадный, но далеко не глупый. Он понимает, что мы можем просто пропустить выходцев на его земли. Нас охраняют обереги и кровь предков, Аларское княжество, как и все остальные княжества, уже давно забыли, как нужно защищаться от врагов из другого мира.

Чем больше я узнавала об этом месте, тем грустнее мне становилось. В таких условиях категорически не хотелось геройствовать, открывать в себе суперсилы и спасти мир. В таких условиях хотелось тихонько упаковать чемоданы и свалить домой.

Вот только не было у меня чемоданов, да и поезда до моего мира не ездили. И самолеты не летали. И даже на попутке за бешеные деньги меня некому было подбросить.

Сначала меня очень забавлял тот факт, что земли от непроходимых Тарийских гор и до красного моря были поделены на княжества. Семь княжеств, в список которых входили и земли оборотней, на огромной территории, разделенной на восемь частей. Восьмой, самый маленький участок принадлежал магам.

А потом я узнала, что два княжества держали выходы к морю, еще два добывали металлы и драгоценные камни в Тарийских горах, одно, самое неудачливое княжество соседствовало со степями и каждый год подвергалось набегам степняков и еще два, включая Инарское княжество оборотней, располагались в лесистой местности. Маги же жили где-то посередине, в вечном напряжении, ожидая атаки с любой стороны, в любое мгновение.

Все это выглядело взрывоопасно еще до того, как я узнала, что оборотней и магов тут недолюбливают.

Маги не напрасно опасаются нападений, а оборотни получили такие хорошие земли лишь потому что те были отравлены выходцами.

Пессимизм мой и грустные размышления о бренности жизни пришлось перенести с кухни в свою комнату, чтобы никто не мешал мне страдать.

Но долго думать о недолговечности и хрупкости бытия у меня не получилось. На кровати, под подушкой, лежала книга, преступно вынесенная из их небольшой библиотеки. Какой-то приключенческий роман, при помощи которого я аккуратно знакомилась с литературой этого мира.

Успела прочитать чуть больше половины и не сразу заметила, как за окном воцарился вечер, на первом этаже стало значительно оживленнее, громче и веселее, а ко мне на подоконник забрался незванный гость.

Это был кот. Самый настоящий кот. Принюхавшись, он безошибочно нашёл меня своими наглыми, желтыми глазами. Глаза эти мне кого-то очень напоминали, и не было ничего удивительного в том, что кота я невзлюбила сразу.

Но даже так я оказалась очень сострадательной. Аккуратно закрыв книгу и медленно сев, стараясь не спугнуть, я негромко его предупредила:

— Беги отсюда, кот. Тебе сюда вообще нельзя.

Круглое мурло моргнуло на меня своими гляделками и, утратив всякий интерес, уделило все своё внимание столу, на котором лежал вчерашний бутерброд. Хлеб уже давно зачерствел, но колбаска, щедрым куском лежавшая сверху, была все ещё очень съедобной. И, судя по воодушевленной морде кота, очень аппетитной.

Огромная туша, в которой было килограмм восемь, с грохотом спрыгнула на пол и гордо отправилась к столу.

Смотрела я на это дело молча. Слов просто не было.

У меня тут кот. Хороший такой, упитанный и наверное даже вкусный. А внизу сидит целая стая хищников. И большая половина из них — волки. То есть, те же собаки, только больше и страшнее.

А у меня кот. И кот этот, не чувствуя угрозы, преспокойно жрет мой бутерброд.

Вот именно тогда, шалея от кошачьей наглости, я впервые осознала всю правоту Ашши, ругавшей меня за то, что я таскала еду в комнату.

Доев колбасу, кот ответственно обнюхал хлеб и с брезгливой миной, невозмутимо глядя прямо на меня, скинул его на пол.

— Ну ты наглый, — с восхищением протянула я, против воли умиляясь объемом, пушистостью и надменным самодовольством этой туши.

Коты в деревне, конечно, водились, так же, как и собаки, и даже домашний скот. Приученные с рождения к запаху хищного зверя, они равнодушно относились к оборотням, составлявшим почти восемьдесят процентов населения всей деревни. Еще около пяти процентов были существа наподобие Ашши, а все остальные являлись обычными людьми.

Если верить Берну, на территории оборотней люди совершенно спокойно соседствовали с нелюдьми, в число которых затесалась даже парочка магов, каким-то чудом сумевших добраться от своих земель до оборотней. Зато во всех других княжествах жили только люди.

Котья хрипло мяукнул, требовательно глядя на меня. Пораженная до глубины души, я не могла понять только одного — откуда взялась такая наглая отъевшаяся харя. Все коты, которых мне доводилось видеть в этом мире, были быстрыми, внимательными и поджарыми. А этот... этот был толстым, наглым и напрочь лишенным чувства самосохранения.

И он требовал у меня еды.

Я поднялась, благоразумно спрятав книгу под подушку, сделала всего два шага к столу, собираясь поднять хлеб и хотя бы скормить его птицам, но была награждена злобным шипением и застыла на месте.

Убедившись, что я больше не пытаюсь приблизиться, кот снова мякнул.

— Сдам тебя Сверу, — не очень убедительно пригрозила я.

Кот не убоился и снова потребовал еды, хотя, в его хриплом исполнении, скорее жратвы.

Особого выбора у меня не было: либо действительно сдать его Сверу, либо прокрасться на кухню, как-то миновав помещение, полное оборотней и добыть еды.

Жалость и бессмысленная любовь к животным решили все сами, путь мой лежал на кухню.

Но дойти — прокравшись зачем-то на цыпочках — я успела только до порога, потому что в коридоре, припав к полу и вынюхивая что-то в щель под дверью, лежала весьма подозрительная девица.

Когда она, вздрогнув, пружинисто поднялась, я признала в ней ту самую быструю особу, поймавшую и основательно обнюхавшую меня на крыльце.

— Вечер добрый, — подавив невольный порыв захлопнуть дверь и для надежности подпереть ее столом — и пусть кот хоть обшипится — я постаралась быть дружелюбной и, по возможности, вежливой.

Девушка молчала, напряженно глядя на меня исподлобья. Будто бы это я сейчас лежала на полу под дверью ее комнаты, что-то вынюхивая.

— Что-то не так? — я все еще была исключительно дружелюбной, но уже готовой к неприятностям.

— Я...

Грохот за спиной ознаменовал величественный спуск их мохнатого котейшиства со стола на пол, и девушка, только собиравшаяся что-то сказать, замолчала. Вытянув шею, она попыталась заглянуть в комнату, чтобы увидеть источник шума, я зажмурилась.

— Латис у вас? — срывающимся шепотом, не до конца веря в свою удачу, спросила она.

— Кто?

— Ко-кот.

— Большой такой, наглый, пушистый и желтоглазый? — она кивала, подтверждая каждое мое слово. — Колбасу еще очень любит?

Девушка растерянно замерла, таких подробностей о своем питомце она, кажется, не знала. Пока она пыталась решить, может ли ее Латис любить колбасу, объевший меня котяра медленно и важно вышел в коридор, вскользь коснулся моей ноги кончиком гордо задранного хвоста и с дребезжащим урчанием ткнулся головой в ноги оборотницы. Прошелся кругом, обтирая свои бока об ее ноги и не переставая урчать как заводящийся мотор.

Быстро подняв кота на руки, девушка просительно посмотрела на меня:

— Не говорите, пожалуйста, Сверу, что он у вас был.

— Ваш вожак не одобряет присутствие котов в своем доме? — наверное, это было бы логично, он же все-таки волк, а кот — кот. Но все оказалось совсем не так, как я себе это представляла.

— Латиса я случайно нашла две недели назад, — воровато оглядев пустой коридор, предприимчивая оборотница проворно затолкала меня в комнату, упираясь мне в грудь своим недружелюбно настроенным, очень мрачным котом, и закрыла за собой дверь.

Дальше мне пятнадцать минут пришлось слушать душеспитательную историю встречи юной, впервые превратившейся рыси, которую, к слову, звали Рала, и харизматичного кота, отъевшегося на деревенских харчах некой зажиточной семьи.

Что оборотница делала вблизи одной из деревень, расположенных не так далеко от пограничья, когда должна была смирять своего зверя в лесу, история умалчивала. Главным было то, что Латис признал в рыси свою новую хозяйку и ушел за ней в лес.

— А Свер велел вернуть его в деревню, — Рала грустно вздохнула, — и наругался еще.

— А ты не вернула, — кивнула я, смиренно сидя на своей постели, в то время как девушка занимала единственный в комнате стул. Кот предпочел развалиться на столе.

— Я не смогла.

— Ладно, предположим, я не стану никому ничего рассказывать, но ты же понимаешь, что твой кот в стремлении найти неприятности на свой пушистый хвост, когда-нибудь рискует нарваться на Свера? И тогда его уже ничего не спасет.

— Я что-нибудь придумаю. — горячо заверили меня.

У трагедии этой будет печальный финал, я прямо чувствовала это, но девушку расстраивать не решила и пообещала хранить ее секрет, пока он сам не выплывет наружу.

Благодаря этому преступному сговору я обрела в деревне еще одну живую душу, которая при случайной встрече на улице дружелюбно мне улыбалась.

Глава 5

Что-то плохое пришло с юга.

Солнце незаметно, но быстро затянуло тучами, по земле, расстилаясь мутным ковром, тянулись влажные щупальца тумана, а воздух стал холодным и колючим, заставляющим ежиться и невольно оглядываться.

— Это что такое? — пробормотала я, медленно поднявшись со скамьи, на которой сидела, прячась в тени дома от солнца. В то время, как Ашша стояла посреди двора, и всего мгновение назад запрокинув голову к небу принимала солнечные ванны.

— Нужно предупредить Свера, — пожившись, змеевица убежала в дом. Никаких объяснений, снисходительных улыбок и заявлений, что это в порядке вещей и так часто бывает.

Происходило что-то нехорошее.

Я не знала что, но видела, как несколько человек, которых непогода застала на улице, поспешили прочь, невольно втягивая головы в плечи и ускоряя шаг, а оборотни, большие и хмурые, наоборот, стекались во двор жожака, в ожидании его слова.

Вжавшись в белую стену, я постаралась стать как можно незаметнее. Предчувствие серьезных неприятностей не отпускало, интуиция требовала бежать в дом и прятаться, но я ее не слушала и стояла на месте, жадно разглядывая сосредоточенные лица оборотней.

Первым на порог вышел Берн, и его озадачили гневными требованиями позвать жожака.

— Ведьмы совсем страх потеряли! — зло прогудели в толпе.

— Тихо! — раскатистый рык Берна оборвал недовольный гул голосов, во дворе воцарилась тяжелая тишина, и именно в этот момент дверь открылась, выпуская Свера.

Жожек вышел.

Я ждала вдохновенного монолога, каких-нибудь слов, объясняющих, что происходит... хотя бы один маленький намек. Но нет, Свер молча спустился с крыльца, глядя куда-то вперед, сквозь оборотней, и те расступались, пропуская его.

Молча и поразительно слаженно они покинули двор, следуя за Свером, туда, где стояла совсем не несокрушимая, но высокая и мощная, бревенчатая стена. Я, идя на поводу у своего любопытства, поспешила за ними, понимая, что мое присутствие никого не обрадует и потому чуть подотстала, чтобы не оказаться замеченной раньше времени.

Когда я только начинала здесь обживать, то наивно полагала, что стена защищает оборотней лишь с трех сторон, в то время как четвертую они халатно оставили под защитой своей праматери. Многим позже до меня дошло, что все несколько сложнее, чем казалось сначала.

Оборотни просто не ждали нападения с тыла. По южной дороге к ним прибывали только странные люди в темных одеждах, да посыльные соседних князей, периодически прибывавшие с какими-то бумагами и опасливым любопытством – стоит ли еще пограничная деревня, не померли ли все оборотни, не вырвалось ли жуткое, но не имеющее определенного облика зло?

О том, как выглядят выходцы эти лощеные, вызывающие безотчетную брезгливость, самодовольные люди знали прискорбно мало. В соседних княжествах о выходцах рассказывали страшные сказки, в которых от правды остались лишь общие факты, да назидательный страх перед сильным врагом.

Деревня закупоривала единственный проход в мир, скрепляя сходящиеся у ее границ скалы, что кругом охватывали долину и упирались в каменную стену, возведенную оборотнями и являющуюся искусственным заслоном для выходцев.

О том, что враг может прийти не только из другого мира, я раньше как-то не

задумывалась. Как выяснилось, очень зря....

Ворота уже были приоткрыты.

Неясная, но набирающая силу тревога погнала меня ближе, чтобы выглянуть из-за могучих спин и хотя бы попробовать увидеть неприятеля.

Пока оборотни оценивали густоту выползающего из леса тумана, я прокралась следом и, вытягивая шею, опасно разглядывала темные провалы между застывшими, словно помертвевшими деревьями.

— Яра! — стоило только начать вглядываться в лес, пытаюсь понять, правда ли там что-то есть или это воображение играет со мной злую шутку, как меня заметили. — Почему ты здесь?

Свер был зол, Берн мрачен, остальные оборотни просто не рады меня видеть.

— Посмотреть... пришла, — робко пробормотала я, чувствуя себя очень неуютно под тяжелыми взглядами. Лучше бы они все отвернулись и опять туман разглядывали.

— Ее не клеймили, — тихо заметил Берн. Очень хорошее, а главное своевременное замечание. Мне тут и так страшно, а он о клеймении говорит. За что меня клеймить? Я же ничего настолько ужасного еще не сделала. К чему такие суровые меры?

— В деревне четверо не клейменных, — озабоченно поддакнул парень, которого за все время пребывания здесь я видела лишь один раз. Тогда в лесу, в мой самый первый день в этом мире.

— Собери их и запри где-нибудь, — бросил Свер, вдохновенно добавив, — а лучше свяжи.

Затейник, блин.

— Не нужно меня связывать!

— Пойдем, — меня аккуратно взяли за плечи, увлекая прочь от ворот, — Яра, верно?

— Да.

— Я Алис.

Я, как исключительно невоспитанная особа, ничего на это не ответила, продолжая оглядываться, выворачивая шею. Свер вернулся к делам насущным и, тихо переговариваясь с Берном, напряженно вглядывался в лес.

— Мне показалось, там что-то есть, — доверительно шепнула я Алису, когда мы прошли первые дома, находившиеся сразу за стеной, — в лесу.

— Не показалось, — угрюмо отозвался он, — они уже пять лет не появлялись, многие начали надеяться, что после смерти Андрес гадины успокоятся.

— Кто они?

На улицах было совершенно безлюдно, только туман стелился по земле, да бледно светились защитные символы, выжженные на калитках. Где-то там, за высокими заборами, на дверных косяках мягко горели такие же знаки. Люди и нелюди в этой деревне очень ответственно относились к своей безопасности.

— Ведьмы.

Стоило мне только свыкнуться с мыслью, что я теперь живу в ненормальном мире, как этот мир становился еще более сумасшедшим. Ведьм мне только для полного счастья и не хватало...

— Они считают, что всякое убийство выходца — непростительное преступление, что мы должны впустить их в наш мир и позволить править нами.

Огорошив такими новостями, А́лис затащил меня в подвал дома Свера, что, как он утверждал, охраняется лучше всего, и убежал за другими неклеимеными неудачниками, которым предстояло неизвестно сколько времени просидеть в темноте и сырости, пока наверху творится какая-то опасная непонятность.

Минут через двадцать одиночество мое скрашивало уже четыре несчастные, очень впечатлительные морды. Все молодые и нервничающие, они заставляли меня сожалеть о том, что я тут сижу не в гордом одиночестве.

Одной было как-то спокойнее.

Две девушки забились в угол и испуганно жались друг к другу, вздрагивая от каждого шороха. А шорохов здесь было много, и тряслись они не переставая. Парни, считая что им статус не позволяет дрожать по углам, бродили по подвалу, то появляясь в неверном свете единственного горящего светильника, то вновь скрываясь в полумраке. Меня эти их брожения очень бесили, но я молчала, предпочитая, сидя под дверью, притворяться ветошью и ждать, когда опасность пройдет и нас отсюда выпустят. А́лис запер дверь, стоило только последнему неклеимену сюда спуститься.

Угрожающий волчий вой просочился сквозь камень, пройдясь по нервам электрическим разрядом.

Я дернулась, резко открыв глаза. Один из парней застыл, нервно посмотрев на стену, из-за которой, если верить ощущениям, раздался этот вой. Обе девушки и второй парень так и продолжали бояться, всем своим видом давая понять, что они ничего не слышали.

Хотелось бы мне спросить какого черта здесь происходит и что это было, но одна из девушек, та что полнее и пугливее, очень не вовремя завизжала, ударилась затылком о стену и, оттолкнув от себя подружку по несчастью, закрыла лицо ладонями.

Брюнетка шарахнулась в сторону, налетела на стеллаж, оцарапала плечо, но даже не заметила этого, круглыми, полными ужаса глазами глядя на забившуюся в припадке девушку.

Парни как по команде отшатнулись назад, подальше от нее.

А девушка, не прекращая орать, билась головой об стену, изредка страшно подвывая.

— Прекратите это! Прекратите!

Я не знала почему никто не пытается ей помочь, но не могла на это смотреть. Непонятное, невозможное зрелище нагоняло противоестественную жуть. Я не меньше визжащей хотела, чтобы это прекратилось.

— Стой! С ума сошла? — парень, что не слышал воя, попытался преградить мне дорогу, когда я бесстрашно и бездумно ломанулась к девушке, но наткнувшись на злой взгляд поспешно отошел в сторону, мстительно пообещав. — И тебе достанется, дура.

— Прекратите! — девушка опять попыталась удариться головой об стену, я лишь чудом успела подставить ладонь, в стремлении защитить ее дурную голову от встречи с каменной стеной, и сразу же об этом пожалела. По ощущениям, голова у девушки была чугунной, и моя рука очень отчетливо прочувствовала как ее тяжесть, так и холодную шероховатость стены.

— Уййй...

— Пусть это прекратится, — простонала она, когда я, стараясь не обращать внимание на неприятную боль в своей отбитой ладони, перехватила ее руки и с трудом отняла их от бледного лица.

— Что прекратится?

Девушка плакала, тихо хныкала как ребенок и не хотела отвечать на мои вопросы, повторяя что-то про зов и голоса в голове.

Пока я воевала с одной ненормальной, пытаюсь добиться от нее адекватных объяснений,

чудить начал парень, попытавшийся меня остановить. Неестественно выпрямившись и прекратив жаться к противоположной стене, он удивительно спокойно, я бы даже сказала равнодушно, осмотрел подвал, нашел взглядом выход и целеустремленно пошел к нему. Его попытка остановить второй парень, но отлетел к стене от одного легкого толчка, сбил полку и упал на пол, погребенный под свалившимися сверху банками с закруткой.

Остановить одержимого, а именно на одержимого тот и походил, больше было некому.

Хотя, конечно, была еще запертая дверь и по идее она лучше любого из нас должна было его остановить...

Девушка замолчала, прекратила плакать и тихонечко вздохнув, завалилась набок, безвольной куклой обмякнув в моих руках.

Пока я укладывала ее на полу, заторможено отмечая ровное дыхание и расслабленное выражение спокойного лица, раздался страшный треск за спиной.

Дверь больше не была заперта, а одержимый, не оборачиваясь, покинул нас.

— Что ж за день-то сегодня такой? — простонала я.

Как человеку, которому больше всех надо, мне казалось, необходимо пойти и приглядеть за ним, чтобы этот несчастный ничего не натворил и не успел покалечиться, как-то дождаться пока Свэр не разберется с лесной напастью и не вернет парня в сознание.

— Присмотри за ней, — велела я, жавшейся к стене брюнетке, вяло удивившись властным ноткам, проскользнувшим в не дрожащем голосе, и поспешила за одержимым, почти не обратив внимания на тихие ругательства из-под свалившейся полки.

Туман укрывал от взгляда дома, скрадывал звуки и разжигал внутри беспокойное чувство беспомощности. Я боялась потерять из виду свою цель, но мне повезло, или, быть может, повезло ему: выбравшись на улицу, я успела заметить темный силуэт раньше, чем он окончательно потерялся в молочной белизне.

Было страшно, было одиноко и впервые за все время моего пребывания здесь я хотела оказаться рядом со Свэром или хотя бы Берном.

И парень планировал в ближайшее же время организовать мне с ними встречу - шли мы в сторону южной стены.

А там, не оберегая мои истрепанные нервы, творилось нечто странное.

Ворота были заперты, вырезанные на них символы тускло горели красным. Тем самым, жарким, страшным цветом, каким в Стеречень светились глаза Волчицы.

Я замешкалась, на мгновение увязнув в воспоминаниях: жалобное мычание бычка, сосредоточенное, страшное лицо Свэра, мерные глухие удары и черная при свете костров кровь, брызнувшая на голодный камень...

Тогда я не особо задумывалась об этом, но сейчас, в липком тумане, глядя на открываемые ворота, мне почему-то подумалось, что кровь-то тогда очень быстро перестала блестеть, словно засохла и впиталась в камень.

Парень поднатужился, ворота с тихим стоном поддались и открылись шире, как бы намекая, что не лучшее время я выбрала для воспоминаний.

Я вскользь, будто случайно, заметила в его руке топор. Обычный, ничем не примечательный топор, которым рубят дрова.

Где он его взял? Когда? Зачем? Я не знала, но была уверена, что ничего хорошего он этим топором не сделает.

Ворота, словно сопротивляясь, неохотно уступали каждый сантиметр, но открывшись на полметра, в них словно что-то сломалось, сухо хрустнуло и створки сами, после одного слабого толчка, разошлись в стороны. Приветливо распахнулись, открыв моим глазам

жуткую картину.

Туман этот был неправильным, теперь в том не было сомнения.

На поляне, что отделила деревню от леса по восточной стороне, происходило самое настоящее побоище, а в деревне, там, где стояла я, не было слышно ни шороха.

Оборотни в своем околючеловеческом виде, с оружием в мохнатых недолапах, бились с тощими, одетыми в черные мешкообразные тряпки, девицами. Бледная кожа, черные волосы, черные глаза, худые, иссушенные лица, тонкие руки в прорезях безразмерных балахонов, белые ноги с черными, птичьими когтями...

Завороженная, я несколько тягучих секунд смотрела на то, как огромный и сильный дядька с оскаленной волчьей мордой на могучих мохнатых плечах пытался пробить воздух, чтобы дотянуться до застывшей на месте девицы.

Ведьмы в этом мире выглядели отталкивающе и страшно.

Одержимый медленно и уверенно поднял топор, метя в один из символов, тлевших на крепком дереве ворот.

И я наконец-то отмерла, бросилась вперед, не задумываясь что делаю, подхватила увесистый булыжник, словно специально для меня лежавший на дороге и, не замедляя бега, с размаху врезала камнем прямо по темноволосой голове.

Топор выпал из ослабевшей руки, и парень осел на землю, очень медленно, я бы даже сказала, удивленно, словно он и подумать не мог, что такое возможно. Или не он, а кто-то другой, кто-то управлявший им.

На камне остался небольшой, красный след, и я могла лишь надеяться, что не проломила бедолаге череп, а всего лишь немного содрала кожу. Или даже много, судя по красной, небольшой, но не вселяющей доверия лужице, растекающейся под его головой.

Низкий волчий рык прошелся дрожью по моим несчастным натянутым нервам.

Одна из ведьм с жуткой застывшей гримасой безумной ярости бросилась ко мне, но была перехвачена на подлете огромным белым волком.

Подобрав с земли топор, я прижала его к груди и глупо замерла на месте, с ужасом глядя, как наша надежда и отрада, сильный зверь, волчий князь разделался с потерявшей концентрацию, злой ведьмой.

Ухватив ее за развевающиеся тряпки, он голыми руками, бросив своей боевой топор вогнанным в грудь одной из ведьм недалеко позади, оторвал ей голову.

На этот раз огня нигде не было, и показаться мне никак не могло. Кровь у этой гадины точно была черной, блестящей и тягучей как мазут.

Предельно озверевший Свер бросил тело поверженной ведьмы и, не глядя в мою сторону, рыкнул:

— Закрой ворота.

Я мелко закивала, таращась в спину оборотню. Пока он возвращался к своему топору, пока вырывал оружие из быстро деревенеющего тела, я преданно смотрела ему вслед и отмерла лишь поймав требовательный взгляд желтых глаз.

Не выпуская откровенно ненужный, мешающий топор из рук, я засуетилась, намеренная выполнить указание вожака во что бы то ни стало.

Туман лип к ногам, тянул тяжелые створки назад, будто стремясь удержать ворота открытыми.

Тихонечко скуля от страха, вздрагивая от каждого звериного взвизга или злого рычания, я толкала правую створку, стараясь не думать о том, что ведьмы не издают звуков и вполне возможно, одна из них уже стоит у меня за спиной.

Наверное, именно благодаря тому, что усердно накручивая себя, я была почти готова ко всему и не растерялась, когда холодная крепкая рука вцепилась в мое плечо. Я просто отмахнулась топором.

Остро заточенная сталь беззвучно врезалась во что-то и отскочила. Руку заломило, но свое единственное оружие я даже не думала выпускать, просто до крика было страшно разжать пальцы.

Возможно, нанести вреда я не смогла, но отпора от меня не ждали и чуть ослабили хватку, чем я и воспользовалась. Вырвавшись из холодных пальцев, развернулась, жвжимаясь спиной в дерево ворот и встретила взглядом с черными, неживыми глазами.

Ощущение, что кто-то деликатно стучится в мое сознание, появилось почти сразу... не поддаваться оказалось удивительно легко. Ведьма недоуменно нахмурилась, а в мой мозг начали просто нагло ломиться.

В висках сильно бился пульс, мозг будто ложкой мешали, путая мысли, и я уже плохо понимала, что происходит.

Ведьма подалась ближе, легко опустив руки мне на плечи и обдав лицо холодным, пахнущим сырой землей дыханием, мешать мой мозг стали интенсивнее. И очень зря.

Я за свои действия уже не отвечала и сама сильно удивилась, когда лезвие топора основательно вошло в черноволосую голову. Сбоку, чуть выше уха, слегка под углом...

Ведьма с обиженным вздохом выпустила меня из рук и упала на землю. Если у нее и был какой-то волшебный щит, то он не сработал.

Побежденный враг лежал у ног, а мне было совсем не радостно. В голове все еще была бессмысленная каша, плечо, за которой цеплялась эта дрянь, болело как от ожога, и ноги подкашивались.

А малахит в колечке тускло светился. Опять.

Я уже была не в состоянии закрыть ворота, я даже стоять больше не могла. Зато могла сидеть, подпирая спиной полузакрытую створку ворот и медленно, по крупичам воссоздавать себя из того вороха мыслей и чувство, что закрутила в моем сознании ведьма, пока оборотни добивали ее товаров.

Среди тощих, бледных, разбросанных по поляне тел лежало два мужских. Переломанные, вывернутые под немислимыми углами, они поражали воображение своей неправильностью. Жестокость убийства пугала.

Не сразу до меня дошло, что полную картину я могу разглядеть потому, что туман сошел. Он исчез вместе со спешно бегущими ведьмами.

Я не совсем понимала, почему они не попытались прорваться в деревню, хотя ворота были открыты, и сторожила их только полностью обессиленная девица с неменяемым взглядом.

Многим позже, напоенная чаем с вареньем, я узнала от обеспокоенно поглядывавшей на меня Ашши, что ведьмы неплохо умеют подчинять своей воле, но преодолеть защиту самой волчицы не в состоянии.

— Если бы он нарушил плетение, — передернув плечами, тихо призналась змеевица, — ведьмы осквернили бы эти земли, и мы не смогли бы здесь больше жить. К счастью, ты не позволила этого сделать, ворота остались целы, и контур не разомкнулся.

Я видела, что случилось с поляной, на которой происходило сражение — мертвая, серая земля и болезненная обреченность почерневшей травы.

Оборотни вбили по периметру проклятой земли деревянных стражей, чтобы зараза не перекинулась на деревню, а на саму поляну было строжайше запрещено ходить, пока она не очистится.

Йола обещала сделать все возможное и уничтожить зло за ближайшие семь лет.

Но это я узнала уже вечером, а сидя у поляны, дезориентированная и жалкая, просто радовалась, что все закончилось.

Радовалась, правда, недолго. Обратни постепенно возвращали себе человеческий вид и вместо того, чтобы заниматься телами ведьм, собрались вокруг меня.

— Убила, — прогудел кто-то.

— Этому топору дрова больше не рубить, — поддакнули из толпы. В голосе говорившего слышалась злая веселость.

— Без защиты справилась, — напомнили весельчаку.

— Так нечисть же, — важно проговорил невысокий, крепкий и какой-то тумбочкообразный бородатый мужик, стоявший в первом ряду. Его я хорошо видела, ему и достался мой ошалелый взгляд.

Мужика это почему-то не обрадовало. Он отшатнулся назад, ухватившись за висевший на шее оберег — кабанья морда, вырезанная из дуба, на кожаном шнурке.

— Ты, девка, глазить не думай, ни к чему это, — предупредил он.

— У вас работы нет? — глухой и усталый голос вожака подействовал на оборотней отрезвляюще.

Хотя быть может, всему виной был резко начавшийся дождь. Даже не дождь — ливень, в одно мгновение намочивший всех. Включая вожака, за шкирку поднявшего меня на ноги.

С трудом удерживая себя в вертикальном положении, я тряслась, вжав голову в плечи и вздрагивая от больших, холодных капель, безжалостно барабанивших по голове и плечам.

— Хорошо ты ее, — одобрил Свер, оценивающе оглядев лежащее у наших ног тело, — молодец.

Вода ручьями текла по его лицу, по плечам, по разодранной рубашке и красным полосам от когтей на груди. По пальцам, из прокушенного запястья, капала разбавленная водой розовая кровь. Выглядел вожак изрядно потрепанным и грязным, но полным сил и очень довольным.

А я была совсем целой (ни царапинки, только плечо все так же болело), но совершенно разбитой.

Дождь, казалось, только набирал силу, с меня текло ничуть не меньше, чем с вожака, и я чувствовала, как вместе с водой стекает что-то плохое, черное и тяжелое.

— Но клеймо мы все равно поставим, — заявил Свер. И от спокойной уверенности в его голосе мне захотелось плакать. Возможно, будь я не такой растерянной и напуганной, сдержалась бы, но мне было плохо и мокро, и я разревелась, уткнувшись лбом в теплую грудь, даже в таком состоянии стараясь выбрать на его рубашке место почище.

От вожака нашего почти шел пар, в то время, как я озябла и тряслась не только от пережитого, но и от холода. Свер был теплый и какой-то надежный, и за ощущения спокойствия и защищенности, я готова была простить ему даже едва уловимый запах мокрой шерсти и природную черствость.

Он вздрогнул, когда я заревела, боднув его лбом, но мужественно остался стоять на месте и даже не побоялся опустить мне на голову не покусанную тяжелую руку.

— Успокойся. Твои слезы ничего не изменят, это не мое желание, это единственная защита против ведьм.

Я завывала громче, Свер напрягся и тихо попросил:

— Прекрати.

А я не хотела прекращать, я хотела плакать, и чтобы меня успокаивали, гладили по голове и обещали, что все самое страшное позади. И шоколадку... Темный шоколад с цуккатами.

При мысли о сладком мне стало чуточку легче, но еще обиднее. Потому что у оборотней шоколада не было от слов умеренный климат (если верить рассказам Ашши о зиме и весне, их умеренный климат серьезно забирал в сторону субарктического). Никакого какао, никакого шоколада, никакого счастья в жизни.

— Яра...

— А валерьянка у вас есть?

— Что?

— Валерьянка, — я икнула, дернувшись всем телом, — успокоительное. А то еловица ваша меня не очень успокаивает.

Я плохо себе представляла, что должна была бы испытывать после убийства человека (пусть даже эти ведьмы на людей не очень сильно походили), и не испытывала ничего. Не удовлетворения, ни угрызений совести, ни отчаяния. Я с трудом могла вспомнить тот момент, когда топор, ведомый моей нетвердой рукой, вскрыл череп той черноглазой.

Но одно я знала точно: видеть, как безутешно женщины рыдают над погибшими — выше моих сил.

Погребальные костры сложили рядом с капищем. Оборотней выправили, как смогли, обрядили в звериные шкуры – волчью и лисью, и уложили на расшитые черные простыни. Под звериными мордами на белые, с тонкими сизыми нитями капилляров, веки уложили камешки с нацарапанными, залитыми красной краской, рунами.

Павших в бою отправляли в Вечные леса и сделали все возможное, чтобы они смогли найти свою тропу.

Я не хотела идти на похороны, но не смогла отказать заплаканной Ашше, когда она попросила пойти с ней — один из умерших, покоящийся теперь под шкурой лиса, был ее другом.

Теперь же топталась рядом со змеевицей, жалея, что попалась на глаза Сверу, который заставил нас стать по левую от него сторону. Справа стоял Берн и выглядел очень уставшим.

Ашша крепилась, пока родственники прощались с погибшими, пока Йола нашептывая что-то под нос, рисовала краской на окоченелых ладонях знаки, пока Свер хорошо поставленным голосом заверял, что тропа их будет прямой, и Вечный лес станет новым домом. А когда вожак поджег просмоленные бревна крады (как здесь называли погребальный костер), змеевица не смогла сдержаться и заплакала.

— Я понимаю, что он обрел покой, что он теперь охотится в Вечном лесу, в стае Белой Волчицы, — тихо проговорила она, смахнув пальцами быстрые слезы, — но не могу с этим смириться.

Меня женский плач всегда приводил в придурковатое оцепенение, я могла просто топтаться рядом, смотреть несчастными глазами и грустно вздыхать, вот только сейчас этого было недостаточно.

Совсем рядом кто-то тихо всхлипывал, вторя Ашше.

Я неуверенно нашла безвольную ладонь змеевицы и сжала ее настолько ободряюще, насколько смогла.

В гнетущей, тяжелой тишине огонь поднялся по бревнам и медленно, нерешительно коснулся тел.

Мне казалось, что хуже участия в языческих похоронах, в этот день уже ничего не сможет со мной случиться, но нет, я серьезно ошибалась.

Вечером на капище развели костер, и если утром, всего в сотне метров отсюда сжигали погибших, то теперь, прямо у волчицы под носом, собирались хорошенечко прижечь меня.

Раскаляющееся в углях клеймо, по форме напоминающее стилизованную волчью лапу, линии которой состояли из бережных рун, не оставляло места иллюзиям.

Мою шкурку собирались попортить, и я не могла даже представить, как буду объяснять это маме, когда вернусь домой.

Четверка неклеименьшей, под предводительством мучающегося мигренью парня с перебинтованной головой и крепкой верой в то, что со мной лучше не связываться, ждали своей скорбной участи тут же.

Как я узнала от Свера, который после проведенного мною сеанса слезотерапии решил стать чуть мягче по отношению к сопливой ведьмоубийце, эти четверо появились в деревне почти три года назад, а ведьмы не напоминали о себе уже чуть ли не пять лет, и клеймением новичков пренебрегли.

Теперь же один из них сидел с разбитой головой, а сожженный утром волк погиб, защищая незакрытые ворота, пока я топором искала мозги в ведьмачьей черепной коробке.

На робкое замечание, что меня-то никто не смог подчинить своей воле, получила непреклонное «Я больше не намерен рисковать».

И сидела я теперь, совершенно вымотанная, перед костром, готовилась страдать и периодически бросала злые взгляды на Свера. На капище ему пришлось затягивать меня чуть ли не силой, сопровождая это тихими угрозами и не очень тихими ругательствами.

У оборотней было слишком много всяких ненужных, на мой взгляд, ритуалов, связанных с их богиней. Мне так и хотелось посоветовать им быть проще.

— Яра! — Свер поманил меня пальцем. И я бы, непременно подошла к нему, не держись он за рукоять клейма.

— Зачем?

— Ты будешь первая.

— А почему? — мне его идея совсем не нравилась.

Ашша, пришедшая со мной в качестве группы поддержки, топталась у входа в капище, на территорию которого ей было нельзя ступать, громко пояснила мне решение своего вожака:

— Чтобы ты не сбежала, когда увидишь, что тебя ждет.

Идти к Сверу мне расхотелось совсем, и он это прекрасно видел.

Видел прекрасно, но в мое положение входить не хотел и бессовестно пригрозил:

— Если ты не подойдешь сама, я поймаю тебя и клеймо поставлю куда получится.

Угроза возымела действие. Куда получится я не хотела, и неохотно, нарочито медленно подошла к нему, не забывая поджимать губы и смотреть исподлобья.

— Куда поставим? — Свер перехватил рукоять удобнее, и я почувствовала непреодолимое желание сбежать, но смогла только вдохнуть, выдохнуть и повернувшись к нему спиной, задрать рубаху:

— Сюда.

— Держи ее, — велел Свер, и меня заключили в медвежьи объятия, грамотно фиксируя положение тела. И даже рубашку из рук вырвали, самостоятельно задрав ее чуть выше.

Я сопела Берну в грудь, прекрасно слыша, как клеймо с шорохом выскользнуло из углей.

Зажмурившись, отчетливо представила, как раскаленный до красна металл медленно приближается к моей спине, казалось, я была к этому готова, но все равно очень удивилась, когда лапа коснулась поясницы. Первое, короткое, мгновение клеймо казалось обжигающе холодным.

Потом я заорала...

Как же я орала, как материлась, как плакала и тоненько взвизгивала, когда сострадательная Ашша притащила кусок льда из холодной, чтобы приложить его к клейму.

Присмирив, я расположилась на земле за пределами капища, лежа на животе и следя за тем, чтобы лед не скатывался с ожога, с интересом смотрела на процесс клеймения со стороны.

Впечатлительная блондинка, просившая все прекратить, когда мы сидели в подвале, потеряла сознание от боли. Парни вынесли эту процедуру с мужеством и только ругались сквозь сжатые зубы. Зато брюнетку Сверу и правда пришлось ловить. Она оказалась такой же впечатлительной, как и я, и клеймиться не хотела. Только не после того, что видела.

В итоге девушку, конечно же, поймали и хорошенечко прижгли, я же сполна насладились представлением.

А следующие три дня не могла нагнуться, с трудом садилась и вставала, и каждые четыре часа меняла повязку.

Ашша, глядя на мои страдания, только качала головой, вздыхала и сочувственно повторяла «Ну кто же мог подумать, что у тебя так сложно все будет проходить».

Свер же сочувствовать мне отказывался вовсе, зато пару раз с удовольствием заметил, что я очень хилая, и теперь даже самый суеверный из деревенских должен был убедиться, что я не нечисть.

— Нечисть бы так не орала, — солидно подтверждал Берн, и эти двое удалялись по своим делам довольные собой, оставляя меня злую, больную, ненавидящую всех и вся.

Только неделю спустя у меня появились силы ответить на их насмешки. Свер о моей слабосильности забыл, стоило мне только прекратить передвигаться по стеночке и намекнуть ему, что моя победа над ведьмой оставила в умах людей более яркий след, чем эмоциональные выступления во время клеймения.

Меня теперь уже и в лицо начали звать Огневицей, но не зло и без страха, а как-то очень приятно, по-доброму. А Рала, в компании своего невыносимого кота, даже притащила как-то пирог с рыбой — бо́льшую половину которого умял Латис — и сообщила, что это гостинец от ее матери.

— Просила передать храброй воительнице, — с улыбкой выполнила она наставление матери, глядя, как ее чудовище с отменным аппетитом жрет мой гостинец. Пирог был свежий, вкусный, еще совсем теплый и уже почти съеденный.

Рале досталось только два куска, три — мне, а все остальное заполучил кот.

— Воительнице?

— Ты Ато́ара остановила, не дала ему защиту взломать, а потом еще и ведьму убила, и отделалась только синяком.

Синяк в половину плеча и правда был единственным напоминанием о моем недавнем подвиге. Ручки у ведьмы оказались сильными, что, впрочем, не особенно ей в жизни помогло.

— Многие изменили свое мнение, — доверительно призналась Рала, невольно понизив голос, — они рады, что в их деревне живет нечисть. Ты теперь Пограничная Огневица.

Я молчала, пережевывая последний кусок пирога, и боялась даже поверить, что моя

жизнь в этом странном месте может хоть чуть-чуть наладиться.

Пограничная Огневица... наверное, это звучит впечатляюще.

Глава 6

Ведьмы — результат насилия и смерти. Проклятые дети выходцев. Болезнь этих земель.

А еще они тощие и стремные, но мужиков для продолжения рода из деревень уводят на раз...

И это, пожалуй, поражало меня больше всего.

— Да они же страшные! — бледные, темноглазые, очень похожие на иссохшие трупы... Будь я мужиком, ни за что бы к такой и близко не подошла.

— Яра, — Свер тяжело вздохнул и на несколько секунд отвлекся от своего занятия, чтобы приласкать меня усталым взглядом, — напомни-ка мне, зачем тебя недавно клеймили?

— Чтобы эти гадины не сварили мне мозг вкрутую, — охотно ответила я.

— Немногие готовы, а главное хотят получить столь болезненную защиту от ведьм, которых, вполне возможно, никогда не встретят. К тому же, все мужчины, как правило, потом возвращаются домой.

— Могли бы придумать что-нибудь не такое болезненное, — проворчала я, невольно потеряв поясницу. Клеймо уже не доставляло особых неудобств, но каждый раз, как я о нем вспоминала, казалось, что оно опять начинает болеть.

— Другого способа нет, только клеймо держится на обеих наших шкурах, — Свер сидел на крыльце своего дома и на меня почти не смотрел, увлеченный своим занятием.

Ашша любила вышивать и плести, Берн обожал рыбачить, а Свер видел какую-то непонятную прелесть в резьбе по дереву.

Я же, попав в этот странный мир, открыла в себе склонность к старческому брюзжанию и нездоровую любовь виртуозно нудеть.

И пока Свер увлеченно выстругивал морду волчка из какой-то деревяшки, наслаждаясь прохладой раннего вечера, я бродила по двору и лениво доставала его вопросами.

Я как раз хотела узнать, зачем клеймили меня, если я не оборотень, второй шкуры у меня в принципе нет, и можно было бы придумать для таких как я что-то более гуманное, но низкий, трубный вой, тяжелый и густой, будто прижимающий к земле, прервал мой вопрос. Он забивал уши и почему-то сжимал сердце в предчувствии чего-то страшного.

Тревожный звук резко оборвался, отдаваясь тонким звоном где-то внутри черепа, а Свер уже подорвался с насиженного места. Бросив нож на крыльце, он всучил мне свой невырезанный шедевр и побежал к стене.

Я, как человек с недавно отключенным инстинктом самосохранения, кинулась за ним. Просто такого страшного лица я у нашего белобрысого вожака раньше еще не видела. Даже когда на поляне ему хамила, не видела.

Тогда он был просто злобствующим страшилищем, а после этого воя стал страшилищем собранным, решительным и... каким-то смертоносным что ли.

И когда нормальные слабосильные люди и нелюди спешили прятаться, я бежала за вожаком в совсем небезопасное место. Потому что в безопасное место с такой рожей не бегут.

Труба провыла еще дважды, пока мы добирались до стены. Я, как бегун со стажем, выступавший на всех соревнованиях сначала за школу, а потом и за родной университет, могла считать себя выносливой и крепкой, но все равно по крутой лестнице поднималась, держась за стеночку и тяжело дыша, в то время как Свер легко взлетел на стену.

Пытаясь отдышаться, я доковыляла до смотровой башни, откуда раньше любовалась

проходом, что привел меня в этот мир.

Трещина светилась холодным белым светом, а из нее, напуганные, но все равно устрашающие в своем непривычном виде, выбегали, а пару раз и вылетали, существа из других миров.

— Так вот как оно со стороны выглядело, — выдохнула я, замороженная невиданным прежде зрелищем. С такого расстояния детали невозможно было разглядеть, но даже так картина впечатляла.

Свер мое восхищение проигнорировал. Раздавая приказы, он не отводил взгляда от прохода, и я его понимала. Поразительный вид, заставлял поджилки трястись.

Хотя, вряд ли у нашего вожака что-то тряслось. Он очень спокойно, с задевающим равнодушием, готовился к бою. Почему к бою, я не понимала, но чувствовала, что все эти приготовления ведутся не для встречи дорогих гостей, а для их жестокого умерщвления.

Оборотни спешили, но в их спешке не было суетливости, хотя я, напуганная давящей атмосферой неизбежной беды, наверное, сейчас металась бы по стене, не зная за что хвататься.

Когда разлом ярко вспыхнул и будто бы потух, а в свет заходящего солнца выскочили новые чудовища, именно этого мне очень хотелось. В смысле, желание-то мое было вполне героическим: пойти и помочь оборотням готовиться к сражению — поворачивать метательные машины и стрелометы в нужную сторону, разводить костры под специально притащенными сюда чанами, продуманно прикрепленными к двум железным балкам, для большего удобства (что находилось в этих чанах я не знала, но прекрасно понимала, что эту разогретую гадость полагалось лить на головы неприятелей), собирать камни для метания — но зная себя, что все это вылиться в непредусмотренную катастрофу. Я бы вполне могла все испортить из самых благих побуждений.

Лучники занимали бойницы, оборотни растягивались вдоль стены, вооруженные топорами, мечами и огромными ножами, очень похожими на кухонные тесаки, только с характерной для оборотничьего оружия, резьбой на рукояти.

Алис принес Сверу его топор.

Взвесив оружие в руке, вожак вышел на стену, и я, как привязанная, поплелась за ним.

Что поразительно, мое здесь присутствие никого не удивляло. Всех больше поражала безоружность Пограничной Огневицы..

Один из оборотней, кареглазый и мощный, с орлиным профилем и сломанным правым клыком, даже предложил мне свой нож.

Я машинально взяла, не до конца понимая, что буду с ним делать.

Оборотни готовились к битве, а из прохода выбиралось все больше странных существ, но в отличие от первой волны, эти не спешили разбегаться, толпились у прохода, будто ждали главного.

И чем больше чудищ выходило, тем беспокойнее мне становилось. Здесь, кроме меня, присутствовали еще несколько женщин, но они-то точно были крутыми воительницами, и очень не хотелось бы, чтобы меня с позором прогнали со стены, потому я мужественно молчала, не озвучивая своих опасений.

— Свер, — молодой, бледный, но очень решительный парень подбежал к вожаку и преданно глядя на его брови, вытянулся по струнке, — разреши остаться здесь.

— Твое место у пятой башни, — непреклонно заявил волчара, оставшись равнодушным к порывистой героичности молодого оборотня.

— До пятой башни почти никто не добирается, — робко возмутился отчаянный парнишка, осмелившийся спорить с вожаком. Раньше мне казалось, что в этой деревне такая, на голову отбитая, только я, а оказалось нет, есть тут еще смертники, — позволь

остаться здесь и биться вместе с вами.

Сверху даже не пришлось ничего говорить, он только глухо рыкнул и пацан тут же осознал, как был неправ, втянул голову в плечи и невнятно что-то пролепетав, припустился в сторону пятой башни. Присвистнув, я в восхищении посмотрела на жоака. Это, конечно, авторитет.

Пока Свер строил подчиненных, чудища успели построиться сами и даже двинулись прямехонько к нам.

Вот тут-то и пришло время мне беспокоиться и открывать рот.

— А мы выстоим? — спросила тихо, впечатленная приближающейся армией.

Издаലെка это было похоже на напoлзающую, черную, несущую смерть волну.

— Мы выстоим, — уверенно отозвался Свер, спокойно оглядывая приближавшихся чудищ, — а ты отправишься в укрытие к женщинам и детям.

— Я не знаю где укрытие, — угрюмо призналась, вглядываясь в небо, — да и не успею добежать.

Там, в быстро темнеющей вышине, в сопровождении печально знакомых мне летучих мышей-мутантов, к нам летели три странные штуковины. Птица не птица, а летающая ящерица.

Хотелось думать, что это драконы, но таких страшных драконов просто не могло существовать в природе. Это было что-то черное, чешуйчатое, тощее и недружелюбное, никакого сходства с драконами, за исключением крыльев, не имеющее.

— Спрячься, — велел мне Свер, махнув рукой в сторону дозорной башни.

Два оборотня — хмурый брюнет и тот, с обломанным клыком, оттолкнувшись ногами от края стены, сделали красивое, почти синхронное сальто и полетели вниз на камни.

Я сдавленно охнула и почти сразу пораженно ахнула, когда вместо безысходного «шмяк» от двух кровавых лепех, послышалось шуршание перьев, и в небо взмыли два огромных ястреба.

— Так не ввали, получается, сказки про Финиста Ясного сокола. — прошептала я, на мгновение забыв о том, где нахожусь и что грядет, дернув жоака за рукав, спросила: — Свер, а если рядом не с чего падать, как они превращаются?

— Долго и болезненно, — ответил он и очень по-волчьи рыкнул, — спрячься.

Со стены меня как ветром сдуло.

Схоронившись в башне, я хорошо видела, как соколы сцепились с недодраконами и рвали их когтями. Трое против двоих, конечно, нечестно, но чудищам численное преимущество не сильно помогало.

Мыши не спешили вмешиваться, у них и у самих были проблемы. Мощные, крепкие стрелы, запускаемые стрелометом, насквозь пробивали их черные пушистые тела.

Утробный рык и странный треск отвлекли меня от сражения в небе.

Оборотни на стене превращались, не доводя оборот до завершения, они опять радовали мою слабую, расшатанную психику своим полужвериным обликом. Рубахи были небрежно сброшены на камни, а brave воины разминали мохнатые плечи и скалились своими звериными мордами.

Берна я узнала сразу. Огромный медведище ударил себя кулаком в грудь, где едва слышно хрустнула кость, а он облегченно вздохнул.

Свер стоял спиной ко мне, наблюдая за всем в человеческом облике. Когда последний оборотень утратил всякое сходство с человеком, жоак стянул рубаху через голову, так же, как и остальные, бросив ее вниз.

Из-под белых волос, по хребту, тонконосым клином опускалась дорожка белого, волчьего меха, истончаясь и пропадая у поясицы.

Я читала в книге о каком-то странном поверье, будто у оборотня в человеческом облике вся шерсть уходит под кожу. Тогда мне это казалось смешным и противным, но сейчас, глядя на то, как по широкой спине от хребта расходится шерсть, покрывая плечи и бока, я была готова поверить в правдивость данного поверья.

Кожа словно выворачивалась наизнанку, и на место гладкой бледности приходила серебристая густота шерсти.

Кости под мехом тоже перестраивались, Свер стал выше, шире в плечах, волосы на голове заменил густой мех, остроконечные волчьи уши подрагивали, улавливая звуки. Он был очень похож на картинку всяких фэнтезийных оборотней, которые я видела в интернете, за исключением одной детали — хвоста в этой своей форме Свер не имел, что меня почему-то очень опечалило.

Ему-то, конечно, так было удобнее носить штаны, но мне казалось, что вожаку очень не хватает хвоста.

Лучники так и стояли в своем человеческом виде, следя за приближающимся врагом, и было непонятно люди они или просто неперекинувшиеся оборотни.

— Ссвер, — на стену поднялся огромный змей с длинным черным хвостом и такими же черными чешуйками на лице и боках, — у нас осталось только три кристалла.

Это был такой же наг, как и Ашша, только больше и мужик.

— Им там в Анахайме совсем жить надоело? — зло прорычал Берн. — Думают, раз маги, то их не тронут? Забыли, видимо, что выходцы с ними делали в былые времена.

— Думается мне, это все новый князек, — лисья морда говорившего недовольно сморщилась, — жадный дурак на все цены поднимает, видать, и на Сабские камни поднял.

— Заряжай, что есть, с магами разберемся после, — велел Свер, змей кивнул и пошуршал обратно.

И именно в это мгновение в воздухе над оборотнями появился недодракон, я тут же бросилась к бойнице, чтобы посмотреть, что случилось с ястребами.

Бой продолжался, одна из летучих страшилищ уже едва держалась, но два других все так же с остервенением отбивались от атак соколов.

А пока противники рвали друг друга в воздухе, остальные чудовища почти подобрались к стенам. Пораженная их скоростью, я уже хотела спрятаться в дальнем углу башни, чтобы не попасться на глаза какому-нибудь монстру, но заметила то, чего не смогла разглядеть раньше.

В середине этого зубастого моря, белым островком безысходности, на костлявых существах, отдаленно напоминающих оленей, ехали люди. Хотя, конечно, вернее было бы сказать, гуманоиды.

Тонкокостные, белые до свечения, они очень напоминали светлячка, но на их лицах не было символов, а на руках украшений.

Узкие их лица больше походили на маски, белые волосы, заплетенные в мелкие косички, с какой-то продуманной небрежностью разметались по черным плащам с меховыми воротниками (и это в такую-то жару!), все в них казалось чужим и неправильным. Начиная с неестественной белизны кожи и заканчивая оружием. Притороченные к седлам глефы почему-то наводили липкую жуть.

Их было всего двое, и меня это почему-то радовало. Хотя, конечно, лучше бы их вообще не было.

Словно услышав мои мысли, один из них поднял голову.

Я понимала, что не могла разглядеть с такого расстояния, но знала наверняка, что глаза у этого существа такие же черные и мертвые, как у ведьм, только намного страшнее.

Сообразив, что на меня смотрят, поспешно отшатнулась назад и на всякий случай присела, наивно надеясь, что разглядеть не успели.

До дальней стены, желая оказаться подальше от этого взгляда, добиралась ползком, сжимая в одной руке нож, и совсем позабыв о поделке Свера, оставшейся лежать на полу под окном.

Когда какая-нибудь батальная сцена происходит на экране телевизора, это все выглядит очень зрелищно. Если такое в кинотеатре смотреть, да еще в формате 3D — эпичность будет просто зашкаливать. Но вот стоит оказаться непосредственно на поле боя — в моем случае, на стене — как это перестает быть круто.

Я жалась к камню, зажимала уши руками и периодически порывалась зажмуриться, но потом понимала, что ко мне в любое мгновение может нагрянуть неприятель, и лучше этот момент не проморгать.

На стене, судя по визгам и вою, кого-то ели, потом сбрасывали вниз и начинали есть следующего. Так как несчастных ели по всему периметру стены, вой стоял громкий, постоянный, не стихающий ни на одно мгновение.

Эти твари, выбравшиеся из прохода, умели не только быстро бегать, но и неплохо лазали по стенам, чего лично я от них совсем не ожидала.

К счастью, этого ожидали оборотни, и незваных гостей встретили очень горячо.

Смолой их встретили, которая, оказывается, и разогревалась в чанах. Но чудищ было много, а смолы мало, закончилась она быстро и теперь оборотням приходилось самим объяснять этим уродам, почему тем здесь не рады.

Я уже несколько раз успела пожалеть, что не отправилась на поиски убежища. Да лучше бы я обратно в дом Свера вернулась, чем сидела тут и тряслась.

Нервный потрясунчик и депрессивные мысли о тщетности бытия и моей хронической невезучести были прерваны появлением прямоходящего плешивого уroda. Орки из Властелина колец по сравнению с этим гадиком — гламурные красавчики.

Чудище это с радостным рыком и голодным блеском в маленьких красных глазках бросилось ко мне. Разведя в стороны огромные пятипалые лапы с длинными жуткими когтями, он словно планировал меня обнять.

Вот только я обниматься не очень хотела.

Потому что были реальные опасения что обняв, это страшилище от полноты чувств еще и голову мне откусит. Если судить по широкому оскалу, пасть у него была большая и вполне себе вместительная.

Нежелание расставаться с головой творило чудеса, бросив меня от стены прямо к чудищу. Проскочив под рукой у громилы, я кинулась к выходу.

Визги, хрипы и шум сражения никуда не делись, но там были оборотни и был Свер, а тут только этот радостный затейник, с бандитской мордой и кривыми, гнилыми зубами.

У меня были все шансы, выбраться из башни, пока это неповоротливое чудище разворачивалось. Но не свезло.

В дверном проеме, прямо передо мной, появился еще один монстр. Тоньше того, что осталось за моей спиной, он было быстрее и злее. И, что уж скрывать, страшнее.

Я испугалась, а практика показала, что когда я пугаюсь, случается что-нибудь непоправимое. Например, ведьма с топором в голове. Или, вот, тощий урод с ножом в правой глазнице.

Его серая морда с двумя дырочками на месте носа и странными наростами на лбу, стала

еще уродливее. По впалой щеке потекла мутная жидкость, заменявшая этому созданию кровь.

Нож вошел глубоко, по самую рукоять увязнув в его гнилой черепушке.

Чудище выло, и я вторила ему, чувствуя, что совсем скоро у меня просто сядет голос, но не имея возможности прекратить.

Если бы меня не сгребли в охапку, я бы еще долго визжала, застыв на месте с отключенным мозгом и бурлящим в крови ужасом.

Оцепенение схлынуло так же быстро, как и сковало меня. Я забилась в крепких объятиях громилы, но он словно не замечал моих попыток вырваться.

Тощий продолжал выть, стоя на месте.

Кажется, нож задел что-то в его мозгу, и несчастного закоротило.

Громила упрямо тащил меня к бойнице. И самым жутким в сложившейся ситуации было то, что меня, кажется, планировали скинуть вниз. С дозорной башни, высотой под тридцать метров, и прямо туда, в толпу врагов.

Попытки вывернуться из когтистых лап ничего не дали, бойница была совсем близко, и я решилась на отчаянный поступок. Лучше отравиться, чем разбиться, решила я, и укусила руку, сжимавшую меня.

С таким же удовольствием я могла жевать кожаный диван.

Очень вонючий, отвратительный на вкус кожаный диван.

Вой резко оборвался и тощий свалился на каменный пол. Оторванная голова упала следом.

В башню вошел забрызганный кровью, когда-то белый, а теперь буро-серый, волчара. Оскаленную морду украшали длинные, глубокие царапины — кто-то хорошенько вдарил вожаку по носу — шерсть вокруг пасти была мокрой от чужой крови. В пылу боя Свер не брезговал рвать врагов на части еще и зубами.

Я, как человек только что попытавшийся погрызть вражину, не могла его обвинять.

— Свер! — обрадовалась я, но радость моя была недолгой и захлебнулась холодным ужасом. Чудище швырнуло меня в узкий проем и бросилось на нашего героического вожака.

Лучше бы он промахнулся, лучше бы я врезалась в стену. Ну сломала бы себе что-нибудь, ну подумашь.

Но нет, брошенная меткой лапой, я вылетела сквозь бойницу, больно задев плечом холодный камень.

Свободное падение длилось полсекунды, я не успела даже толком испугаться и начать падать, как была поймана недодраконом.

Крылатый гад перехватил меня поперек туловища, вонзив когти в бок.

Я чувствовала, как они пропарывают кожу и только надеялась, что их длины не хватит, чтобы повредить какой-нибудь очень важный внутренний орган.

Вылетая из бойницы, я еще успела заметить, как Свер метнув свой топор, угодил чудищу аккуратно между глаз, а потом в меня вцепилась крылатая ящерица, и на несколько секунд в глазах потемнело.

Шум крови в ушах заглушал даже мое собственное дыхание, но низкий волчий вой я все равно слышала. Он легкой вибрацией прошелся по всему телу, отзываясь покалыванием в кончиках пальцев.

На одно короткое мгновение сражение замерло, казалось, даже чудище, скинутое со

стены, застыло в падении.

Один из соколов, услышав вой, отвлекся от разрывания полудохлого недодракона на кусочки и, бросив свое занятие, устремился в нашу сторону. Распотрошенный крылатый гад полетел к земле, не находя в себе сил держаться в воздухе.

Будь я настроена немного оптимистичнее, обрадовалась бы, что меня спасут, но мне было страшно и больно, и в счастливый исход я верила слабо.

Мы не успели отлететь от стены, как мой похититель встретился с раззадоренным, злым и очень огромным птицем. Недодракон зашипел и попытался набрать высоту, отчего меня резко дернуло вверх, когти сильнее впились в плоть. Могла бы, материлась не переставая, но от боли перехватило дыхание, и я не то что ругаться, я дышать нормально была не в состоянии.

Ястреб — я не знала кто это, но почему-то решила, что тот с обломанным зубом — налетел на недодракона, пропорол когтями кожистое крыло и попытался выклевать глаз.

Его жертва дернулась, извернулась, отчего меня еще немножечко насадило на когти, и камнем бросилась вниз, прямо на толпу чудовищ, над которыми ястреб затеял драку.

Я из последних сил удерживала себя в сознании, боролась с тошнотой и ненавидела всех без разбору.

Резко дернувшись вверх, ящер удостоился моего сдавленного стоны и глухо зашипел, не успев увернуться от метнувшегося нам на встречу ястреба.

А потом меня уронили.

Я летела, просто падала с огромной высоты, а за спиной ни крыльев, ни даже парашюта. Зато внизу мохнатые спины, плечи, парочка рогатых голов и холодный взгляд черных глаз. Падать туда решительно не хотелось, но спасти меня никто не спешил. Ястреб пытался оторвать ящерицу крыло, еще не успев сообразить, что я лечу вниз, а тот, вцепившись когтями в птичий бок, не переставая шипел.

Две секунды, и я приземлилась на одну из мохнатых спин, чудом не нанизавшись на рога, отбила себе все, что можно, потерялась на несколько мгновений в темноте, пока бок горел огнем и обещал вобрать меня всю в эту незабываемую боль.

Дальше были лапы и опять черные глаза.

Меня не стали рвать на части, даже не попытались надкусить, а просто потащили к этим страшнющим гуманоидам.

Я лежала на лапах одного из монстров с приплюснутой мордой мопса и медвежьей комплекцией, истекала кровью и уже совсем ничего не понимала.

— Зачем она тебе?

Если язык светлячка я понимала с трудом, то стоило только заговорить бледненькому, как виски заломило от боли. Переводчик исправно работал, но я чувствовала, каких усилий ему это стоило.

— Она странная, — ответил второй, — хочу понаблюдать.

Низкий и будто бы густой, его голос совсем не походил на человеческий.

— У нас другое задание.

Я обвисла в удерживающих меня лапах, очень достоверно изображая бессознательное и полумертвое тело сломленной жертвы и слушала, очень от этого страдая. Голова болела так, что даже бок обиженно притих.

— Я знаю.

Я попала в плен. Именно я. В плен к стремным дядькам. Я.

И вот тут возникало сразу три вопроса: И почему я такая невезучая? И почему не побежала искать убежище и прятаться, когда была такая возможность? И можно ли первый вопрос считать ответом на второй?

Глава 7

Они не разожгли костер, не разбили лагерь, даже не выставили дозорных, а меня просто привязали за ногу к дереву, чем и ограничились.

— Мы не имели права бежать! — в ночной темноте было сложно разобрать, кто из двоих темноглазых говорит, но мне почему-то казалось, что это тот, который не хотел меня тащить с собой когда они отступали в лес.

— Тебя ранили, — спокойно заметил второй, — ты был не в состоянии контролировать свою часть отряда. Я чувствую, что даже сейчас ты с трудом удерживаешь их.

— Алани промахнулись, — огрызнулся раненый.

— Мы не знаем, сколько еще зарядов у них осталось. Ты ослаблен, второй удар должен был убить тебя.

В ответ послышалось злое рычание.

Они, конечно, не знали, что у оборотней было всего три кристалла и судя по всему, теперь их осталось только два... а у Свера появились большие проблемы, так как гуманоидов было тоже двое, что исключало любой шанс на повторный промах.

— Мы должны были держаться до последнего. Это наш долг, — непримиримо прохрипел первый. Ему было больно, отчего слова делались очень неразборчивыми.

Голова у меня болела не переставая, а переводчик продолжал работать. Почти дымился, но упрямо не хотел отключаться.

— Это наша ошибка, — не согласился второй, — именно нетерпение является причиной наших поражений.

— Те слухи, о твоих предках, это ведь правда? — в голосе раненого слышалась злая усмешка. — Что среди них был человек. Грязная кровь. Ты ведешь себя не как достойный сын высшего Кара. Что за хозяйка могла осквернить себя связью с человеком?

— Ты обвиняешь меня? — от угрозы, проскользнувшей в холодном голосе, мне сделалось не по себе. И не только мне, раненый сбавил тон и почти мирно произнес:

— Я ранен, я не могу тебя обвинять.

В воцарившейся тишине было очень хорошо слышно, как сопит войско этих двоих. Пока главные выясняли отношения, простые монстры отдыхали. А я страдала, боясь шевелиться и глубоко дышать. С каждым неосторожным вдохом бок напоминал о себе горячей болью, мне было плохо, страшно и хотелось пить.

— Твой питомец еще не сдох? — раздался насмешливый вопрос, когда я уже почти уплыла в горячую полудрему.

Зашуршал сброшенный на землю плащ, а ко мне подошел черноглазый гуманоид. Присел рядом и зажег на ладони небольшой огонек. Синеватые отблески играли на непонятном знаке, покоящемся на узкой груди. Кожаный доспех странно смотрелся на этом существе, подчеркивая его нездоровую худобу. Никаких украшений на нем не было, только подвеска, замысловатостью линий очень напоминающая кельтские символы.

— Рана серьезная, — с неудовольствием констатировал он, разглядывая почерневшую от крови рубашку, — Ана-Са, кажется, у нее кровь черная.

— Кто бы сомневался, — проворчал раненый, которого звали Ана-Са, — грязные, ничтожные создания.

— Мне нужна мазь, — вслух сообщил этот ненормальный, продолжая меня рассматривать. Ответом ему было возмущенное требование не переводить ценный продукт на такое никчемное создание как я.

— Лучше таруша какого-нибудь излечи, — взмолился Ана-Са из темноты, — их много

раненых.

Я лежала молча, не чувствуя в себе сил даже попытаться отползти от черноглазого, вернувшегося ко мне с какой-то деревянной баночкой. Сил хватило только на протестующее мычание, когда он задрал мою рубаху, чтобы осмотреть бок.

— Наи-Са, — позвал раненый, пока меня осторожно обмазывали прохладной мазью, почему-то тонко пахнущей сырой землей, — зачем она тебе? Мы не можем ее даже допросить.

— Я не знаю, — просто признался Наи-Са, размазывая свой «очень ценный продукт» по моему боку, — но если мы хотим завоевать эти земли, нам нужно научиться понимать их жителей.

— Глупости, — фыркнул Ана-Са, которого я уже подумывала про себя звать просто Ана. Создавалось впечатление, что все эти «-са» не часть имени, а что-то другое. Титул какой-нибудь, быть может, ранг, или просто вежливое обращение, — мы уже однажды захватили эти земли.

— Это было слишком давно, — Наи поднялся, возвращая меня в темноту. Светлячок, горевший над худым плечом, пока он обрабатывал мою рану, уплыл вместе со своим хозяином, — сейчас же мы не в состоянии пройти дальше первого круга.

— Если бы проход был открыт дольше, — проворчал Ана, — мы бы смогли провести больше воинов.

Наи ничего на это не ответил, и разговор завял сам собой. Лежа в темноте, на голой земле, привязанная к дереву, я недолго прислушивалась к себе, пытаюсь понять, куда ушла боль и не убьет ли меня непонятная мазь. Если верить ощущениям, все было очень хорошо, даже голова стала меньше болеть.

Но на этом все хорошее закончилось. Дальше было только плохое.

Начиная от подъема на рассвете, когда еще даже солнце не совсем встало, а так, робко привстало, размышляя стоит ли подниматься или можно еще отдохнуть, и заканчивая неудобным местом впереди Наи на тощей шее его оленя.

Рана закрылась и почти не болела, что было удивительно и очень приятно, но мигрень за несколько часов короткого тревожного сна не прошла, и каждый шаг рогатого скакуна отдавался тупой болью в затылке.

Оборотни нас уже ждали, об этом свидетельствовали стрелы, пущенные сразу же, стоило только чудюдам подойти достаточно близко. Две стрелы угодили в Ана, который даже не поморщился и не попытался их вытащить, продолжая покачиваться в седле со стрелами в груди.

Обычное оружие их не брало.

В Наи никто не стрелял, и мне очень хотелось верить, что виной всему было мое присутствие на его олене. Такая наивная надежда на свою важность.

То ли все дело было в месте, с которого я наблюдала за схваткой, то ли оборотни и правда сегодня были злее, но количество живых чудюд быстро уменьшалось. С каждым упавшим со стены монстром шансы черноглазых захватить деревню таяли все больше.

Когда солнце лениво выглянуло из-за гор, Ана потерял терпение.

Зашипев совсем как рассерженная Ашша, он расправил шипы, скрывавшиеся среди косичек, сразу став очень похожим на потревоженного дикобраза, и погнался своего оленя к стене. Наи ругнулся ему в спину, но следом не поскакал, продолжая держаться в центре поредевшего отряда.

Ана был хорош. Плащ развевался за спиной вместе с косичками, глефа была поднята высоко над головой, пафосность просто зашкаливала, и пока он скакал, я лишь умилялась глядя ему в спину. А потом он взлетел на стену, и я перестала улыбаться.

Наплевав на все законы физики, Ана легко забрался по залитым смолой камням, удерживая оружие, кажется, в зубах.

Наи мудрено выругался, когда его товарищ добрался до оборотней. Троих он уложил почти сразу, умело орудуя глефой, четвертым оказался Свер, и Ана застрял. Они бились минут пять, никто не смел вмешаться, даже когда белый волчара чуть не лишился лапы и заработал глубокую рану на боку.

Вожак тянул время, это прекрасно понимал Наи, и об этом догадывалась я, но Ана, опьяненный боем, ничего не замечал. И это была смертельная ошибка. Неуязвимый для обычного оружия, сумевший полностью исцелиться за ночь, он верил в свою непобедимость, потому, когда Свер прижал его к камню, лишь рассмеялся.

Я точно слышала его издевательский смех, даже с такого расстояния, даже сквозь ворчание притихших чудищ, которых Ана, судя по всему, поставил на паузу. И так же отчетливо я слышала, как его смех захлебнулся, когда кто-то кинул Сверу красный кристалл, тут же оказавшийся во вражеской глотке.

подавившись вздохом, Ана забился, дернулся, стараясь вырваться из рук оборотня, и попытался выплюнуть кристалл, но не успел.

Наи больно сжал мое плечо, когда горло его товарища разлетелась ошметками плоти. Мутная, белая кровь забрызгала Сверу и камни вокруг них.

Утерев морду и подняв обезглавленного противника, вождь скинул его со стены.

И пока неожиданно короткое без головы, безвольное тонкое тело летело вниз, среди монстров наступила странная тяжелая тишина, в которой можно было слышать как труп глухо ударился о землю.

Монстры, удерживаемые Ана, со смертью хозяина вернули свою волю, забеспокоились и поспешили покинуть место битвы, затерявшись среди деревьев.

Они еще не знали, что оборотни выследят каждого из них, не позволяя жить в этих лесах тварям из другого мира.

Отряд сократился на две трети и уже не представлял особой угрозы. Олень обеспокоенно прядал ушами, но стоял на месте, удерживаемый твердой рукой хозяина.

Всем было ясно, что атака захлебнулась, я это понимала, Наи это понимал, и оборотни, спешившие спуститься на землю и добить чудищ, тоже это понимали.

Полюбоваться тем, как легко и непринужденно огромные смертоносные полувзвери, скинув канаты вниз спускаются на землю, мне не дали. Наи, вместе со своим отрядом, бежал в леса, вслед за потерявшими хозяина чудищами.

Уже под защитой деревьев, стремясь скрыться от возможного преследования, Наи разбрызгал по кустам, сквозь которые мы прошли, какую-то жидкость. Осмотрелся и дальше вел своего оленя уже в поводу, силой заставив меня уткнуться носом в пахнущую почему-то разошедшимся деревом гриву.

Когда мы вышли к реке, я дернулась, порываясь спрыгнуть, хотя в моем случае скорее свалиться, с оленя и попить. Утром мне позволили сделать всего три глотка сладковатой теплой воды и вручили вместо завтрака тонкий зеленоватый брикетик, не внушавший особого доверия. Воды я попила, подозрительную еду закопала под деревом и теперь не отказалась бы заполнить пустой желудок даже такой, далеко не чистой водой.

Наи, заметивший мои вялые подергивания, раздраженно прошипел, требуя, чтобы я сидела смирно.

Страдая от жажды и мучаясь от непроходящей головной боли, я уже не могла молчать и делать вид, что ничего не понимаю. Свер шел по нашим следам, Берн шел по нашим следам, толпа оборотней, прекрасно знавшая этот лес, шла по нашим следам, и мне уже было плевать, узнает этот черноглазый о моем маленьком таланте или нет.

— Я хочу пить, — прохрипела я, копируя раздраженные интонации Наи. Пересохшее

горло, непривычное к такому напряжению, возмущенно заболело.

Хотя лицо Наи, когда он услышал родной язык, пожалуй, стоило таких усилий. Пускай мое произношение было корявым и неуверенным, но вполне понятным.

— Ты, — удивлялся он очень забавно. Так... по-человечески.

— Хочу пить.

Совершенно ошалевший, не понимающий, что происходит, несчастный гуманоид помог мне сползти с оленя и проковылять к реке. Сначала он даже предлагал свою очень своеобразную флягу, но памятуя о тухловатой сладости его пойла, я категорически отказалась оттуда пить.

Наи терпеливо стоял на краю реки, пока я, опустив голову в воду, жадно пила, захлебываясь и отфыркиваясь.

— Хорошо, — убрав с лица прилипшие к щекам влажные пряди, я блаженно прищурилась, ощущая, как вода стекает за шиворот. Заморенная жарой, я чувствовала себя просто прекрасно и не могла понять, как этот бледнющий доходяга может ходить в плаще под злым, пекущим солнцем.

Далеко от реки мы не ушли. Обосновались на противоположном берегу, где терпеливый и обстоятельный Наи, со всей своей иномирской ответственностью, решил устроить мне допрос.

— Откуда ты знаешь наш язык?

Расседланный олень пасся в нескольких шагах от нас.

— Один из ваших подсобил, — медленно проговорила я, не до конца понимая, что сейчас чувствую.

С одной стороны, я вступила в контакт с представителем другой расы, не побоюсь этого слова — другого вида. Великое событие, невероятное, просто вау! А с другой — я уже столько времени живу рядом с оборотнями, нагами и прочей чертовщиной, что иномирный уродик меня уже не сильно удивлял.

— Шаман, — помрачнел лицом Наи. Нет, судя по задержке перевода, слово было другое, но подходящего аналога в моем лексиконе переводчик не нашел и выбрал максимально приближенное к оригиналу.

— Он самый, — охотно кивнула я, крутя в руках очередной странный брикетик, на этот раз коричневого цвета. Наи спокойно грыз такой же, задумчиво глядя прямо перед собой и заставляя мой желудок возмущенно сжиматься. Время неумолимо шло к обеду, я хотела есть и уже готова была рискнуть и попробовать эту странную пищу, успокаивая себя тем, что от иномирской мази я не загнулась и даже наоборот. Бок радовал покрасневшей, словно обожженной кожей, там где вчера была наложена мазь. Но рана затянулась, оптимистично белея аккуратненькими шрамиками — кажется, единственным побочным эффектом была лишь нестрашная аллергия.

— Раньше они служили нам, — глядя прямо перед собой, проговорил Наи, — помогали править здесь, давали возможность понимать ваш язык.

Я молчала, пораженная внезапным откровением, а он не спешил продолжать, погрузившись в свои мрачные мысли.

Просидев так несколько минут, я не выдержала:

— А теперь больше не помогают?

— Они обвинили нас в поражении и изгнании из ваших земель. И отказались служить.

— И вы их просто так отпустили?

— Шаманы — дети Великого Кара, заставить их служить силой значит унизить его.

Я молча отгрызла от брусочка кусок, пережевала и с трудом проглотила эту вязкую, безвкусную гадость. Еда у них ужасная, одни охотники, другие шаманы и, судя по всему, друг друга они не очень-то жалуют, да и божество у них какое-то стремное. Великий Кар...

Мне даже Наи отчего-то жалко стало. Родился, бедный, в таком отстойном мире.

— И что ты теперь будешь делать?

— Ждать, — коротко ответил он.

— Чего ждать?

— Пока дорога не откроется и новый отряд не придет испытать свою судьбу. Сейчас звезда все чаще становится красной, — признался он.

Пока Наи ел, я размышляла о насущном. Расспрашивать его дальше мне не казалось хорошей идеей, уж очень неохотно он отвечал, и в любое мгновение мог вспомнить, что это я тут пленная, и меня нужно допрашивать. Да и так было ясно, что в отличие от оборотней, гуманоиды узнавали об открытии прохода задолго до этого неприятного момента, иначе едва ли могли успеть собрать свою страшнорылую армию.

— А со мной что будет? — я была уверена, что оборотни найдут нас до того, как проход откроется в следующий раз. Но придут ли они раньше, чем Наи решит, что я ему только мешаю и избавится от меня?

— Ты будешь полезна, я буду тебя защищать, — пожал плечами он, — я доволен.

Еще раз откусив от безвкусного брикета, я тяжело вздохнула. Он был доволен... А вот я была не совсем довольна тем, чем был доволен он.

— Как тебя зовут?

— Яра, — рассеянно представилась я, все еще размышляя о его словах.

— Яра... аата? — неуверенно переспросил он.

— Просто Яра.

Следующие полтора часа мне подробно и нудно объясняли, что я не могу быть просто Ярой, что «аата» означает свободная хозяйка, переводя на нормальный язык — незамужняя девушка, а «аатана» — хозяйка дома, то есть замужняя, а «аатара» — хозяйка пепелища или вдова.

Он называл еще много окончаний, объяснял, что они значат, приводил примеры, и выглядел очень увлеченным. Я послушно изображала интерес и ждала, когда он объяснит, что значит «са» в окончании его имени.

Самое интересное Наи, конечно же, приберег напоследок.

— Вот, смотри, я Наи-са. — проговорил он, когда я из последних сил держала глаза открытыми, не пытаясь больше выглядеть заинтересованной, и старалась просто не уснуть. Услышав знакомое слово, я встрепенулась. — В моем случае «са» — значит воин. Если бы я смог сломить ваш круг и удержаться в вашем доме, до прихода моих братьев, мне бы позволили заменить «са» на «саэн» разрешив звать себя сильным воином.

— А пока ты зеленый салага, — пробормотала понятиливо, потеряв глаза.

Тяжело поднявшись, я поковыляла к реке, Наи не пытался меня удержать, решив, что я опять хочу пить, мое невнятное бормотание он не разобрал и не видел причин обижаться.

Вода была прохладной и очень освежала. Поплескав в лицо, я блаженно вздохнула и сунула голову в воду. О том, что меня кто-нибудь может за волосы утянуть на дно, мне никто не рассказывал. Ни Ашша, ни вредный Берн, любивший поугагать всякими страшными историями, ни даже серьезный Свер.

И попытка притопления оказалась для меня неожиданностью.

Я почувствовала, как что-то ухватило меня за косу и дернуло вниз. Река была не то, чтобы глубокая, и я сначала решила, что просто каким-то образом зацепилась за корягу или что-то в этом роде – мало ли мусора можно найти на дне реки?

Меня дернули повторно, а я так и не смогла нащупать рукой корягу и выпутать волосы.

В третий раз косу дернули сильнее, и я, не удержавшись на берегу, свалилась в реку и забила в воде, пуская большие пузыри. Вот именно тогда я и запаниковала.

Это была не коряга, потому что коряга не могла тянуть меня за волосы на середину реки, в самое глубокое место. Негромкий всплеск за спиной я не слышала, в ушах гудела вода и стучал пульс, я не могла открыть глаза и не видела, что происходит вокруг, пальцы то и дело касались песчаного дна, а меня продолжали тянуть за собой.

Попав в этот мир, я и предположить не могла, что смерть моя может быть настолько обидной. Среди оборотней, всякой опасной живности, готовой съесть меня целиком, и прочей паранормальщины умереть утонув в реке, было особенно печально.

Я уже почти задохнулась и в любое мгновение рисковала сдаться и начать дышать водой, когда волосы отпустили, а меня потянули наверх, перехватив под грудью.

Спаситель, тощий, мокрый и ставший еще страшнее, отбуксировал меня к берегу и даже дотащил до своего плаща, который скинул, когда бросился меня спасать.

Откашлявшись и вдоволь надышавшись, я вспомнила о вежливости, и сдавленно прохрипела:

— Спасибо.

Наи кивнул, с совершенно спокойным лицом. Словно он только что не жизнь мне спас, а просто в речке поплескался.

— Я говорил, что буду тебя защищать.

— И все равно спасибо, — скинув босоножки, недолго думая, стащила еще и штаны, развесив их на ближайшем суку и оставшись в мокрой рубашке.

Наи раздеваться не стал, и через несколько минут я с завистью поняла, почему. Вода стекла с его одежды, быстро впиталась в землю и совсем скоро о недавнем купании в реке свидетельствовали только его мокрые волосы.

Я же сохла до самого вечера, не очень понимая, почему никто нас до сих пор не нашел.

Злые, вымотанные, голодные оборотни, вышли на нас, относительно сытых и отдохнувших, только ближе к обеду следующего дня, у закрытого прохода, притворявшегося обычной пещерой.

Я как раз топталась рядом с оленем, который, на самом деле был и не оленем вовсе, а налием. Пока Наи осматривал пещеру, собираясь использовать ее в качестве ночлега. На этой изолированной территории все, что ему оставалось делать — прятаться и ждать открытия прохода, чем он и собирался заниматься, забавы ради таская меня с собой.

Свера, в компании еще двух не перекинувшихся оборотней и одного черного волка, я приветствовала не очень радостно, что нашего вожака несколько озадачило.

— Какая неожиданная встреча, — пропела я, с насквозь фальшивой улыбкой.

— Где он? — хмуро спросил Свер, забыв о всякой вежливости. Его не интересовало мое самочувствие как физическое, так и психическое, он хотел знать где темноглазенький.

И едва ли нашего вожака волновало, что раса темноглазенького звалась хту-наа и представляла из себя что-то более сложное, чем простая группа жестоких и упрямых захватчиков, бодающих неприступные ворота уже не первое десятилетие.

Он просто не считал это важным.

Зато теперь об этом знала я. Как и знала то, что эти атаки не прекратятся, пока проход не закроется навсегда. Воинственная раса. Плодовитая и не умеющая учиться на своих ошибках... что с них взять?

Устроив вчера вечер откровений, я узнала о Наи много нового и даже пришла к выводу, что не такой уж он и страшный. Нет, я все еще считала его тощим уродом, но уже без прежней брезгливости.

Если на него не смотреть, а только слушать, выкинув из головы бледный образ ходячего скелета со страшными глазами, то можно было даже вполне мирно общаться.

Сволочь он, конечно, так как выкрал (а он именно выкрал, монстры по его приказу в бойницу нагрязнули), но молодец и без пяти минут герой, потому что от какой-то вредной речной нечисти спас и утонуть не дал.

— Он? — проблемы, поняла я, вот они, настоящие проблемы.

Свер сжимал в ладони красный кристалл и собирался умертвить Наи единственным возможным способом. И судя по тому, что модернизированного арбалета, из которого ранили Ана, у него не было, Свер планировал накормить кристаллом Наи собственноручно.

А этот бледный смертник, совершенно не заботясь о сохранности своей жизни, вышел из пещеры, крепко сжимая в руке древко глефы.

Оборотни подобрались, а вожак даже шаг вперед сделал, став чуточку ближе к Наи.

— Свер, а, может, сначала поговорим?

На меня посмотрели как на ненормальную, и велели:

— Иди сюда.

— Ну, Свер...

— Яра! — рыкнул вожак, заставляя меня вжать голову в плечи. Жизнь моя жестянка, связалась на свою беду с бешеными оборотнями.

— Яра-ата, — позвал Наи напряженно, — спрячься в пещере и не выходи, пока я не позову.

Еще один умник.

И если поведение Свера еще можно было объяснить незнанием того, что я теперь полиглот, то Наи чего тупит?

— А, может, вы просто мирно все обсудите? — жалобно попросила я. — Без смертоубийства?

Я, уже почти привыкнув к языкозавязывающей речи хту-наа и даже не особо страдала от тяжести, чуть отстающего перевода, и не ожидала, что мои несомненные таланты произведут такой фурор.

Оборотни были в шоке.

— Яра, — негромко позвал Свер, желая убедиться, что ему это не послышалось, — ты разговариваешь с ним?

Лучше бы я, конечно, ни в чем не признавалась, не кивала и не соглашалась работать переводчиком. Но тогда еще я не знала, что меня ждет, а когда узнала, было уже поздно отказываться.

Глава 8

Оборотни гады, у Наи точно в предках человек затесался, деревенские боялись бешеную проблемную нечисть пуще прежнего, а я была жертвой обстоятельств и по вечерам скрывалась в коровнике, жалуясь живущей там буренке на жизнь.

Корова была белая, с огромными черными пятнами, отчего порой мне казалось, что на самом деле она черная с белыми полосами, звалась Чернушкой и слушать умела даже лучше Ашши. Змеевицу личность Наи очень интересовала, зато совершенно не интересовали мои терзания и депрессивные размышления о будущем.

Выходец жил в деревне, в доме вожака, на правах опасного, находящегося под охраной, гостя.

И из-за этого я чувствовала себя виноватой.

Столько лет они спокойно сражались друг с другом, но тут появилась психованная нечисть, которая и не нечисть вовсе, и все пошло наперекосяк.

Никто не знал, что будет дальше, но все с одинаковым страхом ждали очередного открытия прохода. Страх этот был новый, непривычный и неприятный, совсем не похожий на не особо беспокоящее ожидание вражеского набега.

Свер хотел прекратить затяжную войну и решить все миром, Наи просто было интересно как живут алана, а страдать за всех приходилось мне.

С каждым днем я становилась все больше похожа на выходца, делаясь бледнее и тоньше...

Мое уединение и уют коровника нарушил вездесущий кот. Подошел, осмотрел меня, сено на котором я сидела, и пришел к выводу что ему здесь нравится.

И я бы ничего не имела против его компании, не расположи он свои десять килограмм на моих коленях.

— Нет, ты это видела? — возмущенно обратилась я к пережевывающей жвачку корове. Ее всего двадцать минут назад подоили, и теперь Чернушка отдыхала. Возможно, даже спала бы уже, не мешай ей я.

Кот хрипло мурлыкнул и вытянулся, выбирая максимально удобную позу.

— И чем тебя только Рала кормит? — проворчала я, легонько потрогав кисточку на кошачьем ухе. Ухо недовольно дернулось.

Не удостоив меня ответом, Латис зевнул и притворился трупом.

В деннике было тихо и тепло, пахло сеном и навозом, будя воспоминания о деревне и летних каникулах. Полумрак разгоняло медовое мерцание светильника, приделанного у выхода между стойлами.

Кот спал, я минут через пятнадцать, устав жаловаться на жизнь, тоже задремала и уже почти уснула, привалившись к перегородке, когда эта скотина, вскочила, громко замурлыкав и, от переполнявших его мелкую кошачью душу чувств, вогнала мне в бедро когти.

Дверца стойла открылась, впуская длинную тощую фигуру. Наи сел рядом со мной, игнорируя непонятную радость кота, и протянул один из принесенных с собой бутербродов. Второй, надкушенный, он оставил себе.

— Ты меня как нашел? — бутерброд я приняла на автомате, хотя есть и не хотелось. Зато Латиса подношение заинтриговало — прекратив урчать, он ответственно обнюхал хлеб, убедился, что бутерброд с сыром и очень оскорбился, возмущенный отсутствием мяса.

— Просто нашел, — пожал плечами Наи. Со странной улыбкой, коряво, но очень старательно, он по слогам произнес на языке алана, — по за-па-ху.

Латис, полностью согласный, что по запаху много чего можно найти, решительно сунулся к выходцу. Обнюхиванию подвергся и второй бутерброд – Наи миролюбиво позволил коту сунуть нос в свою еду.

Сыр Латиса решительно не устраивал. Возмущенно фыркнув, он задрал хвост и, виляя пушистым задом, гордо удалился.

— Мне нравится ваш мир, — на своем, привычном языке, признался Наи, откусив почти половину бутерброда.

— Ну, еда у нас точно вкуснее вашей, — подтвердила я, после недолгих размышлений вернув ему бутерброд, — кушай, может, перестанешь быть таким тощим.

У этого отдельно взятого хту-наа определенно в роду были люди. Слишком легко и быстро он принял то, чего не видели даже его родители.

Наи интересовал этот мир, и я как единственный способ его общения с деревенскими, за последние две недели о месте, где теперь живу узнала больше, чем за все время своего здесь пребывания.

Да он уже даже язык стал изучать, что и вовсе шокировало.

Такими темпами, Наи вполне мог со временем обжиться и остаться в деревне навсегда.

В коровнике мы так точно рисковали остаться до утра, так хорошо было в гостях у Чернушки, но за Наи велось круглосуточное наблюдение. Слежка проводилась настолько расторопными спецслужбами, что Свер появился в коровнике раньше, чем вечно голодный Наи догрыз второй бутерброд.

— Что вы здесь делаете? — суровый вожак, скрестив руки на груди, смотрел на нас поверх перегородки.

— Готовим свержение действующей власти? — с радостной горячностью предположила я шепотом. Громко говорить опасалась. Чернушка, конечно, была коровой смирной и очень умной, но кусалась больно.

— Успешно? — бесстрашно осведомилась действующая власть.

— Неа. Нас рассекретили, — скорбное выражение моего лица почему-то очень удивило Наи, который еще недостаточно хорошо понимал язык оборотней.

— Завтра приезжает князь, — Сверу было не до шуток.

Переглянувшись с Наи, я быстро перевела ему слова оборотня, чтобы не удивляться в гордом одиночестве, и спросила у вожака:

— Прямо целый князь приедет? Настоящий?

Свер совсем помрачнел.

— Улиский.

— И это плохо? — правильно поняла я его настроение.

Наи же ничего не понимал, но молчал и терпел, дожидаясь, когда разговор закончится, и я ему все расскажу.

— Яра, — облагодетельствовав нас своим присутствием, Свер осторожно зашел в стойло, — тебе завтра придется присутствовать при нашей встрече. И я очень прошу тебя быть серьезной. Князь несомненно захочет познакомиться с единственным живым выходцем в нашем мире.

Места сразу стало слишком мало. Чернушка недовольно переступила копытами, но возмущаться не стала, героически терпя присутствие зверя на своей территории.

Если Наи все животные очень любили, то Свера, напротив, сильно опасались. Даже привыкшая к запаху хищников скотина. Да даже самодовольные и наглые коты

старались не попадаться ему на глаза.

Заставив потесниться, Свер присел рядом, зажав меня между собой и тощим Наи.

Наи не возражал. Он любил тепло и приходил в какой-то неописуемый восторг при ощупывании моего горяченького тельца, так как сам был костлявым и холодным.

А я была теплой, мягкой и затроганной. Выходцы, так же, как и оборотни, совершенно не знали, что такое личное пространство и не смущались излишней близости.

Но я-то была человеком. Не особо общительным, ценившим одиночество, и предпочитавшим держать дистанцию.

А теперь у меня не было ни одиночества, ни личного пространства, ничего.

Даже в коровнике, среди специфического запаха, щедро сдобренного ароматом навоза и сена, я не смогла найти уединение. И тут достали.

Свер был горячим и большим, Наи холодным и тощим, а я уже подумывала свалить отсюда, оставив их наедине. Выходец наш любит тепленьких, а вожак не просто тепленький, он горячий и большой. Трогать не натрогаться.

— И чего, мы тут так и будем сидеть? — осторожно полюбопытствовала я.

— Яра, завтра тебе нужно быть особенно осторожной. Улиский князь ценит необычную красоту. Когда ему кто-то нравится, князь это берет.

— Понятно, — задумчиво протянула я.

— Что тебе понятно?

Наи тихонечко вздохнул. Ему не очень нравилось сидеть тут и не знать, о чем мы разговариваем с такими серьезными лицами, но он пока терпел.

— Понятно мне, почему Ашша со всеми местными девицами еще поутру в соседнюю деревню ушли. От греха подальше, — непонятно мне было другое, — но мне-то чего опасаться? Я же нечисть. Страшная, лесная нечисть, Пограничная Огневица.

— Он потомок ведуна и защищен от многих бед силой могучего предка, — хмуро сообщил Свер.

— В смысле, у него кто-то из родственников маг?

Известие было шокирующее. Я-то думала, что магов тут совсем не любят, а оказывается, встречаются исключения.

Как выяснилось, исключений не было, были разделения магических сил.

— Ведуны черпают силу из природы, они общаются со своими богами и помогают людям. Сила же магов заключена в них самих, скрывая их мысли от высших сил, — наставительно произнес оборотень.

— И чего, — растерялась я, — если этот потомок ведунячий решит, что я ему приглянулась, ты меня ему так и отдашь?

— Не отдам, — успокоил меня Свер и тут же обратно расстроил, — но он едва ли станет просить моего разрешения, а провести всю ночь у твоих дверей, охраняя покой, я не могу.

— Ага, статус не позволит.

— Яра, просто будь осторожна.

— Натру завтра перед встречей дорогих гостей лицо крапивными листьями, — пообещала я отважно, — чтобы наверняка его от моей неземной красоты отвернуло.

Свер только покачал головой. Он не верил в мою самоотверженность и в то, что я

добровольно способна сделать себе больно.

Наи, которому я в общих чертах пересказала наш разговор, просто напомнил, что он и без глефы, которую у него отобрали еще у пещеры, достаточно смертоносный.

— Я обещал тебя защищать.

Сказанные ровным, уверенным тоном, эти слова успокоили меня ровно на тринадцать часов.

Пока на двор вожака не въехал княжеский эскорт.

Впереди всех, на гнедом скакуне сидел лошениый, надменный и как-то подсознательно неприятный тип.

Охрана и взятая с собой прислуга серостью своей одежды и угрюмостью лиц продуманно оттеняли праздничную красоту княжеских одежд и его общий цветущий вид. Гладкое, безбородое лицо, светлые густые волосы и искрящиеся глаза, все в нем было красивым, но отталкивающим и неуловимо опасным.

Особенно взгляд. Тяжелый, оценивающий взгляд ясных глаз.

Я стояла на крыльце, за левым плечом вожака, в платье без бережной вышивки, как и должно всякой нечисти. Мне по статусу не полагалось терпеть на себе все эти защитные руны.

Красные волосы огнем горели на солнце, даже заплетенные в тугую косу они привлекали к себе слишком много внимания. Цвет не поблек ни на тон и даже не думал сходить с волос, уступая место моему естественному, светло-русому окрасу. Отрастающие волосы были так же красны, как и в первый день после покраски, создавалось впечатление, что эта краска просто намертво въелась в корни.

Никогда раньше я еще не ненавидела так качественную стойкость цвета, как сейчас...

Их княжеское мерзейшество впечатлил яркостью моих волос и не сразу даже заметил возвышавшегося рядом выходца.

Зато когда заметил... Мне он просто очень многообещающе улыбнулся, пока его конь медленно вышагивал, поднося хозяина ближе к крыльцу, а увидев Наи, гад сбленулся и удивленно приоткрыл рот.

Всю нудную официальную часть приветствия он косился на такую тощую невидаль.

Светлейший князь Налор — ударение на первый слог, это очень важно, как утверждал Свер — сын покойного Велича, оказался человеком обаятельным, но все равно отчаянно неприятным.

А уж как он смотрел на Наи... Пару раз мне даже показалось, что этой ночью опасаться поползновений князя со всякими извращенными предложениями стоит совсем не мне.

Близкое знакомство состоялось на заднем дворике вожака, среди пушистых кустов давно отцветшей сирени и еще какого-то растения, отдаленно похожего на акацию. Белые цветки и не думали вянуть, несмотря на неподходящее для них время.

Дворик был скромных размеров и большую его часть занимал массивный дубовый стол с двумя такими же тяжеловесными лавками.

Раньше это место мне очень нравилось. Я любила пробираться сюда с чашкой чая и наслаждаться прохладной тишиной летнего вечера.

И теперь было просто невыносимо смотреть, как этот самодовольный хмырь княжеского происхождения садится за накрытый стол, как с видом хозяина осматривает сочную зелень, почти полностью скрывшую от глаз высокий, добротный забор.

Большой двор, раскинувшийся перед входной дверью, в отличие от своего уютного маленького собрата, не был скрыт за высоким забором, обходясь маленькой, хрупкой на вид оградкой, являющейся защитой разве что только от любопытных куриц, бесстрашно

бродивших по улицам.

— Признаться, — Налор все никак не мог оторвать взгляда от Наи, — не ожидал, что мое желание уладить некоторые вопросы окажется таким удачным. Он действительно настоящий? Просто уму непостижимо.

— Полагаю, своим глазам ты веришь, — Свер не мог не заметить откровенный интерес князя, и, кажется, ему это не очень нравилось. Мне, признаться, тоже. А ну как он решит Наи с собой увезти? Есть ли у него на это власть? Отдаст ли Свер выходца? Почему у меня внутри все чешется от одного вида этого типа?

— В вашем мире нормально так смотреть? — хмуро спросил Наи, которого уже начало раздражать столь пристальное внимание.

— Вообще, нет, но, кажется, этот представитель человеческого племени просто не самый вежливый.

— О чем вы говорите? — Налор подался вперед, жадно глядя на меня. Поежившись, я малодушно пожелала, чтобы он вновь уделил свое внимание Наи.

— Его удивило ваше пристальное внимание, — враждебно сообщила я.

Князя мои слова не смутили. Снисходительная улыбка растянула его губы, на правой щеке появилась ямочка, и выглядел он просто зашкаливающе дружелюбным. Вот только взгляд так и остался холодным и цепким.

— Понимаю, — соврал он.

Нет, говорил-то вроде как искренне, но разглядывать Наи все равно не прекратил.

Даже когда начали спорить о способах мирного существования с хту-наа, смотрел в основном на Наи, хотя переводила все я, серьезно подзадолбавшись к концу разговора.

Налор пытался подобрать ключик к суровым хту-наанским сердцам, но каждое его предложение разбивалось о гранитные традиции суровой расы. Происходило то же самое, что и несколько недель назад, во время первого серьезного разговора нашего вожака с пленным выходцем.

«К сожалению, хту-наа захотят забрать себе все земли», — расстроил Свера в прошлый раз Наи после недолгих размышлений.

В этот раз он не думал и обломал Налора сразу.

Волчий князь и просто князь пригорюнились.

Решить все миром не представлялось возможным, что Наи уже не раз говорил, но Свер все равно на что-то надеялся. И судя по кислому лицу Налора, тот тоже на что-то надеялся.

Как оказалось, надеялись они на странный, редкий и удивительно прочный металл, из которого ковалось оружие хту-наа.

Столько лет воевали с выходцами, а теперь захотели с ними торговать...

Этого я, пожалуй, совсем не понимала, но это было и не важно, моего мнение все равно никто не спрашивал.

Я была полезным дополнением к выходцу. Переводчиком на ножках, не более.

Улиский князь, как ближайший сосед и просто заинтересованное лицо, с достоинством выслушал заключение Наи, которое сулило мирную жизнь оборотням, но не дарило никаких плюшек.

— Проход надо подорвать, — послушно перевела я, уже раз в десятый за последние два часа, подливая себе в стакан воды. Я переводила князьям слова Наи и переводила ему их ответы. Я говорила, говорила, говорила и мечтала немножечко помолчать.

Наи упорно стоял на своем. Если алана хотят жить мирно, они должны уничтожить проход.

— Как? — наконец не выдержав, раздраженно спросил Налор. — Его столько раз пытались уничтожить, но проход каждый раз открывается, а после закрытия пещера становится такой же, как была всегда.

Свер молчал. Ему-то уже было известно, что выходец может сказать на этот счет.

— Его нужно взорвать с нашей стороны, — просто ответил Наи.

И наступила озадаченная тишина. Налор недоверчиво покосился на мрачного Свера, а Наи постарался объяснить:

— Тропа всегда сначала открывается с нашей стороны, в нашем мире о каждом открытии известно заранее. Она была создана у нас, и только у нас может быть уничтожена. Это основной закон магии.

Разразившийся вслед за этим спор я выдержала с героически непроницаемой миной и ни разу не дрогнувшим голосом. Хотя было просто невыносимое желание прекратить тут страдать, послать всех по извилистому и непроходимому маршруту и гордо удалиться. Но я сидела, терпела и послушно переводила все сомнения, опасения и даже раздраженное напоминание Налора не поленилась перевести.

— Никто из пытавшихся пройти по проходу не вернулся назад. Это путь в один конец.

— Если его придется взрывать, то уж точно в один, — хмуро поддакнула я.

Наи лишь равнодушно пожал плечами. Он высказался и добавить ему было нечего.

В доме было тихо. Впервые на моей памяти вечером никто не пришел к жожаку, чтобы посидеть на первом этаже в небольшом волчьем кругу.

Трактир пустовал, но мне было от этого не радостно. Лучше бы уж слушать громкие смех, гул разговоров и хлопанье закрываемой двери, чем знать что там, внизу, за дальним столом сидят два князя и о чем-то шептались.

И пока они там шептались, я, расположившись на крыльце, разглядывала зажигающиеся звезды. Идти внутрь не хотелось.

Тридцать минут умиротворенного одиночества нарушил вышедший подышать свежим воздухом Свер.

Я слышала, как открылась дверь, но даже не повернулась на звук. Шевелиться было лень.

Он постоял немного на пороге, оставаясь для меня темным силуэтом на залитых светом ступенях. Потом, придя к какому-то выводу, вышел на крыльцо. Дверь закрылась, и мир вновь погрузился в приятную, убаюкивающую темноту. Тихую и спокойную.

— Завтра полнолуние, — зачем-то сказал он, присаживаясь рядом.

— Круто.

Мы еще немного посидели в тишине, любясь полнобокой луной.

Я чувствовала теплое умиротворение, сидя здесь рядом со Свером, скрытая ночной темнотой. Мне было хорошо и спокойно, а вот жожек наш почему-то просто сидеть и наслаждаться покоем не мог.

Ему хотелось полежать, но вместо того, чтобы подняться к себе в комнату и лежать как нравится, он растянулся на крыльце, опустив свою тяжеленную голову мне на колени.

— И что это значит? — я невольно подняла руки, пока он так нагло устраивался поудобнее и теперь просто не знала куда их деть.

— Займи пока комнату Ашши, — велел он, не сочтя нужным объяснять свои действия.

— Зачем?

На моих коленях лежал волчара и вел себя восхитительно нагло.

Прошное полнолуние прошло для меня как-то проще. Тогда рядом была Ашша, которая (это я осознала, пожалуй, только сейчас) очень ненавязчиво ограничила мое общение с оборотнями накануне самой главной для них ночи.

А теперь я была одна и вообще не понимала, что мне делать завтра.

— Налор о тебе спрашивал. — сказал Свер, приоткрыв правый глаз — желтая радужка тускло светилась в темноте.

— Ну и что? Если уж на то пошло, то это Наи следует переселиться в другую комнату. Этот твой Улиский князь с него глаз не сводил весь день. Зачем он вообще приехал?

— Я же говорил тебе...

— Да-да, земельные вопросы решать. Но почему именно сейчас?

— Его привели сюда духи.

Проще говоря, этот мужик интуитивно знал, где творится самое интересно...

Прекрасно просто.

— Он мне не нравится, — призналась я. Не зная куда деть руки, я неловко скрестила их на груди.

Мое чистосердечное признание было встречено циничным фырканьем.

— Он и не должен тебе нравиться, — заметил Свер и на всякий случай повторил, сомневаясь в моей сознательности, — переночуй в комнате Ашши.

К Ашше я, разумеется, не пошла, решив, что запертой изнутри двери достаточно для того, чтобы спать спокойно.

И ошиблась.

Как же я ошиблась. Вся трагичность моего незавидного положения открылась мне только во втором часу ночи, когда я проснулась от странных звуков. Кто-то нагло, но неумело, пытался поддеть щеколду на двери тонкой спицей.

Налора, кажется, и правда впечатлили мои волосы. Настолько сильно впечатлили, что он хотел сообщить об этом прямо здесь и сейчас. А у меня как назло ничего тяжелого в комнате нет. Только мой характер, но он в данном случае за оружие не сойдет.

Конечно, я умела неплохо орать, но никак не могла определиться, стоит орать прямо сейчас, или подождать... авось пронесет.

Из глубины коридора послышался медленный скрип открываемой двери — петли неплохо было бы смазать, вяло подумала я — и фокусы со спицей мигом прекратились. Я услышала, как взломщик быстро припустился куда-то вправо, подальше от свидетелей.

Видимо, Свер ему очень настоятельно советовал меня не трогать, раз так себя ведет.

И меня это вполне устраивало, не устраивало только то, что через некоторое время князь мог вернуться.

Нет, орать я, конечно, не передумала, но было бы лучше обойтись без столь кардинальных мер. А потому, я решительно вышла в коридор, не поленившись перед этим с минуту простоять у двери, вслушиваясь в царящую за ней тишину.

Не услышав ничего подозрительного, я осторожно выскользнула в коридор, планируя прокрасться в комнату Ашши и ругая себя за глупость. Перебралась бы туда еще вечером, сейчас бы спала себе спокойно.

— Приятно видеть, что ты сама открыла дверь, — тихий голос сзади пробирал аж до самой печенки.

Вжав голову в плечи, я зажмурилась не решаясь обернуться и мечтая, чтобы мне это слышалось.

Неужели где-то рядом прятался?

Горячая ладонь неприятной тяжестью опустилась на плечо, погладила, скользнув вниз до локтя и поднявшись обратно.

Вторая рука проделала то же самое и меня медленно развернули, удерживая за плечи.

Налор улыбался, неестественно белые зубы почти светились в темноте, а зрачок тлел красноватым огоньком, напоминая активированные руны на ритуальном камне.

— А вы почему не спите? — не орала, будя весь дом я только потому, что понимала: первой за все хорошее получу я.

Свер велел ночевать в комнате Ашши, а я его не послушалась. И если он об этом узнает, то что-нибудь нехорошее со мной точно сотворит. А Берн добавит. И Ашша потом тоже, когда вернется.

Потому я молчала и очень надеялась, что этот тип не заставит меня рисковать своим спокойствием.

— Тебя ждал, — он нежно заправил мне за ухо выбившуюся из косы прядь, погладив по щеке, — Свер говорит, что ты нечисть.

— Она самая, — бодро подтвердила я, ожидая что услышав это он меня отпустит.

Не отпустил.

Приобнял, прижимая к себе и так заговорщицки прошептал:

— Была у меня как-то летавица, лучше всякой девки оказалась. Но тебе едва ли будет соперницей.

— Это еще почему?

— Не зря же тебя Огневицей зовут, — хохотнул он.

— Не зря, — сдавленно подтвердила я, когда этот любитель пошалить склонился ко мне. Налор хотел целоваться.

А я хотела свободы и чтобы на меня не дышали чесноком.

Нос его неприятно хрустнул, когда я, со всей своей огненной страстью, вмазалась в него лбом.

Мне был больно, но Налору несравнимо больнее.

Он взвыл и оттолкнув меня, обеими ладонями зажал нос, по рукам его тут же потекла кровь. Она сочилась между пальцами и капала на пол, собираясь в небольшие лужицы. В темноте я видела плохо, но ночное зрение и не требовалось для того, чтобы понять, как сильно разозлится Свер, когда узнает, что я сделала.

Лучше бы заорала, честное слово.

— Ах ты дрянь. — прорычал князь, бросившись вперед и протягивая ко мне свои мокрые, грязные, окровавленные руки.

Дальше я уже не отвечала за свои действия. Налор получил пинок по голени и был уронен на пол, прямо в весьма условную лужицу своей крови, а я бросилась к жожаку, просить защиты и пусть потом делает со мной что хочет, лишь бы от этого окровавленного затейника оградила.

Свер никогда не запирался, полагаясь на звериную чуткость своей волчьей природы.

Этот раз исключением не стал. Дверь распахнулась от моего толчка, а Свер уже сидел на кровати, услышав мой топот еще в коридоре.

— Я требую политического убежища! — рявкнула нервно, подпирая спиной дверь.

— Что ты натворила? — с тоскливым смирением спросил он.

— Ничего! Я вообще жертва!

Из коридора раздались громкие, полные ярости ругательства.

— Уверена? — не без иронии поинтересовался Свер, поднимаясь с кровати. — По-моему, жертва сейчас находится как раз за дверью.

Налор орал, когда ему вправляли нос. Орал, когда я отказалась извиняться. И особенно громко орал, когда я заявила, что вот этот вот страшнющий синяк на оба глаза, что так быстро набирал цвет на холеной княжеской роже, и красный помятый нос — это не моя вина и вообще:

— Да я его и пальцем не тронула!

Налор требовал, чтобы меня наказали. Сначала он требовал это, забавно гнусава, а после того, как Свер вправил ему нос, начал тоненько охать.

— И как ты хочешь, чтобы я ее наказал? — пол в комнате вожака был безнадежно забрызган кровью. — А главное, как я это объясню?

— Она напала на меня! — булькнул светлый князь, прижимая к носу быстро темнеющую ткань. Чистый, некогда белый, платок Свера быстро терял товарный вид.

Налор сидел на стуле, чем-то очень довольный волчара подпирал стену в паре шагов от топтавшейся в дверях меня.

— В ее комнате? — ехидно спросил он.

— В коридоре, — нехорошо шурясь, торжествующе прогремел пострадавший, прекрасно понимавший, что вожак на его сторону не встанет.

И я за это была очень благодарна Сверу, а вот охочего до женских прелестей извращенца бы еще разочек приласкала по морде. Потому что после его слов вожак как-то сразу помрачнел, подобрался и очень недобро посмотрел на меня.

— Яра, сходи в холодную, набери льда, — велел он, и я сочла за лучшее броситься выполнять приказ. Сбежала, проще говоря, от ответственности, но все равно прекрасно понимая, что серьезного разговора со Свером не избежать.

Мне светили большие неприятности, и я была к ним совершенно не готова.

Как выяснилось на завтра: мне светил домашний арест и долгая, нудная лекция от Берна, который вдумчиво и обстоятельно объяснял мне почему вожака нужно слушаться и не бродить по ночам в поисках приключений.

Налор уехал утром, злой и побитый, но не выдвинувший против меня ни одного обвинения...а Свер насильно переселил меня ближе к себе. В маленькую, совсем не уютную из-за живущего за стенкой волка, печальную комнатку. Даже окна ее выходили не на буйную зелень непролазных кустов, а на задний дворик, где, конечно, тоже было красиво, но не так.

Вернувшись Ашша, как только узнала о маленьком ночном инциденте, начала кричать. Ее почему-то больше всего возмутило даже не то, что я избил чужого князя, а моя беспечная прогулка по коридору.

— Он же мог тебе просто приказать идти за собой! — громкая и очень эмоциональная, она металась по комнате, не зная куда себя деть. — И ты бы пошла! И сделала бы все, что он велел!

— С чего бы это?

— У него в предках был...

— Ведун, — нетерпеливо закончила я за нее, — в курсе. Но все равно не понимаю, почему я бы за ним пошла?

— Говорят, у него дар есть, он может любого своей воле подчинить.

Я вспомнила тлеющие угольки его зрачков и нагло спросила:

— Это что же, по-твоему выходит, он приказал мне вмазаться лбом в свой нос?

— А с тобой вообще ничего не понятно, — отмахнулась она, упав на постель рядом со мной. Кровать протяжно простонала, недовольная таким к себе отношением. Я бы не удивилась, развалилась она прямо сейчас, под нами. Новая комната вместе со всей своей мебелью меня очень угнетала.

— Ну и почему же люди с ним что-нибудь не сделают? Раз он на такое способен?

— С князем? — едко уточнила Ашша. — Кто его в открытую решится обвинять? Доказательств нет. А любой, у кого во врагах Налор появится, долго после этого не проживет...

Я пристыженно вздохнула.

— Но я рада, — обняв меня, в порыве неконтролируемой и сокрушительной нежности — казалось, я даже слышала треск своих ребер — она едва ощутимо потерлась носом о мою щеку, обдавая кожу горячим дыханием, — что с тобой ничего не случилось.

— А уж я-то как рада, — проворчала я, давно уже смирившаяся с этими ее звериными повадками.

Глава 9

Осень в этих краях была какой-то нарочитой. Слишком красные листья – очень яркие, огненные. Или, напротив, сияюще-золотые, теплые. И трава сохла уж очень быстро, и посевы деревенские собирали весело, но спешно, пропадая в полях с утра и до позднего вечера.

Я как-то попыталась поддерживая их темп проработать весь день, а следующим утром не смогла встать с кровати.

Не подготовленная к таким нагрузкам, я потом еще некоторое время ходила по стеночке и только вяло огрызалась на все насмешки невыносимой змеевицы. Она была сильной, выносливой, в принципе не знакомой с таким понятием, как боль в мышцах.

— Яра, — легко глядя меня по голове, она с беспечной улыбкой любовалась закатом. А ведь так и не скажешь, что в поле весь день трудилась, — с первым снегом Сверх отправится подать собирать, поедешь с ним?

— Зачем? — растянувшись на траве, под золотистой кроной дерева, я почти дремала.

После того, как боль в теле стала терпимой, я упрямо вернулась на поля, игнорируя неодобрение вожака. Держаться наравне со всеми больше не пыталась, но все равно хотела помогать.

Сидеть в деревне вместе со стариками и детьми было невыносимо скучно и... неловко, что ли.

— Представь, что станет с Дубрами, когда они узнают, что у князя Огневица есть. Они же Смагу поклоняются, а Огневицы — дочери его.

Я поежилась и села:

— Не хочется что-то мне это представлять.

— Зря, — вздохнула Ашша, — если бы могла, сама бы с удовольствием поехала.

— А кто тебе запрещает?

— Великий Полоз.

— Кто?

Ашша вытащила из-за пазухи свой оберег. Его я уже не раз видела - вырезанная из дерева свернутая клубком змея с короной на голове.

— Великий Полоз, — гордо сказала она, нежно поглаживая глубокие бороздки на дереве, — хранитель нашего рода. По зиме мы должны дома сидеть, странствия в снегах не наш удел.

— И... ты разговариваешь с деревяшкой? — я пыталась быть как можно деликатнее, но все равно получилось как-то нетактично.

— Великий Полоз не деревяшка, — возмутилась Ашша, — во времена молодости моей прабабушки его капище стояло у реки.

— Подожди-ка, а Белая Волчица?

— Хранитель оборотней. Нашу деревню защищает хранитель вожака. Получая силу от жертвоприношений, хранитель становится богом. Волчица стала нашей богиней еще при деде Сверха. Она очень сильная.

— Вот так дела, — я была не удивлена, скорее шокирована. Сколько живу здесь, а еще столького не знаю.

— Ну так что, поедешь со Сверхом подать собирать?

— Поеду... наверное.

Ашшу мой ответ очень обрадовал, обняв за плечи, она радостно зашептала мне на ухо список того, что и в какой деревне я должна буду для нее купить.

— Запиши лучше, — грустно попросила ее, понимая, что все уж точно не запомню... Что там было в начале? Отрез ткани в Звятичах? Или оттуда ей нужны бусы?

— Как скажешь, — легко согласилась Ашша, прижавшись щекой к моему виску и в блаженной расслабленности любуясь закатом. Минут пять я ей не мешала, но потом любопытство, все же, взяло свое:

— Ашша, — позвала я осторожно.

— Ммм?

— А поля... зачем вы их засеиваете, если Свер в конце осени все равно подать собирает?

— Зерно лишним не бывает, — зевнула она, — это у нас традиция после голодного года. На самом деле голодных было целых два года подряд, и выжить на то, что удалось собрать, получилось с трудом. К счастью в те времена выходцы подходили к нашим стенам не чаще раза в полгода, иначе едва ли пограничье выстояло бы. Тогда вожаком был Рвех. Мудрый был лис, сообразительный, он и решил возделывать поля... с тех пор и пошло.

Отпустила меня Ашша всего на секундочку, только для того, чтобы подняться на ноги, утягивая за собой вверх, а потом и в сторону деревни.

— Пошли, послезавтра Праздник Урожая, нужно решить, в чем ты на него отправишься.

Окончание сбора урожая и правда заканчивалось большим праздником, что было и неудивительно — оборотни любили праздники.

Вот только в их понимании праздник без подношений Волчице — не праздник, а я уже как-то присутствовала при их ритуале и больше мне не хотелось.

Ашшу мои желания, конечно, не сильно волновали, а потому на Праздник Урожая я не только была обряжена в платье из красного, старательно прокрашенного льна (разумеется, не украшенного вышивкой), но и имела сомнительную честь красоваться в венке из кленовых листьев, темный багрянец которых был слегка разбавлен золотыми березовыми листочками и яркими гроздьями рябины.

Венок был красивым и удивительно хорошо смотрелся на распущенных волосах, да и платье на удивление ладно сидело на фигуре. Отражение в зеркале мне очень нравилось, не нравилось только то, что я, вся такая красивая, должна была стоять рядом со Свером во время проведения ритуала.

Красное платье, красные волосы и венок... тоже красный, и на фоне совершенно белого Свера, на рубахе которого даже осторожный рисунок был вышит серой нитью и не бросался в глаза, я очень сильно выделялась.

Радовало только то, что в быстро сгущающихся сумерках мы со Свером рисковали поменяться местами. Это он скоро будет светиться в темноте, а я, быть может, и затеряюсь.

— Тебе очень идет, — шепнула растроганная Ашша, отдавая меня в руки своего вожака.

Торжественное шествие к капищу, во время которого я топала за левым плечом Свера, рядом с Берном, угнетало. Утешало лишь то, что к котлу, еще днем установленному перед идолом Белой Волчицы и обведенному высыпанным по кругу зерном, Свер пошел один. Оставив меня вместе со всеми у входа под охраной недружелюбных, деревянных стражей.

Костры, расставленные на своих законных местах в паре метров от черты капища, ярко горели, освещая Волчицу и много чего еще.

Народ медленно растянулся по кругу, привычно занимая свои места.

Знаем, видели, проходили. Я осталась стоять около левого, скалящегося в небо стража, рядом с Берном и Ашшей, незаметно вынырнувшей рядом со мной из темноты.

Ободряюще сжав мои пальцы, она улыбнулась, и кивнула на Свера, который дошел до зерна и встал на колено перед котлом.

На этот раз никто не мычал, не бил себя в грудь и не проверял на прочность мои нервы своим неадекватно-вдохновенным видом.

Все стояли, в почтительном молчании лоя едва различимое, хриплое бормотание вожака.

Бормотал он недолго, я не успела даже толком замерзнуть и пожалеть, что не возмугилась, когда Свер велел мне идти босиком.

Он поднялся с колена, и стоило ему только выпрямиться, как вспыхнуло зерно, словно облитое бензином оно ярко разгорелось, вытягивая пламя высоко к небу.

Тихо ахнув, я отшатнулась назад, налетела на Берна, незаметно оказавшегося позади меня, и была возвращена на свое место.

Свер отступил, не поворачиваясь к Волчице спиной. Так и пятился, пока не вышел за черту капища. В абсолютной тишине, в которой не слышно было даже дыхания, мы любовались костерком.

Огонь медленно затухал, не прошло и пяти минут, как яркие языки пламени сменились белым, прозрачным дымом.

Я искренне надеялась, что это все, но моим надеждам, как это всегда бывает, не суждено было оправдаться.

Стоило потухнуть костру, как над котлом, невозможный и невероятный, вспыхнул синий огонь. В котле была вода, я это знала, сама видела, как оборотни таскали ведра к капищу, выливая студеною колодезную воду в черное нутро огромного котла. Вода из крана, текущая по медным трубам, проложенным не так уж глубоко под землей, для ритуала не подходила.

И теперь эта вода горела, бросая жутковатые блики на возвышавшуюся над всеми нами богиню.

— Принеси мне воды, — вдруг потребовал от меня вожак, нарушая благоговейную тишину.

— А потерпеть ты не можешь? — огонь в котле горел ровным синим пламенем. Удивительное просто зрелище, а главное — ничего страшного не происходило. Никаких кровавых жертвоприношений...это воодушевляло. — Тут сейчас же самое интересное должно начаться, не пойду я в дом за водой.

Свер с загадочной улыбкой указал на котел:

— Той воды.

Очень медленно и выразительно я перевела взгляд на вожака, потом снова на воду, которая все так же продолжала гореть.

— И зачем тебе та вода? — спросила, стараясь скрыть растерянность, но быстро поняла, что не это сейчас самое главное. Потому что, за водой-то меня все равно пошлют, даже если он на нее просто вблизи решил полюбоваться, но угольный круг, оставшийся от сгоревшего зерна, проходить не желает. — И в чем я ее тебе должна принести?

— В ладонях.

И вот вроде он не улыбался больше и выглядел предельно серьезным, но у меня все равно такое чувство было, словно надо мной издеваются.

— Чего?

— Огонь тебя не обожжет, — пообещал Свер.

— Это потому что я Огневица?

Мой сарказм был встречен терпеливой улыбкой:

— Потому что ты часть стаи.

— Но...

— Воду несси! — прошипела Ашша, выталкивая меня вперед.

Все как по команде уставились на психованную Огневицу, выскочившую из толпы – зрачки их в свете костров страшно бликовали.

И под этими взглядами я уже не смогла возмутиться, нашипеть на Ашшу в ответ и вернуться на свое место.

Отерев ладони о платье, я сделала первый, самый сложный шаг, старательно смотря исключительно на котел и не поднимая глаз на волчицу, возвышающуюся надо мной.

Семь шагов вожака растянулись для меня на целых двенадцать. Я медлила как могла. Очень напрягал тот факт, что никто меня не торопил, все просто стояли и смотрели своими страшными глазами.

Как бы я не оттягивала неминуемое, котел оказался прямо передо мной. Наверное, стоило заподозрить неладное, когда я заметила, что жители одеты преимущественно в белое, а венки, что красовались на головах у некоторых девушек, были исключительно золотыми, ни одного красного листика, ни единой рябиновой грозди.

От огня не шло тепла, я не чувствовала его, даже когда протянула руки, почти касаясь синих язычков пламени, но это еще ничего не значило.

Опыт всех предыдущих поколений моих предков утверждал, что огонь жжется.

А ведь Наи сейчас спокойно в своей комнате сидит, скучает наверное немного. Обычно вечера мы посвящали групповому чтению. В том смысле, что я читала, а Наи и прибывшая к нашему литературному клубу Ашша слушали.

А сегодня вот, я должна была руки в огонь совать. Дурацкие у оборотней все же праздники...

Показалось или нет, но сзади раздался недовольный глухой рык. Свер меня поторапливал.

Закусив губу, я отчаянно пыталась совершить акт членовредительства, но руки упорно не хотели соваться в огонь. Мне казалось, что все смотрят на меня с осуждением, особенно Волчица, которую я уже как-то оскорбила, отказавшись посмотреть, как ей в дар режут бычка.

Рык повторился.

Зажмурившись и задержав дыхание, я сунула руки в огонь, готовая в любое мгновение заорать. Ладони с брызгами вошли в воду, я сдавленно пискнула, лишь чудом подавив позорный, почти вырвавшийся из груди визг.

Вода была ледяной, и в первое мгновение показалось, что я действительно руки в огонь сунула.

Набрав полную пригоршню странной жидкости, я медленно отступила от котла, так же, как и Свер спиной вперед, но в отличие от него, развернулась уже на третьем шаге, ступая медленно и осторожно, стараясь не расплескать воду, серебристую какую-то непривычно густую, неохотно просачивающуюся между пальцами.

Чужих взглядов я уже не чувствовала, как и не ощущала странного, давящего

напряжения, разлившегося над капищем в тот момент, когда я набрала воды.

Полностью сосредоточенная на том, чтобы не пролить даже капли, я шла прямо на вожака.

Никто не предупреждал, что мне придется делать, не озаботился просто объяснить, что случится, я не имела никакого понятия, как стоит себя вести, и все ли я делаю правильно, но, если судить по тому, что никто еще не хлопнулся в обморок от моего вопиющего пренебрежения традициями, все было в порядке.

До Свера я добралась без потерь, не пролив даже капли на землю и только встав перед ним с дрожащими от напряжения руками, осмелилась поднять глаза.

Вожак улыбался той редкой, доброй улыбкой, которую сложно было заметить на его лице.

Аж от сердца отлегло, стоило только увидеть эту улыбку. Я справилась, я молодец, теперь можно будет с полным правом устраивать разборки и требовать объяснений. В конце концов, должна же я знать, почему меня никто ни о чем не предупредил.

— Сделай глоток, — серьезно потребовал он, прекратив улыбаться.

Пальцы дрогнули, но на землю не пролилось ни капли, а Свер, спокойно встретивший мой ошалелый взгляд, с нажимом повторил:

— Глоток, Яра.

Кошмар не кончился, рано я расслабилась. Пить воду, которая только что горела, мне совсем не хотелось - мало ли какая гадость в ней есть, раз она горит...

Вожака мои сомнения не волновали, он хотел, чтобы я выпила эту подозрительную жидкость, и мне предстояло это сделать.

Один маленький глоточек, от которого свело зубы, а язык онемел как от очень качественной анестезии, и вот, Свер снова улыбается.

Подхватив мои руки своими, согревая замерзшую, кожу горячими ладонями, он потянул импровизированный ковшик чуть вверх, собираясь проделать то же самое, что сделала только что я.

Выпить огненной водички...

Затаив дыхание, я ждала, что будет дальше, язык неохотно оттаивал.

Свер выпил все до капли и даже не поморщился, напоследок коснувшись губами моих ладоней. Сначала правой, потом левой.

— Молодец, — шепнул он, опустив, но не отпустив мои руки, и уже громко, чтобы слышали все, сообщил, — зима будет теплой.

Мне бы очень хотелось знать, как он это определил, если вода была ледяной, а руки у меня до сих пор не согрелись, хотя ладони у нашего вожака были горячие.

Как выяснилось позже, все дело было не в температуре воды, а в том что я донесла ее до Свера, не расплескать ничего по пути.

Литературные вечера в нашем исполнении походили на дошкольные уроки чтения.

Сначала я читала на незнакомом Ашше языке хту-наа, выделяя особенно интересные моменты, которые уже в самом конце перечитывала на языке алара, а Наи пытался понять, что именно я читаю, а потом даже пробовал прочитать пару предложений.

Ашша была в восторге, ей все очень нравилось, она даже внимания не обращала на то, что совсем не понимает, какую книгу мы мучаем.

Ей с лихвой хватало любования сосредоточенной и уже не такой тощей мордашкой Наи, когда тот старательно вслушивался в мои слова.

Ему это помогало, он споро учил совершенно незнакомый ему язык, и уже достаточно сносно мог выговорить простые предложения.

Наи был сообразительным малым и, вероятно, дело шло бы быстрее, если бы он не пытался всячески откосить от последней и самой для него неприятной части вечера.

Слушать о приключениях выдуманных героев ему нравилось, а вот самостоятельно читать про них – не очень. Потому каждый вечер он старался отсрочить неизбежное.

Так же было и в ночь последнего осеннего полнолуния, когда мы особенно сильно засиделись.

Ашша ушла в одиннадцатом часу, ей всегда было тяжело бодрствовать при полной луне, оборотни уже должны были отправиться на свою ночную охоту, а мы все еще сидели в моей комнате над книгой.

Протяжный, низкий вой отвлек Наи. Он насторожился, уставился на закрытое, по случаю довольно холодной ночи, окно. Глаза его азартно загорелись.

— Яра, у них же охота!

— Каждое полнолуние, — подтвердила я, собираясь уже вернуться к прерванному чтению, но куда там...

— Давай тоже поохотимся.

— Эээ, Наи, видишь ли в чем дело, они охотятся в страшных лесах... В смысле в тех лесах, которые находятся за стеной, где еще можно встретить кого-нибудь из твоих подчиненных чудищ. Не поверишь, но ни с одной такой охоты они еще ни разу не притащили хотя бы тушку зайца. Я бы сказала, что это и не охота в том смысле слова, которое вкладывают в него нормальные люди.

— Это неважно. — Угнетая мою ленивую натуру своим энтузиазмом, Наи подался вперед. — Пойдем!

— Я, знаешь ли, немного не в форме...

— Я смогу тебя защитить!

Меня в этом мире совершенно точно никто не любил и не жалел, потому что если бы жалели, то не заставляли бы делать то, что мне совсем не хочется.

Тащиться ночью в страшный лес, например.

Этой ночью дозорными у ворот стояли два человека. Мужчины средних лет, вполне внушительной комплекции.

Завидев меня, в компании выходца, они удивились, но покорно выпустили нас в лес, пожелав напоследок хорошей охоты.

Хорошей охоты.

Мне!

Можно подумать, я была так похожа на великого охотника, кутаясь в вязаную кофту и периодически постукивая зубами, при особенно сильных порывах ветра.

Из оружия у меня был только ножик за поясом, да кровожадный выходец за спиной. Наи оказался настолько сумасшедшим, что в лес пошел с голыми руками. Глефу ему так и не вернули, а любое другое оружие он не признавал.

— И что мы будем здесь делать? — мой скептицизм был встречен открытой улыбкой.

— Охотиться.

Разумеется, а как же иначе? О чем я вообще?

Наи это нравилось, он был в восторге от тревожащих шорохов и непроглядной темноты, в которой вполне могло что-то затаиться.

Вернее, темнота была непроглядной лишь для меня, Наи-то, конечно, что-то в ней видел. Светящиеся белым зрочки, по крайней мере, говорили именно об этом.

Выглядело жутко, но меня почему-то успокаивало.

— Зачем я вообще с тобой пошла? — ворчала я ему на ухо, когда после десяти минут очень громких, благодаря не особо тихой мне, блужданий по лесу, Наи подставил мне свою спину.

Сначала я боялась, что под моим весом его просто переломит, но быстро оценила удобство и комфорт такого передвижения.

Мы неслись по лесу неслышно, как тени, а я больше не боялась позорно зацепиться за какую-нибудь корягу или корень.

— Потому что тебе тоже хотелось почувствовать это.

— Что?

— Свободу.

Наи улыбался, совершенно точно улыбался, легко скользя между деревьями. Одетый в обычную рубашу, темно-синего, будто припыленного цвета и в черные штаны, он все равно выделялся в темноте излишней белизной кожи и почти светящимися длинными косичками, перекинутыми на грудь.

Спрятанные в них шипы в расслабленном состоянии были мягкими, эластичными, но стоило выходцу разозлиться, как они твердели и забавно топорщились. Эта особенность хту-наа приводила меня в неописуемый восторг. Злой Наи очень походил на дикобраза, и это было просто запредельно мило.

Мы бежали по лесу минут двадцать, пока не наткнулись на нечисть.

Наи наслаждался ночной пробежкой, казалось, совсем не обращая внимания на довольно тяжелый довесок в моем лице. Как он утверждал, этот мир был очень легким, здесь ему было даже дышать легко.

— Здесь мы сильнее, чем дома, — как-то сказал он мне.

Я тогда не то, чтобы удивилась, скорее просто впала в ступор, так как даже не задумывалась о такой простой, в сущности детали, как гравитация. Насколько сильно мне повезло, что я вляпалась в этот мир, а не, скажем, в какую-нибудь альфа-центавру, где земное притяжение раз в десять сильнее, чем на родной планете? Странно было понимать, что вот так вот случайно провалившись из одного мира в другой, я могла стать лепешкой, так и не поняв, что произошло.

Высокая, но тощая до полупрозрачности, нам навстречу из-за пушистой ели выскочила совершенно голая девица. Полное отсутствие груди, никаких округлостей, просто кости, обтянутые кожей, если бы не ее нагота, то я ни за что не подумала бы, что это девушка. Даже длинные распущенные и растрепанные светлые волосы, не смогли бы меня в этом убедить.

— Наи. — тихо позвала я, во все глаза таращась на неожиданную преграду, — что делать будем?

Девушка протянула к нам руки:

— Иди ко мне.

Вот уж в чем я точно была уверена, так это в том, что идти к ней нам как раз-таки не стоит. Ашша много ужасов мне про эти леса рассказывала, в том числе и про нечисть, выпивающую человеческое тепло до последней капли. Про эту невидаль она говорила или про другую, я не знала, но прекрасно понимала, что эта скромница тоже из нас с

удовольствием что-нибудь выпьет. Кровь, тепло, жизненную силу – не важно. Главное, что из ее объятий мы уже едва ли выберемся.

— Иди ко мне, — нежно повторила она. Красивый, мягкий, напевный голос, очень... очаровывающий.

Наи дернулся, принялся, отступив на шаг.

Наверное, она должна была быть очень красивой, эта нечисть, но долгие дни, если не годы, без еды, сделали свое дело, она не поражала воображение неземной красотой, вот только голос ее был все так же сладок и манящ.

— Приди, — не унималась эта чертовщина.

Наи пошатнулся и опустил руки, прекратив меня поддерживать. Я цепляться за него тоже не стала, и легко соскользнула на землю.

Нечисть сделала шаг к нам, бликуя нечеловеческими глазами, и выходец послушно качнулся к ней, сделав за раз три шага.

Мягкий, мерный свет камушка в защитном кольце я заметила слишком поздно.

— Наи!

Он бросился к ней не раздумывая, не сопротивляясь, даже не пытаясь хотя бы не торопиться. Рухнул в открытые объятия, отчего хрупкая на первый взгляд девушка, даже не пошатнулась, и затих крепко обхватив ее руками.

— Поцелуй, — очередная, мягкая просьба, которой невозможно сопротивляться, и Наи покорно склонился к ее губам. Разница в росте у них была не так уж велика.

Долговязый выходец возвышался над нечистью едва ли больше, чем на полголовы.

Поцелуй был неизбежен, и, возможно, не будь на мне колечка, я бы тут не в шоке стояла, а в томном ожидании своей очереди, нетерпеливо желая поделиться жизнью с этой тощей, страшной, смертельно опасной дрянью.

Но колечко было на мне, а Наи считался моим другом, хотя едва ли он смог бы в полной мере осознать значение этого слова, и я не собиралась отдавать его на съедение этой страхолюдине.

С подручными средствами для подлых ударов мне в этом мире везло. Изогнутую и сучковатую, но все равно очень крепкую ветку, я подхватила с земли не задумываясь, просто увидела в рассеянном свете луны и решила, что это именно то оружие, что надо.

Первым по спине получил Наи. Я надеялась напугать его, застать врасплох, заставить отвлечься, но не добилась ничего. Он даже не вздрогнул, жадно прикинув к бескровным белым губам.

Второй, более удачный удар обрушился на нечисть. Вот она-то как раз очень легко отвлеклась.

Оторвавшись от своей жертвы, обернулась ко мне, страшно вывернув шею и зашипела, скаля мелкие, острые зубы. Они совершенно точно были треугольными и их без всякого сомнения было больше, чем двадцать восемь, или даже тридцать два.

— Руки от него убери, гадина зубастая! — бесстрашно рявкнула я, занося палку для очередного удара.

Вот только второго удара не было, нечисть оказалась несправедливо сильной.

Перехватив палку, она просто вырвала ее из моих рук, отшвырнув в сторону. Верное оружие, так удачно отвлекшее ее от выходца, с сухим стуком врезалась в ствол ближайшей сосны.

— Ой-ей, — спрятав руки за спину, я отступила на шаг назад, чувствуя, как ужин в животе превращается в тяжелый камень от ее холодного взгляда. А может быть, это

просто был страх.

Героическое спасение Наи почти провалилось.

Отвлечешься-то эта жуть отвлеклась, но жертву из рук не выпустила, а тот и рад был стоять в ее объятиях, пустым взглядом уставившись прямо перед собой.

— Может, поговорим? — с робкой надеждой предложила я, но меня не услышали.

Оттолкнув Наи в сторону — выходец просто безвольно свалился на усыпанный еловыми иголками мох — нечисть развернулась всем телом в мою сторону.

— Иди ко мне, — велела она, разведя руки в стороны. Бросайся, так сказать, душечка, в мои объятия.

— Спасибо, но я, пожалуй, откажусь.

Такого возмутительного неуважения нечисть просто не смогла стерпеть.

Ощерившись, она бросилась ко мне, и тут же была облагодетельствована звонким шлепком по лбу.

Я просто испугалась, а когда я пугаюсь, то становлюсь неадекватной и следовательно очень опасной для окружающих. Ведьма с топором в голове могла бы это подтвердить.

Очень забавно сведя глаза к переносице, нечисть мотнула головой, последовательно вернув сначала левый, а потом и правый, глаза в нормальное состояние.

О Наи она уже совершенно точно забыла. И это немудрено, я определенно, совершенно точно, вне всяких сомнений, была более интересной личностью, чем так легко поддающийся чарам хту-наа.

Вот и чего, спрашивается, оборотни так выходцев опасаются?

Отловили бы в лесу парочку таких прелестниц, да привязали к деревьям у прохода. И нечисти еда, и выходцы никого уже не беспокоили бы.

Она бросилась на меня с утробным рычанием, желая уже не выпить, а просто загрызть.

Азартно повизгивая я бросилась бежать, нещадно петляя.

Визжала я громко, долго, самоотверженно, не заботясь о сбившемся дыхании и возможности привлечь какой-нибудь кошмар, который мог притаиться за каждым деревом.

Мне напротив, очень было нужно, чтобы на мой визг выскочил еще какой-нибудь монстр, и они с этой страшной красотой, обладательницей незабываемой улыбки, порвали бы друг друга в клочья за право сожрать мои сладкие косточки.

Молитвы мои были услышаны — не иначе, как Волчица и правда присматривала за своими детьми — нам наперерез, бесшумный и страшный, выскочил огромный, белый волк.

Я где-то слышала, очень-очень давно, что белые волки встречаются редко, что они многим больше, сильнее и яростнее своих серых собратьев, что в славянской мифологии их еще звали Князьями Волков.

Так вот, это действительно был князь. Это был наш сильный, страшный, но справедливый, Северин, или Сверин, или черт знает, как его еще там зовут.

Это точно был он, потому что других белых волков поблизости просто не могло быть.

— Свер, — сдавленно кудахнула я, застыв на месте.

Волк оскалился и мотнул головой в сторону, требуя, чтобы я ушла с дороги.

Нечисть, застывшая прямо за мной, зашипела и предприняла попытку сбежать.

Сражаться с белым волком она не собиралась – здравомыслящая оказалась страшилась, прекрасно понимающая, что против Свера ей не выстоять.

Вот только сбежать князь ей не дал. Настиг всего в один прыжок, сбил с ног и вгрызся в основание шеи, дробя позвонки и разрывая мышцы.

Нечисть страшно взвизгнула, захрипела и быстро затихла.

Я топталась в стороне, сжав подол рубахи в сведенных судорогой пальцах, забыв поправить сползшую с левого плеча вязанную кофту, и не зная – стоит ли мне падать в обморок или бежать без оглядки. Что нужно делать в такой ситуации?

Волк тряхнул головой, повернулся ко мне, облизывая длинным языком вымазанную черной кровью морду. Оскалился и крадучись двинулся прямо на меня.

Больше книг на сайте -

— Свееер... — мелкими шажками отступая назад, я прекрасно осознавала, что расстояние между нами все равно быстро сокращается. Вот только страшно было бежать. Видела я, что бывает с теми, кто пытается от него спастись... вот прямо сейчас присутствовала при наглядной демонстрации..

Между нами оставалось еще шагов шесть, когда волк невысоко подпрыгнул и перекувыркнулся через голову.

В следующее мгновение передо мной уже стоял Свер, растирая ладонями лицо.

— Ох, черт, — пробормотала я, на мгновение прикрыв глаза ладонью. Романтичность просто зашкаливала. Я и голый мужик наедине, в страшном лесу во время полнолуния, что может быть лучше?

— Что ты здесь делаешь? — Свера вообще ни капли не смущал тот факт, что он тут голый. Ну да, лунный свет был слишком слабым, ну да, в темноте я не видела, но это же не значит, что можно вот так вот...

— Слушай, Свер, — я честно старалась смотреть исключительно ему на брови, но взгляд предательски попытался соскользнуть вниз, — а в этом лесу кто-нибудь одетый вообще есть?

— Есть, — кивнул он, и когда я уж было обрадовалась, добил, — ты. И я хочу знать, что ты здесь делаешь.

Говорил он, вроде, спокойно, но прорывающиеся в голосе рычащие нотки свидетельствовали о крайней степени озверения.

— Да мы тут с Наи тоже решили... по-поохотиться, — обмирая от страха пробормотала я.

— Выходец тоже здесь? — прогремел яростный рев злого хищника. — Где?!

— Да где-то там остался, — неуверенно махнув рукой в том направлении, откуда совсем недавно прибежала, я сочла нужным уточнить, — кажется, он себя не очень хорошо чувствовал. Его немножечко поели.

Свер обернулся на тело нечисти.

— Полунница, — раздраженно прорычал он, — почему из всех видов нечисти вы нарвались именно на ту, против которой беспомощен любой человек?

— Ну, что я могу сказать? Мы знатные оригиналы, — пожала плечами я, решив уже было, что буря миновала.

Ошиблась.

Больно схватив за плечо, Свер дернул меня, почти впечатав в свое тело. Голенькое, что б его, тело.

Это не страшный лес, это нудистский лес какой-то!

— Смешно тебе?

— Да уж какое тут смешно, — сдавленно прошептала я, стараясь дышать как можно меньше. От Свера просто одуряюще пахло псиной. Такой густой, тяжелый запах собачьей шерсти.

Наи, вывалившийся из кустов и чуть не наступив на руку Полуночницы, как ее назвал Свер, подоспел как раз вовремя.

— Яра, ты в порядке? — выглядел выходец неважно. Пришибленный какой-то, дезориентированный. Я бы даже сказала, беспомощный, не пояись он так бесшумно.

Наш озверевший вожак отпустил меня, переключив все свое внимание на Наи. Даже целых три шага к нему сделал.

Кажется, уже что-то сказать собирался, но его снесло быстрой, черной тенью.

Тень оказалась огромной чешуйчатой образиной, которая почти откусила голову быстро обрастающему мехом оборотню.

Я не успела даже взвизгнуть, как зубастая пасть с отвратительным треском порвалась. Чудище конвульсивно дернувшись, обмякло.

С земли, скаля белые жуткие клыки, поднялся уже не человек, но еще не волк. Промежуточная стадия превращения без штанов выглядела просто ужасно.

— Лишать эту форму хвоста просто преступление! — громко поделилась я своими мыслями с общественностью, любуясь мохнатым, печально бесхвостым копчиком нашего устрашающего вожака.

Так же медленно, как и поднимался, он обернулся ко мне, и я подавилась воздухом — широкой общественности не понравилось мое замечание.

— Прости, вырвалось. На самом деле тебе очень идет. И это хорошо, что ничего не болтается ни сзади, ни, тем более, спереди. Так значительно удобнее, — сдавленно пробормотала я. Свер оскалился, показывая, что все прекрасно понимает, — ох ты ж черт, заткните меня кто-нибудь...

— Убирайтесь, — прорычал он, многообещающе добавив, — завтра поговорим.

— Что? — неуверенно спросил Наи, заметив, как я погрузилась.

— Пойдем отсюда, нам здесь не рады.

— Куда?

— Обратно. В деревню.

Наи не возражал, он покорно подставил мне спину и легко припустился по темному лесу. Он казался растерянным, сбитым с толку, даже смущенным.

— Прости, — выдал из себя этот бледный страдалец, когда мы преодолели больше половины пути до деревни, — я не знал, что в вашем мире встречается что-то настолько страшное.

— Ну, эта дрянь, видимо, не может влиять на оборотней, так что не так уж она и опасна, — оптимистично заметила я, но Наи и не думал прекращать процесс самобичевания.

— Я рисковал твоей жизнью.

— Вообще-то, это тебя она собиралась сожрать. Ты только своей жизнью рисковал, — чуть соврала я.

— Яра...

Пару раз среди деревьев я замечала белый силуэт, неотрывно следующий за нами. Вожак, не скрывая своего присутствия, решил проводить нас до самых ворот.

— Наи, успокойся. Утром нам и так достанется, давай хоть сами себе не будем нервы трепать, хорошо? Свер с этим и без нашей помощи неплохо справится.

Я оказалась права. Никогда раньше я еще не была так права, как в этот раз.

Вот только сидя на стуле, в общем зале, где по вечерам отдыхали уставшие оборотни, а сейчас было тихо и печально, чинно сложив ручки на коленях и не поднимая головы, почти касаясь плечом сидевшего рядом Наи, я очень жалела что не ошиблась.

Свер ругался, пугал последствиями, которые мог повлечь за собой наш в высшей мере необдуманный поступок: все сводилось, почему-то, к моей бесславной гибели. О том, что отправиться в тур на тот свет с билетом в один конец мог еще и Наи, вожак даже не вспомнил. Хотя, если быть объективной, во всем виноват был как раз-таки Наи. Он меня в лес потащил, и он же чуть не помер в объятиях жуткой чаровницы. А я просто его спасла.

Ругать нужно было Наи, а мне выдать премию и отправить на заслуженный отдых.

Но нет, вместо заслуженной награды я получила незаслуженный наезд.

Выходец, конечно, сидел рядом и тоже вроде как получал на орехи, но из трех сказанных Свером слов он понимал от силы одно и не способен был пока проникнуться всем трагизмом ситуации.

По факту, ругали одну меня не обращая внимания на скромного виновника всех проблем, скромно сидевшего рядом и удачно притворявшегося предметом интерьера.

Свер даже смотрел во время своего прочувствованного монолога исключительно на меня.

Вот такая вот вопиющая несправедливость.

— Ты осознаешь, что там небезопасно? Даже днем немногие решатся выйти за стену в одиночку. Ночью же, тем более в полнолуние, всем кто не в состоянии за себя постоять, лучше сидеть дома. — злющий оборотень, недовольный тем, что я сижу потупившись и молчу, решил потребовать активности. — Ты хотя бы понимаешь, как близка была к тому, чтобы умереть?

— В тех краях, откуда я родом, — пробормотала, негромко не поднимая глаз, — от обнимашек никто не умирает, кто ж знал, что у вас тут все иначе?

— Думаешь, я шучу?

— Думаю, что я уже столько раз могла здесь умереть, что еще один раз ничего не меняет.

— Если бы я не услышал твой крик... — зло начал Свер, но я его перебила. И даже стыдно мне за это не было.

— У меня был ножик, и я бы все равно выжила, — я не врала. Непонятная уверенность в своей живучести была искренней и крепкой. Меня хотела съесть поляна, пыталась внушить что-то странное, но точно с жизнью несовместимое ведьма, я побывала в плену у настоящих выходцев... на фоне всего этого какая-то Полуночица казалась не такой уж и страшной, — но я тебе обещаю, что больше никогда так не сглуплю и Наи, в случае чего, мозги вправлю.

Мне не очень-то поверили, но прессовать больше не стали, ограничившись скромным, в общем-то, наказанием.

Нас посадили под домашний арест, без права на досрочное освобождение.

— У меня сейчас слишком много забот, чтобы присматривать еще и за вами, — непреклонно заявил Свер, в ответ на мое возмущение. — Так я хотя бы буду точно знать, где вы находитесь.

— Но я уже не ребенок, меня нельзя вот так просто сажать под замок!

— Тогда и веди себя как взрослая, — огрызнулся Свер.

Менять свое решение он, разумеется, не стал.

И если Наи вполне устраивала участь узника, то мне было скучно.

Ашша уделяла все свое свободное время Наи, Берн, так же, как и Свер, был очень занят приготовлениями к зиме и скорой поездке за податью. И даже Рала запропастилась куда-то вместе со своим котом. Все были при деле, и только я скучала, не зная, куда себя приткнуть.

Наверное только поэтому, исключительно из-за страшной скуки, одним мрачным осенним вечером, когда на улице было холодно и сыро после недавнего сильного дождя, разбавленного крупным градом, а на первом этаже было жарко и весело, я решилась спуститься в общий зал.

Очень уютное подобие трактира было забито до отказа. Свободных мест просто не нашлось.

На одном из столов, в кругу хлопающих и смеющихся, под музыку почти заглушенную веселыми выкриками, танцевали три девушки, выбивая пятками бодрый ритм.

— Яра! — Ашша, сидевшая почти у окна, энергично замахала руками, привлекая мое внимание. На то, что я ее услышу, змеевика почти не надеялась, однако же я услышала.

— Наконец-то ты спустилась, — радостно улыбалась она, сдвигаясь в сторону, чтобы освободить мне немного места.

С трудом протиснувшись между ней и каким-то высоким, но болезненно тощим парнем, который с опаской косился на мои волосы, я осторожно опустилась на лавку.

Передо мной на столе почти сразу появилась огромная деревянная кружка, до краев полная пенным, пахнущим хлебом напитком.

Я бы сказала, что это квас, если бы не щекотные, мелкие пузырьки, из которых, казалось, состоял весь напиток.

Выпив все до последней капли, я со стуком опустила пустую тару на стол.

— Ну как? — азартно осведомилась Ашша, подсовывая мне уже повторно наполненную кружку.

— Интересный вкус, — во всем теле ощущалась странная и такая приятная легкость.

Девушки продолжали танцевать, подпрыгивая, взмахивая руками, сияя улыбками на покрасневшихся лицах. Юбки взмывали в воздух, пятки ритмично стучали по дубовой столешнице, кто-то посвистывал в такт едва слышной музыке.

— Хорошо танцуют, да? — глаза у змеевика ярко горели, и это был плохой знак, но я была весела и беззаботна. Вторая кружка со странным напитком почти опустела, мне было не до беспокойства.

— Очень, — беспечно кивнула я.

— А хочешь станцевать?

— Я так не умею, — попыталась я отказаться, слишком поздно почувствовав неладное.

Ашше хотелось танцевать, но одной на стол лезть ей было никак нельзя, а вторую, такую же сумасшедшую душу она не смогла найти. Вернее, не могла найти, пока вниз не спустилась одна беспечная жертва.

— Это не сложно, — заверила она, порывисто поднимаясь. Как я не сопротивлялась, как не уговаривала образумиться, Ашша вытащила меня из-за стола и утянула к танцующим, крепко сжимая мое запястье сильными пальцами.

— Просто повторяй за мной, — это было последнее, что она мне сказала, пока мы еще

стояли на полу.

На то, как запыхавшиеся, покрасневшие девушки спускаются со стола, благодушно принимая помощь мужчин, я смотрела с ужасом.

Потому что прекрасно понимала, что сейчас на их место закинут меня.

И ведь закинули. Кто-то очень смелый, потому что нужно быть просто запредельно бесстрашным, чтобы прикоснуться к огневице, торжественно поднял меня на стол, вслед за Ашшей, нетерпеливо покусывавшей расползающиеся в улыбке губы.

Она была в платье, я была в штанах и уже одно это все портило. Не было у меня подола, который мог бы красиво взлетать вверх, обнажая ножки.

Поднос с двумя... я бы сказала чарками, поднесли нам почти сразу, я еще даже не успела толком осмотреться.

Ухватив за длинную ручку ту что ближе, Ашша осушила ее всего в несколько глотков.

— Давай, — велела она, глазами указывая на вторую, еще полную емкость.

Чарка была не то, чтобы большая, просто пила я долго, стараясь оттянуть неминуемое. Я не умела танцевать, да у меня коленки дрожали от одной мысли, что придется сейчас позориться перед таким количеством людей... и не людей.

Напиток, что мне так настоятельно советовали выпить перед танцем, был терпким, чем-то напоминал еловицу, только не жег горло. Ощущения, что я жидкий огонь глотаю, не появилось, но кровь все равно разогрелась.

К тому моменту, как чарка опустилась на поднос, я уже почти ничего не боялась. По венам текло что-то жаркое, полное сил, толкающее на безумие.

На меня смотрели, ждали чего-то, требовали даже...

Я решила их не разочаровывать.

— Сейчас как зажгу! — поймав кураж возвестила я, и очень удивилась, когда все шарахнулись в стороны. Подальше от стола.

Только увидев круглые глаза Ашши, я запоздало осознала, что Огневице лучше не разбрасываться такими заявлениями.

— Ладно, не буду зажигать.

В голове, да и во всем теле ощущалась просто сказочная легкость.

Зеленые глаза змеевицы горели азартом.

— Давай, — шепнула она.

Успокоенные моим обещанием, зрители вернулись на свои места. Кто-то робко захопал в ладоши, послышалась музыка.

Я отставала, каждое мое движение было отражением того, что проделывала Ашша, но с заминкой в несколько мгновений.

Ноги энергично отбивали бодрый ритм, руки взлетали и опали в такт дыханию. От звонких, усердных хлопков ныли ладони, дыхание сбилось, и я просто перестала обращать внимание – успеваю ли за Ашшей или отстаю.

Наверное, только тогда у меня и стало получаться, только тогда я стала танцевать по-настоящему.

Зеленые глаза искрились весельем, нежные чешуйки на покрасневших щеках едва заметно светились.

Воздуха не хватало, я и сама чувствовала, как горит лицо, как по шее, щечка кожу,

стекла капля пота.

Пятки втапывали в столешницу ритм все же подхваченный мною, а я лишь вскользь позавидовала Ашше, которая была в платье.

Ей хотя бы не так жарко, ветерок гуляет по ногам.

Мелодия ускорилаь.

Чей-то смех прорвался сквозь радостный гул.

Только спустя несколько секунд до меня дошло, что смеялась я сама.

Музыка оборвалась резко, неожиданно, в один момент, смех и подбадривающие крики тоже затихли.

В напряженной тишине раздалось лишь три сиротливых хлопка. Кто-то не успел вовремя осознать всю внезапную печальность.

У стола, сложив руки на груди, стоял Свер.

Для того, чтобы посмотреть мне в глаза, ему пришлось поднять голову.

Ашша за моей спиной тяжело дышала, и я вторила ее хриплому дыханию. Сердце билось где-то в горле, руки мелко дрожали, а ноги просто не могли устоять на месте, стремясь вновь пуститься в пляс.

Я чувствовала себя очень живой, заполненной под завязочку эмоциями. И как же мне нравилось смотреть на нашего устрашающего вожака вот так, сверху вниз.

— Подойди, — велел он глухо.

Я невежливо хихикнула. Один, короткий, искренний звук, а на меня посмотрели так, словно я только что вожака прилюдно последними словами обругала.

Ашша подтолкнула меня в спину, заставляя приблизиться к краю.

Мне все еще было слишком весело и совсем не страшно.

Не испугалась я даже когда Свер с мрачным, не предвещающим ничего хорошего, выражением лица, стащил меня со стола.

Едва ли я могла бы объяснить, зачем я сделала то, что сделала.

Как мне вообще такое в голову пришло?

Не знаю, но уж что я узнала наверняка, на собственном опыте, так это, что легкую бражку мешать с кислицей не стоит. Веселые пузырьки с основательностью ядерного градуса не сочетаются.

По-другому невозможно объяснить по какой причине я бесстрашно и бездумно, с шальной улыбкой, обхватила лицо Свера ладонями, прижавшись к его губам.

Получился очень страстный поцелуй. Почти настоящий.

Все ахнули, а я в шокированной тишине громко и просто убийственно отчетливо проговорила, опустив отяжелевшую голову на его напряженное плечо:

— Не злись, пушистик, мы же просто танцевали.

Кто-то не удержался и хихикнул, но тут же подавился своим весельем под тяжелым взглядом злющего вожака, которого прилюдно обслюнявила неадекватная нечисть.

В гробовой тишине, под сочувственными взглядами, меня уносили из зала.

По лестнице мы поднимались медленно и угрожающе, но я была пьяной и бесстрашной. И вместо того, чтобы бояться, сопела в теплую шею, вдыхая уютный запах леса.

— Иногда мне кажется, — заговорил Свер только когда мы вошли в мою комнату, — что тебя проще держать здесь связанной.

— Мы же просто танцевали, — вяло возмутилась я. Энергия вытекала из меня, как вода из треснувшей чашки. Медленно и лениво, но если быстро что-то не придумать, то скоро не останется ни капли.

В скором времени я должна была забыться крепким сном честно напившегося человека.

Я уже почти спала, когда меня опустили на кровать.

— Больше никаких танцев.

— Я что, так плохо танцевала?

Свер только сокрушенно головой покачал, собираясь уйти, оставив меня без ответа.

— Нет, ты скажи, неужели это было так плохо? — не унималась я.

Даже на локтях привстала, глядя в спину уходящему жожаку и имея смелость требовать ответа. Пока я еще была слишком пьяная, пока мне еще ни за что не было стыдно.

Свер ушел, аккуратно закрыв за собой дверь, оставив меня в печальных размышлениях и раздражающих сомнениях.

Ну не могла же я настолько ужасно танцевать, в самом деле. Или могла?

— Яра, ну хватит, а? Ну, Яра, — ныла Ашша, легко дергая одеяло, под которым я спряталась, — ну что ты?

— Отстань, мне плохо, — глухой, усталый голос был лучшим доказательством правдивости моих слов.

— Перепила вчера, понимаю, — сочувственно кивнула змеевица, которая с утра и сама выглядела не самым лучшим образом. Помятая и немного осоловелая, она пришла ко мне, желая проверить, не убил ли меня вчера жожак после того, что я утварила. Вчера ей идти на подвиги было страшно и неохота, а сегодня в самый раз.

Как заявила Ашша, хуже ей уже этим утром все равно не стало бы, даже обнаружь она мое остывшее тельце со свернутой шеей.

— Конечно, Свер никогда бы этого не сделал, — поспешно заверила она, встретившись взглядом с моими округлившимися от шока глазами, — наверное. Просто понимаешь, вот так вот на глазах у всех его еще никто не целовал, и уж точно пушистым не называл. Он мог и не выдержать.

Шокировав этим заявлением, змеевица фактически сама заставила меня спрятаться под одеялом, а теперь усиленно пыталась из-под него выковырять.

— Хочешь, я на кухню схожу, отвар тебе принесу? Он поможет, — щедро предложила она.

— Не нужен мне никакой отвар.

Поразительно, но плохо мне не было. Я ощущала себя отдохнувшей и бодрой и могла бы вполне спокойно спуститься вниз. Не отказалась бы даже покушать.

Вот только...

Там же был Свер. Пушистик, которого я вчера поцеловала на глазах у всех.

— Ммм, — зарывшись лицом в подушку, я сгорала со стыда, — никогда больше не буду пить.

— Ты прости, — провинилась Ашша, — бражку по вечерам все пьют, она расслабиться помогает. К тому же, в нее травки Йола добавляет особые, для восстановления сил. Вот только с кислицей их мешать не стоит.

Грустно вздохнув, она легла рядом со мной, опустив руку мне на плечо поверх одеяла. Ей тоже было очень плохо - бражку с кислицей мы же вместе мешали. Только если ее мучали вполне нормальные физические недомогания, то я терзалась морально.

Ашша задремала и мы около часа лежали в тишине.

Я постепенно успокаивалась, утешая себя тем, что ничего ужасного на самом деле не произошло. Ну поцеловала я его и поцеловала. Я была пьяная, мало что соображала, а вот Свер был трезвый, и это ему должно быть стыдно.

Он в принципе не пил, потому что вожак и ответственный. И это он должен переживать, что его вчера чмокнули на глазах у всех.

Придя к такому выводу, я даже успокоилась. В конце концов, раз Ашша меня не избегает, и Берн с утра пораньше не прибежал лекцию читать, значит, ничего недозволенного я не сделала.

Можно жить спокойно...

Спокойно жила я до вечера, ровно до того момента, как в густых сумерках на скованную хрупким льдом лужу, упала первая снежинка.

Мы с Наи дышали свежим воздухом, как все еще наказанные, не имея права уходить со двора.

— Моя первая зима в этом месте, — призналась я, кутаясь в плед. Теплый тулуп на меху - щедрый подарок мрачного и неразговорчивого вожака, лежал в комнате, пока я зябко ежилась на морозе, обряженная непонятно во что.

— Моя тоже, — выдохнул белое облачко пара Наи.

Строго говоря, до настоящей зимы еще было целых полтора месяца. А пока это была осень. Даже листья еще не везде опали.

Но урожаи уже были собраны, все необходимые обряды проведены, оставалось только проехать по княжеским землям, чем Свер и собрался заняться на следующей седмице.

Вожак в сопровождении наводящей ужас Пограничной Огневицы, должен был отбыть на север, откуда начинался сбор подати, в то время как Берн отправлялся к магам, собираясь требовать положенный по договору запас камней.

Наи оставался в деревне и меня это очень беспокоило. Как он тут справится без меня со своим весьма скудным запасом изученных слов?

Ашша заверяла, что все будет нормально, и она за ним присмотрит. Если она и хотела меня успокоить, то добилась совершенно противоположного.

Мне страшно было оставить Наи на произвол судьбы, но оставить его на Ашшу было еще страшнее...

Глава 10

Нос мерз. Вот просто бессовестно мерз мне назло, а я даже не могла его согреть. Руки были заняты: в одной я сжимала мешочек с деньгами, в другой – список покупок, выданный нервной Ашшей.

— Ты только ничего не забудь, — строго напутствовала меня змеевица, крепко вцепившись в плечи.

— У меня же список...

— И все же, — не унималась она, еще не до конца поверив в своё счастье. Ашша хотела, чтобы ничто не омрачило её нетерпеливого ожидания нашего скорейшего возвращения. Ничего, включая мою забывчивость, — ты не поверишь, но в последний раз мне удалось уговорить закупить для меня кое-что по мелочи Алиса, и это было почти четыре года назад.

— И с тех пор я больше не совершал такой ошибки, — радостно подтвердил оборотень, показавшийся из конюшни. Заценив мой красный нос, тёплый тулуп, уже порядком присыпанный снегом, и несчастный взгляд, он легко подошёл к нам, оставляя на свежем, совсем пушистом снегу едва различимые следы, — сочувствую тебе.

— И с чего бы это ты ей сочувствовал? — угрожающе осведомилась Ашша. Замерзшая змеевица, в отличие от меня, не краснела на морозе, а белела, отчего чешуйки на скулах становились видны отчетливее, а сама она приобретала мертвенный вид. И сейчас Ашша очень походила на ходячий труп. Даже губы побелели от холода, и только глаза горели ярким огнём.

— У неё первая поездка, — заметил лис, погладив меня по голове, очень естественным жестом заправив выбившуюся из-под платка красную прядь, — но вместо того, чтобы развлекаться, ей придётся бегать по торжищам, разыскивая твои заказы.

— Выезжаем через десять минут! — разнесся над конюшней сильный голос вожака.

Все заспешили, и даже мне позволили затолкать список в походную сумку и натянуть уже варежки.

Наи пришёл проводить меня в самый последний момент. Но его можно было понять – выходец никогда раньше не видел снега и всю предыдущую неделю отсиживался в доме, не решаясь выйти даже на крыльцо.

Для него появиться на улице было великим подвигом.

Высокая фигура, заматанная во все тряпки, что только удалось раздобыть, очень напоминала чупа-чупс. Такой шарик на ножках.

— Это ужасно, — пряча нос в меховом отвороте тулупа, Наи крепко сжал мою ладонь, — не уезжай, останься здесь. Ты же там замерзнешь.

— Да брось, не так уж и холодно, — вдохновенно соврала я, растирая нос свободной рукой. Варежка мягко гладила замерзшую кожу, но особо не грела, — я выдержку. А вот вам с Ашшей неплохо было бы вернуться в тепло и не мерзнуть здесь.

Наи кивнул, посмотрев на змеевицу. Та, получив от меня перевод, лишь пожала плечами: уж она точно была не против вернуться в тепло, особенно в компании Наи.

Меня забросили в одну из телег, которые должны были в скором времени нагрузить мехами и зерном. И чем-нибудь ещё, что может считаться уплатой подати.

Пока же в них было пусто, и я могла расположиться со всеми удобствами.

Свер ехал в начале отряда, Алис замыкал процессию, а я тряслась где-то посередине. Нахолившись и спрятав нижнюю часть лица в отворот тулупа.

Отряд наш состоял из двадцати оборотней, шестерых возниц, являющихся обычными людьми, и меня любимой.

Всего четыре женщины на весь отряд. Три оборотницы и одна Огневица.

Весёлая, в общем-то, подобралась компания.

Оборотни со мной особо не стремились завести разговор, и развлекать меня не ленился один только Алис. Самый молодой и лёгкий характером из всех.

Не будь в отряде лиса, знавшего кучу забавных историй, я бы совсем приуныла.

И привезли бы в первую деревню на нашем пути, не слегка замерзшую Огневицу, а конкретно, окоченевшую нечисть.

Из Пограничной деревни мы выехали засветло, а к Зарвичам прибыли уже в густых сумерках, хотя ехали быстро и на привал остановились лишь однажды, чтобы быстро пообедать. Даже костёр разводили маленький, слабый, только чтобы воды разогреть, да отвар заварить.

Доехали до главной деревни, миновав какие-то жилые, несерьёзные заселки и уперлись в закрытые ворота.

Свера такая встреча не обрадовала, вдарив кулаком по одной из створок, отчего все ворота задрожали, он низко зарычал.

— Всегда так, — проворчал Алис, последние часа четыре ехавший рядом с моей телегой, — когда-нибудь Сверу надоест терпеть их наглость, и он уже поставит своего старосту.

— А что происходит-то?

— Бельник пытается показать нам наше место, — в темноте зрачок у лиса страшно сверкал. Не так жутко, как у жожака, но все равно очень беспокойно, — не любит староста оборотней. Старый дурак.

Ворота открыли лишь спустя минуты три.

Въехав в унылую, грязную и какую-то подсознательно, неприятную деревню, мы преодолели узкую, неровную дорогу до дома старосты, где меня вытащили из телеги.

Свер лично и вытащил, поправив мой платок. Совсем так же, как это утром проделал Алис.

— Волосы прячь и далеко от меня не отходи, поняла?

Я только послушно кивнула. Мне бы и самой очень хотелось держаться поближе к знакомому и такому надёжному жожаку.

Просторный двор старосты казался неухоженным и неуютным, хотя снег, укрывший все вокруг густым покрывалом, скрадывал обстановку, зачистив грязь и мусор белым цветом.

Входить в большой, двухэтажный дом мне тоже очень не хотелось, но пришлось. Свер уверенно шагнул на крыльцо, прямо к напряженно улыбающемуся, бородатому старику. А я, вцепившаяся в рукав его шубы, вынуждена была идти следом.

Шуба у Свера была чудная. Распашная, расширяющаяся к низу, с широкими длинными рукавами и отложными воротниками. И снаружи она была покрыта парчой.

Подобную диковинку я видела в учебнике истории, и никак не ожидала встретить что-то подобное в этом мире. Тем более на плечах у оборотня.

Однако же, шуба Сверу очень шла, а я с удовольствием держалась за меховой рукав. Мягонький и очень пушистый.

Поднявшись на крыльцо, наш устрашающий жожек сразу же задавил старосту своей силой, угрожающе возвышаясь над толстеньким, нервно вздрагивающим дядькой.

— А мы не ждали вас так рано... — начал было староста, блестя глазками. Так с первого взгляда и не разберешь – зло он ими блестит, или подобострастно.

— И так каждую осень, они не ждут нас так рано, — фыркнул Алис, поднимавшийся сразу за нами. Несмотря на свой весьма юный возраст, он пользовался безоговорочным доверием вожака, раз имел право идти сразу за ним.

— Алис, — одернул его Свер, ровным голосом. Парень притих, а Бельника просто переключило. Улыбка его приобрела нездоровую радостность, словно лицо свело судорогой — и плохо, и больно, а улыбку не стереть.

— Вы, наверное, устали? — дрожащим голосом спросил староста. — Хотите отдохнуть с дороги? А о делах и завтра поговорить можно.

— Мы отдохнем, — кивнул Свер, отцепив мои пальцы от своего рукава, чтобы крепко жать в ладони, — а поутру уедем. На рассвете ваша плата должна быть готова.

— Но...

— Не обсуждается.

Бельник нас ненавидел, это было бы сложно не заметить, и я искренне не понимала, почему Свер это терпит.

— Мне казалось, что на твоих землях живут лояльные к оборотням люди, — прошептала я еле слышно, когда мы вошли в тёмные, душные сени.

— Тебе казалось, — негромко подтвердил Свер, легко перейдя к делам насущным, — мы втроём переночуем в доме старосты, остальных разведут по соседним домам. На рассвете отбываем.

— А можно я где-нибудь в другом месте переночую? — от тяжёлого, спертого воздуха начинала болеть голова. — Они тут совсем не проветривают, что ли?

— У старосты сын хворый, — Алис потеснил меня плечом, пробравшись в комнату первым, — от любого сквозняка ложится. Поздний ребенок.

— Ты останешься здесь.

В просторной комнате, на лавке у печи, сидел вполне себе здоровый на вид, румяный и полный парень, лет тринадцати.

Наше присутствие его не смущало, скорее раздражало. Поджав полные губы, он смерил меня взглядом, но быстро отвел глаза, на вожака же даже не посмотрел, уперев взгляд в его сапоги.

— Ночи тихой, — пробормотал парень тонким, ломающимся голосом.

— Тихой, — согласился Свер, обратившись к дородной, невысокой женщине, застывшей на лестнице, — нам бы отдохнуть, хозяйка.

Тяжело дышащий староста вошел последним и замер у дверей. Словно и не у себя дома находится, а в гостях.

Нас разместили с относительным комфортом. Вернее будет сказать, Свер сам разместился. Отказавшись от комнаты, он напросился на чердак.

Алис поддержал своего вожака и приняв из рук хозяйки одеяло и подушку поднялся по шаткой лесенке вверх.

— А девку куда? — жена старосты обладала сильным, но некрасивым голосом, который после этих слов показался мне особенно противным. Можно подумать, обязательно было орать, чтобы Свер услышал. Будто у меня спросить нельзя.

— Пусть сама решает, — отозвался вожак.

И этот нечеловек требовал, чтобы я от него не отходила, а теперь вот вам. Пусть сама решает, а если я сейчас решу в другой дом перебраться?

— Настоятельно советую подняться к нам, — Алис весело улыбнулся, показавшись в

дверном проеме, — в комнате ты не уснешь.

— Давайте подушку, — смиренно вздохнула я. Вот она, свобода выбора у оборотней. Пусть сама решает. Ага.

На чердаке было удивительно чисто. Под потолком на сушке висели ягоды и грибы. У небольшого окошка, на добротном, крепком столе, были разложены какие-то травы. Сквозь узкие щели пробивался морозный воздух, отчего даже дышать было легко.

— Хорошо здесь, — вздохнула я, оглядывая чистый пол.

— А в комнате бы легли, всю ночь от духоты мучались и Бельник просто бесчеловечно храпит. Тут хоть выспимся.

Алис был не прав.

Я не выспалась. Мне было неудобно спать в одежде, к тому же на полу, но без одежды было холодно, а под утро кое-как задремав, я совсем замерзла. Не спасла даже княжеская шуба, брошенная на меня поверх одеяла щедрой Сверовой рукой. Оборотни, в отличие от меня, не только верхнюю одежду на ночь сняли, но даже разулись. Горячая звериная кровь не давала им замерзнуть.

Я не выспалась, озябла, и утром, нещадно зевая, хмуро просматривала список Ашши, пока остальные грузили тюки с зерном и тонкую пряжу.

К счастью для моего измученного тела, змеевице ничего не требовалось купить в этой недружелюбной деревне, где жили исключительно люди. Это мне по секрету сообщила мрачная оборотница, которой тоже не понравилась ночевка в этом месте.

Моё незабываемое приключение по землям оборотней началось слишком уныло, чтобы я и дальше пребывала в радостном нетерпении, ожидая увидеть следующую деревню.

Не так я себе представляла эту поездку. По ночам я не выспалась — уснуть на чужой кровати удавалось с трудом и лишь к рассвету. Стоило только задремать, как неизменно крепкая рука несильно трясла меня за плечо.

— Время, Яра.

К концу поездки я рисковала начать вздрагивать от звука голоса нашего вожака. У меня даже почти появилась неясная, но очень крепкая ненависть к своему имени. Особенно в сочетании с таким ужасным словом, как «время».

Даже досыпая в телеге, я чувствовала себя уставшей и разбитой. Очень старой и хрупкой китайской вазой, которой какой-то кретин решил прибить таракана. Или моль, или просто в порыве злости долбанул произведением искусства об пол.

И остались от меня только черепки.

— Яра, ну нельзя же столько спать, — бодрый, весёлый, до тошноты энергичный Алис одним своим отдохнувшим видом будил во мне нехорошие желания.

Спать мы уходили всегда в одно время, просыпалась я самой последней, к тому же не должна была мучиться в седле, с относительным комфортом расположившись в телеге... так почему же он улыбается, а мне хочется спать и сдохнуть?

— Мне все можно, — просипела я, чувствуя, как каждое слово прокатывается по горлу маленьким горячим и колючим шариком. Я с ужасом ожидала момента, когда моя изматывающая простуда, заработанная на третий день, после неудачной ночи с открытым окном, перерастет в полноценную болезнь.

— Взбодрись, — улыбнулся он, твёрдой рукой удерживая своего скакуна у телеги. Полный энергии и желания пуститься вскачь — каурый лоснящийся и довольный жизнью, совсем ещё молодой жеребец, приплясывал в нетерпении, — мы к Вятичам подъезжаем. Будет тебе шанс отдохнуть.

— Отдохнуть? — такое манящее, прекрасное и замечательное слово.

— У них мы задержимся на два дня, — всего одной фразой Алис вернул меня к жизни.

Я снова была бодра весела и нетерпелива, что его конь.

Эта деревня серьёзно отличалась от всех прочих, в которых мне довелось уже побывать.

Высокий, крепкий деревянный забор, внушительные ворота, колья, вогнанные в землю под острым углом – все это вселяло тревогу.

— В местных лесах предпочитали селиться ведьмы, — пояснил Алис, хмуро глядя на стену. Вся веселость ушла из него, оставив сосредоточенность и тревогу, — давно я не видел здесь заговоренных кольев.

— Это плохо?

— Это значит, что ведьмы не только нас потревожили. И что-то мне подсказывает, здесь они одним набегом не ограничились.

Ворота распахнули раньше, чем мы миновали линию кольев.

Встречать нас вышел огромный, очень напоминающий Берна дядька с восхитительной в своей курчавости русой бородой.

В этом мире все были либо светленькими, либо темненькими. Ни одного рыжего мне так и не удалось встретить. Что уж говорить, когда даже Алис, стопроцентный лис, не горит на солнце рыжиной, а лениво и величественно сияет золотом.

Пожатие кистей — тот ещё здоровательный обычай, который, впрочем, выглядел впечатлительнее скучного жамканья потных ладошек. Такой себе незамысловатый и очень древний способ проверить – не притаил ли тот, кто стоит перед тобой, нож в рукаве. Это не я придумала, об этом мне важно и обстоятельно рассказал Берн.

— В недобрый час вы пришли, — прогудел мужик, что являлся старостой этой огромной неприступной деревни. Звали его Варном, и был он не просто похож на нашего топтыгина; они с Берном, как выяснилось, были братьями, — только утром удалось от очередной атаки отбиться. Ведьмы совсем ошалели, так и лезут, себя не жалея.

— Никак чуют что-то, — поддержал своего старосту один из мужиков, стоявших в дозоре, — твари окаянные.

— Может, и чуют, — сумрачно подтвердил Свер, не став распространяться при всех о том, что на нас тоже нападали.

Столь интригующий разговор продолжился только спустя почти полтора часа.

Когда нас отмытых и отогретых, откармливали за большим, мощным столом. Я такие только в доме вожака и видела раньше.

С удовольствием поедая свежую, тающую во рту, ещё горячую булку, щедро намазанную маслом, я в пол уха слушала разговор оборотней.

— Почему не написал, что у вас проблемы? — негромко спросил Свер, рассеянно помешивая деревянной ложкой густую кашу.

— Мы писали, да послания до тебя не доходили, — качнул головой Варн, с любопытством поглядывая на меня. В этом доме Свер, наконец, разрешил мне снять платок. И сидела я теперь с ещё влажными после купания волосами, уплетая все, до чего удавалось дотянуться.

Предыдущие три дня, замерзшая и измотанная, я почти ничего не ела, не чувствуя аппетита. Зато сегодня решила оторваться по полной.

— Ведьмы в первый раз к нам в конце лета сунулись. Седмица прошла, как мы переярков в дом вернули, и они пожаловали.

Подавившись куском, я тяжело закашлялась и кашляла, пока Свер не приложил меня ладонью между лопаток.

— Кхе! — поймав его внимательный взгляд, я выдавила из себя сиплое. — Наи.

— В то же время появился, — согласно кивнул Свер.

Варна наши непонятные секреты не то, чтобы удивляли, только тревожили.

— Что-то случилось?

— Сколько вы выстоять сможете? — задал встречный вопрос вожак.

— Сколько понадобится.

Свер кивнул, не считая нужным посвящать постороннего оборотня в свои планы. Да Варн и сам не рвался их разведать.

Поняв, что ничего больше ему не скажут, он дал волю своему любопытству.

— Так это правда? На Пограничье появилась своя Огневица? — спросил он у Свера и тут же, не тратя времени, обратился ко мне. — Ты правда нечисть?

— А что, не похожа?

— Appetit хороший, — улыбнулся медведище, — ни у одной девки ещё такого не видел, да вот только маленькая ты больно. И хорошенькая, разве ж нечисть такой бывает?

Комплимент, запоздало поняла я, глупо хлопая глазами. Мне сделали комплимент.

Когда мне в последний раз комплимент делали? Уж точно не в этом мире.

— Берегини хорошенькие, — заметил Алис, чей аппетит был не хуже моего, — водяницы, если молоденькие и не успевшие ряской обрасти, тоже.

Варн хохотнул, но требовательного взгляда не отвел.

А я что? Мне ж не жалко.

— Хотите, подожгу что-нибудь? Я могу, — и я, правда, могла. Рядом стояла натопленная печь, полная раскаленных угольков, у печи стоял совок, а я умела обращаться с совками. И даже знала, как открыть заслонку на печи, чтобы угольки вытащить и поджечь что-нибудь на радость хозяину дома.

— Не надо, — расплылся в улыбке он.

Я уж решила, что меня оставят в покое и позволят спокойно съесть все, что находится на столе, но любопытство оборотня смогло протерпеть всего три минуты.

— А волосы потрогать можно? — спросил он, уже вытирая руки полотенцем. — Не жгутся?

Мне оставалось только смиренно склонить голову, в надежде что он меня сейчас потрогает, успокоится и даст таки поесть.

Как удалось выяснить у Свера, который был доволен реакцией Варна на меня, в каждой деревне, исключая четыре совсем уж дремучих, старостой являлся оборотень. Такой оборотень был условным вожаком стаи, которая собиралась из жителей деревни. Над всеми ними, разумеется, стоял Свер, чья власть была неоспорима... что, в общем-то, не мешало некоторым иногда наглеть. В основном людям, которые не имели звериного чутья и не знали, насколько опасен их князь.

Закономерным итогом моей гастрономической несдержанности стала бессонная ночь. Переедание — очень неприятная штука.

Я не спала, и прекрасно услышала, как дверь в мою комнату тихо открывается. Не оснащенная замком, или хотя бы простенькой щеколдой, она оказалась бесполезной преградой, которую с лёгкостью могут преодолеть даже дети.

Что, собственно, и случилось.

В комнату, что выделили мне, сосредоточено сопя прокрались две девочки. Лет семи-восьми, они очень забавно старались не шуметь.

— Не толкайся, — сдавленный, полный праведного негодования шепот был их первым проколом, — Лита.

— Сама не толкайся, — огрызнулась вторая девочка, — почему я должна первая к ней подходить?

— Это ты предложила пойти посмотреть на нечисть.

Я лежала с закрытыми глазами и не могла видеть двух диверсанток, впрочем, в такой темноте я бы в любом случае их не разглядела, зато очень хорошо слышала.

И когда они, обмирая от страха, остановились у кровати, сделала то, что совершенно точно нельзя было делать.

Открыв глаза, я выдавила из себя одно короткое, ленивое:

— Бу.

Как они визжали, как визжали. Замерев на месте, вцепившись друг в дружку, эти две сирены орали на одной ноте, длинно, громко, ответственно, с небольшими паузами, истязая мои барабанные перепонки.

Я успела только зажать уши ладонями, как в комнате вспыхнул свет. Визг оборвался.

На пороге стоял растрепанный, но уже готовый рвать врагов голыми руками Свер. За ним показался Алис, сонно потиравший глаза и периодически почесывавший плечо.

Если на Свере свободная рубаша сидела прекрасно, то на жилистом и высоком лисе висела безразмерной тряпкой. Выглядел он просто до умилительного забавно.

— Что случилось?

В такой прекрасно, замечательной, тишайшей тишине хриплый голос вожака казался чужим и ненужным. В ушах немного звенело.

— Меня пытались оглушить, — призналась я, пытаюсь прочистить уши. Вот только звон из них никак не хотел выковыриваться, как бы я не старалась.

— Мы просто хотели посмотреть на нечисть, — дрожащим голосом отчиталась светленькая девочка, хорошенькая, как фарфоровая кукла. Вторая была темнее и старше.

Я почти не сомневалась, что она и была той самой Литой.

Варн, появившийся за спиной Свера почти в то же мгновение, что и Алис, выставил любопытных малявок за дверь, что-то тихо им втолковывая. Скомкано извинившись, он утащил девочек за собой.

— Лита и Сэра, если тебе интересно — зевнул Алис, глядя им вслед, — дочери Варна. Такие же любопытные, как и их отец. Их вечером к гостям не пустили, так они ночью наведались.

— Испугалась? — давать характеристики юным оборотницам Свер не стал.

— Неа. Зато их напугала. Меня завтра из дома-то выпустят? Или запрут как опасную нечисть? — с беспокойством спросила я, вполне закономерно опасаясь печальных последствий.

Меня не только не заперли, но ещё и заботливо предложили выбрать кого-нибудь в сопровождение, когда на следующий день, выспавшаяся и счастливая, я заявила что намерена прогуляться на торжище.

— У меня список, — весело добавила я, продемонстрировав Сверу памятный листок.

Из шестнадцати заказанных Ашшей вещей, вычеркнуто было всего три. И с этим надо было что-то делать.

Я планировала пополнить список купленного ещё двумя пунктами. Парой плетёных поясов — расцветку змеёвица оставила на мой выбор, что было очень мило с её стороны — и отрезом ткани.

Что это за ткань такая я не знала, но очень надеялась, что Алис, которого я и выбрала себе в сопровождение, в курсе.

— Ты же знаешь, что это за киндяк, верно? — подсунув ему листок, я ткнула в пятую сверху строчку. — Вот, отрез киндяка три метра. Что за киндяк такой, а?

— Тебе очень повезло, Яра, что с тобой пошел я, — самодовольно улыбнулся лис, сверкая зелёными глазами, — иначе долго бы тебе пришлось тут ходить. В первых рядах в основном дешёвое сукно продают, для людей попроще.

— А киндяк нам где раздобыть? Где?

Затравленно обведя взглядом громкую, радостную толпу, в которую нам предстояло влиться, я с ужасом понимала, что все те мелкие торжища, которые уже видела — ничто по сравнению с этим кошмаром.

То там, то здесь раздавались задорные зазывные крики, предлагающие отведать свежих пирожков с рисом и визигой, или сахарных петушков, или зельник. Только из печи.

Застыв на краю этого бурного кусочка реальности, словно бы отдельного от всего остального мира, я все не решалась в него ступить.

— Ну что, пошли? — Алис, в отличие от меня, не испытывал никакого дискомфорта от столь огромного скопления местных жителей.

Подтолкнув меня в спину, он уверенно пошёл следом.

Платок на моей голове был чуть приспущен, открывая любопытным взглядам мои красные, горящие на солнце волосы. Свер разрешил, даже настоятельно посоветовал мне не скрывать больше своей особенности.

А я была совсем не против. Правильное питание и натуральные продукты гигиены сделали из условно здоровых волос что-то невероятное. Они блестели, не секлись больше и росли как сорняк в благоприятных условиях. И я с удовольствием хвасталась и косой, которая за время моего здесь пребывания отросла сантиметров на десять, чего в принципе не могло быть, и ярким, насыщенным цветом волос.

Выпущенная из-под платка, моя прекрасная коса лежала на груди и привлекала взгляды прохожих. На нас оборачивались, нам смотрели в след, шептались за спиной, и самое замечательное заключалось в том, что мне было совершенно все равно.

Быть нечистой с каждым днём становилось все проще и даже приятнее. Пусть фальшивой, но все равно устрашающей.

Алиса тоже все устраивало. Одобрительно поглядывая по сторонам, он довольно заметил:

— Это ты правильно сделала, нечисть никто дурить не осмелится. Вятчи все поголовно суеверные. Хотя, оно и не удивительно, рядом с ведьмами живут.

— Алис, — пробираясь между торговыми рядами, я все опасалась, что живая волна отнесет меня от лиса. И я уже не смогу его найти в этой толпе. Да, меня опасались, но недостаточно сильно, чтобы шарахаться в стороны и уступать дорогу. Здесь жили закаленные люди... да и нелюди тоже, — я хотела спросить, а почему названия такие странные? Зоричи, Вятчи?

Продержавшись взглядом по списку Ашши, я добавила:

— Борки. Тут из всех названий только Березень меня не смущает.

— Ты ж пришла, — с улыбкой обернулся он ко мне, — а я уж и позабыть успел.

— Я нечисть, — гордо вскинув голову, я все же вцепилась в рукав его тулупа. Так было спокойнее, так я точно не потеряюсь, — а нам, нечистым, нет дела до людского быта.

— Правильнее было бы сказать, не было. Теперь-то ты интересуешься. — Алис просто сиял. — А ответ на твой вопрос довольно прост. Каждая из этих деревень начиналась с рода.

— В смысле?

Задумавшись, Алис прикусил губу клыком, отчего его лицо приобрело забавное, очень комичное выражение.

— Как бы тебе объяснить. Этим деревням очень много лет, земли, на которых стоят дома, помнят времена, когда местные еще в землянках жили. Род выбирал себе территорию, обживал и возделывал её. Тем, что поудачливее и трудолюбивее, удавалось без потерь пережить зиму, менее удачливым было сложнее. Потому стали собираться несколькими родами, чтобы облегчить зимовье. Со временем появилась нужда как-то обозначать свои поселения, так как началась первая торговля, и понять, например, о каком поселении с северо-востока от Белых Вершин идёт речь, было довольно сложно. Все же, как правило, селения стояли рядом. Не мудрствуя особо, было решено взять за название имя того, чей дом первым появился на территории поселения. Насколько я знаю, род Вятича уже полвека как сгинул. Всех, даже годовалого сына, последнего наследника этой ветви, унес Чёрный Мор. Род оборвался, но деревню так и зовут Вятичи, по старой памяти. И много где так.

— Не очень весёлая у вас история, — вынуждена была признать я.

— А у вас, там, лучше? — с робким любопытством спросил он.

Врать тому, кто знал, кем я являюсь на самом деле, смысла не было, и я честно призналась:

— Наверное, ещё хуже, но раньше меня это не особо интересовало.

Киндяком оказалась простенькая набивная ткань. Ничего необычного. Тонкая, чуть шуршащая, представленная в трёх цветах.

Разрываясь между красным, желтым и белым, я выбрала белый.

— Так безопаснее, — призналась я Алису, нагружая его первой покупкой. Монетки весело звенели, ссылаясь в поставленную ладонь продавца.

— И правильно, — кивнул оборотень, — я ей как-то красную купил, так отрез до сих пор в сундуке пылится.

С поясами все было совсем просто. Выбрав один красивый сложно плетённый, глубокого насыщенного зеленого цвета, второй, для контраста, взяла простой, небесно-голубого цвета.

Я была уверена, что Ашша оценит. А если нет, ей же будет хуже.

Мой боевой настрой спугнул низкий трубный вой. Очень знакомый, предупреждающий о скорой беде.

Смех и крики резко оборвались.

В этих краях трубный вой сообщал не об открытии прохода, но о приближении ведьм.

Жители очень слаженно, я бы даже сказала, с некоторой ленцой двинулись прочь. Прямо к центральной улице, пройдя по которой немного на запад, они могли бы укрыться в большом доме, специально установленном на случай опасности. Таких убежищ по всей деревне было штук пять, и в каждом из домов была установлена маленькая обережная фигурка хранителя этой деревни.

Чести зваться богиней удостоилась только Волчица, духи других деревень не имели

такой силы, чтобы перестать быть просто почитаемыми хранителями и стать чем-то большим.

Мы с Алисом упрямо пробирались в сторону дома старосты.

Оборотень хотел принять участие в схватке, я просто не хотела идти одна в убежище, к незнакомым людям.

К тому моменту, как мы попали на нужную улицу, оборотни, собравшиеся дать отпор ведьмам, уже успели уйти к стене.

Алис ругнулся, но поупки на крыльцо уложил очень бережно и, попросив меня остаться здесь, раз уж в убежище я не хочу, собрался догонять остальных.

— Ну, уж чего удумал, — проворчала я, пристроившись рядом с ним. Удерживать заданный лисом темп удавалось достаточно легко. Не напрасно все же я в школе физкультуру не прогуливала, — не для того я себя прижечь позволила, чтобы теперь прятаться.

Отговаривать меня, разумеется, никто не стал. Посмотрев с одобрением, Алис только скорость прибавил, задорно крикнув:

— Тогда не отставай.

Стена, которую я сначала приняла за простой заборчик, не впечатляла воображение. На ней едва могли разминуться два человека. А выглянуть из-за частокола мне и вовсе не удалось, кончался он на две головы выше, чем заканчивалась я. К вырубке меня никто не подпустил — все обзорные места были заняты, а мне же было интересно.

Если в первую свою встречу с ведьмами я чувствовала беду и боялась, то в этот раз ощущала лишь нездоровый азарт и желание поучаствовать в предстоящей заварушке.

Ни капли страха, только крепкая уверенность, что мы выстоим.

— Сколько их, — присвистнул один из оборотней. Грузный и невысокий, одиночно занявший вырубку, — не иначе все гадины пожаловали.

— Посмотреть дайте, — попросила я, покачиваясь на носочках. Как бы ни старалась, дотянуться до края стены не могла, но почему-то спокойно стоять была не в состоянии.

— О, Огневица, — хохотнул он, заметив мою косу. Безбородое лицо с длинным, страшным шрамом во всю щеку, расплылось в улыбке — погляди, чего ж нет.

Мне уступили место. Вырубка представляла собой маленькое окошко, проделанное в бревнах. Надёжно и удобно.

— Да их там с сотню, не меньше, — присвистнула я, жадно разглядывая бледные, тощие фигуры. Туман, такой же густой и липкий, что и в первое моё знакомство с ведьмами, напозал на деревню. Солнце, всего четверть часа тому назад ярко сияющее на прозрачном, синем небе, куда-то делось. Морозную синеву укрыла тяжёлая, грязная серость тонких, беспросветных туч.

— Ивир, зови лучников. Мы спустимся, а они пусть пытаются, — раздался громкий приказ Варна.

— Пытаются?

— Стрелы заговоренные, — охотно пояснил дядька, уступивший мне вырубку, — способны даже их природную защиту пробить, но эти гадины как-то научились и заговоренные стрелы отводить. Первое время так хорошо было. Вышел на стену с луком, да пострелял их всех, предкам на потеху. Теперь же сложности свои имеются.

— А оружие у вас тоже заговоренное?

— А как же, — солидно кивнул он, — обычным ведьму и не убить почти. Только ежели она внимание своё утратит. Да такое редко бывает.

— Например, когда чужое сознание себе пытается подчинить, — пробормотала я.

— Да. Но в таком случае её прикрывают другие ведьмы.

Не всегда, хотелось мне сказать, возможно, даже похвастаться, как я одна, обычным топором, который утром ещё дрова рубил, вскрыла ведьминский череп. Да не ко времени было моё хвастовство.

На стену поднялись шесть лучников. Все сосредоточенные, мрачные, с колчанами полными стрел – древко каждой стрелы украшали причудливые резные символы. И оперение у стрел было интересное. Перья, выкрашенные в разные цвета и собранные по какому-то непонятному принципу.

— Яра, — на плечо легла тяжёлая рука вожака, — здесь останься, чтобы внизу я тебя не видел, поняла?

Я только и смогла, что послушно кивнуть. Когда Свер говорил вот так вот ровно, даже равнодушно, спорить с ним совсем не хотелось.

Пристроившись у одной из освободившихся вырубков, я приготовилась наблюдать.

Я честно осталась на стене, под защитой, в безопасности. И сидела бы там дальше, следя за тем, как недопревращенные оборотни рвут упрямых ведьм.

Наверное, все прошло бы легко и нестрашно, если бы одна из черноглазых не поймала оборотня. Мощный дядька с кабаньей головой на плечах замер с занесенным для удара топором.

Крепкая рука, большая и мозолистая, раскрылась, выпуская свое оружие. Пальцы страшно согнулись в другую сторону, а потом и сама рука от плеча и до кисти, перекрутилась. Оборотень зарычал, захрустели ломаемые кости. Не знаю, правда ли они ломались с таким громким звуком, или мне просто казалось, что слышу это, но удержать вскрик не удалось.

Зажав рот ладонью, я заметила, как сразу несколько ведьм подняли взгляд. Они смотрели прямо на меня, словно бревна стены не были для них преградой.

В прошлый раз, когда во время сражения меня вот так же на стене нашел холодный взгляд чёрных глаз, я познакомилась с Наи. На этот раз едва ли мне должно было так же повезти.

Назад я отшатнулась очень вовремя.

Усиленная желанием сразу полудюжины ведьм, в стену ударила их смертоносная сила. Дерево было защищено, его нельзя было так просто сломать, и раньше это ещё ни у кого не получалось.

Но раньше ведьмы не хотели так сильно вырвать из-под защиты обережных рун то, что там скрывалось.

Им для чего-то понадобилась я. Они готовы были сделать все, лишь бы вытащить меня отсюда. И они сделали.

Стена треснула, и большая часть, словно вырванная чьей-то огромной рукой, свалилась вниз.

Пять из шести ведьм упали замертво, но шестая, не обращая внимания на текущую из носа кровь, дернула меня из образовавшегося разлома.

Я даже не сильно испугалась, когда свалилась со стены. Слишком часто мне приходилось падать в этом мире. Просто сердце на секунду перестало биться, а потом полёт резко прекратился, я застыла в полуметре над землёй и совсем неопасно свалилась в снег.

Успела встретиться взглядом со Свером – бросившим разборки с не до конца зарубленной ведьмой, он уже бежал ко мне, а потом я услышала, прямо у себя в голове

хриплый, неправильный, неземной какой-то, голос. Создавалось впечатление, что я слушаю аудиозапись задом наперед. Только слова понятные.

— Где он?

— На тебе его след.

— Где он?

— Расскажи. Покажи. Пусть придёт.

— Пусть правит нами.

— Где?

Множество голосов, разных и в то же время одинаковых. Очень похожих.

— Кто?

Я чувствовала под рукой холодную влажность снега, ощущала как лёгкий мороз щиплет уши, которые уже совсем не защищал полностью съехавший платок, но не могла понять насколько все это реально.

Их было слишком много, этих странных, страшных созданий и все они сейчас находились в моей голове.

Чувствовала я себя как наркоман, хватанувший больше положенной дозы. Обидно, плохо и сдохнуть хочется.

— Кто вам нужен? — прошептала я.

— Господин.

— Хозяин.

— Правитель.

— Смысл нашей жизни.

Их стало меньше. Многие отвлеклись на битву, которая и не думала прекращаться.

Почему-то я решила, что они Наи имели в виду.

— Пусть придёт, — жесткое требование и в то же время нижайшая просьба.

— Пусть приказывает.

— Пусть повелевает.

Мохнатая лапа резко вздернула меня вверх, поднимая с земли.

— Яррра, — глухой, звериный рык и перед моими глазами оказалась оскаленная вольчья морда, — что?

— Им Наи нужен.

Свер удивился. Уши, воинственно стоявшие торчком, опустились и морда стала очень забавной. Удивленно-недоверчивой.

— Ты говоришь с ними?

— Они говорят со мной. Они знают, что один из выходцев в нашем мире. Говорят, что на мне какой-то его след...

Я осеклась и медленно, словно во сне, поднесла руку к глазам. На указательном пальце, уже совсем родное и привычное, скромно поблескивало серебряное кольцо светлячка.

— Ой, — кажется, я поторопилась с выводами. Кажется, они чувствовали силу кольца и

требовали привести вовсе не Наи.

Это бы многое объяснило. Например, почему ведьмы пришли к Пограничной деревне, и почему здесь они начали бузить.

Не потому что знали, что выходцы скоро придут, а потому, что кто-то, хотя на самом деле что-то, пришло из того мира в этот, и осталось не уничтоженным.

Свер терпеливо ждал, не отрывая взгляда от моего лица, и только уши его чутко подрагивали, ловя звуки битвы.

— Свер, кажется, это я виновата, — продемонстрировав ему колечко, обмирая от страха, призналась, — кольцо с той стороны. И они его чувствуют.

Он зарычал страшно и глухо, и дернул меня на себя, вцепившись когтистой лапой в отверстие тулупа. Лицо обдало влажным, горячим дыханием.

— Никто не должен об этом знать, поняла?

Я энергично закивала, полностью разделяя его точку зрения.

Толкнув к обломкам стены, Свер велел оборотню с рысёй головой защищать меня. Все мы понимали, ворота мне уже не откроют, только не после того, как стена разрушилась, и защитный контур прервался.

Убедившись, что кот готов выполнять приказ, Свер ушёл.

И ведьмам оставалось только посочувствовать.

Если раньше вожак защищал ворота, то теперь он оберегал тайну, и это очень хорошо его стимулировало.

К тому моменту, как туман, вместе с ведьмами пополз обратно в лес, перед воротами лежало около сорока ведьминских тел. И ещё с десятков оборотней.

Вот только в отличие от той поляны, на которой сражались тогда пограничные оборотни, эта земля и не думала становиться мёртвой.

Уже позже я узнала, что по периметру были закопаны стражи. В деревне закапывать их было нельзя, так как страж исключал всякую возможность разбить огород недалеко от него. Зато за стеной, там где никто ничего не выращивал, стражи оказались как никогда кстати.

Свер о злополучном колечке предпочитал не спрашивать, а когда я сама попыталась ему все объяснить, только рыкнул на меня.

— Тебе совсем не интересно?

Мне очень хотелось оправдаться, объясниться, сказать, что я не специально.

— Это не то место для разговора, — сдержанно ответил он, разглядывая мои руки. Неспокойные, они никак не могли перестать теревить конец платка, наброшенного на плечи, — вернёмся домой, и на капище, перед праmaterью, ты мне все расскажешь.

Совсем не вдохновляющая перспектива, если честно. Откровенничать под тяжёлым взглядом Мано-Аль. Такое себе удовольствие, но слушать мои робкие возмущения вожак не стал.

Только на капище и все тут.

Суеверные они все здесь были просто жуть.

Глава 11

Поездка по ужасной погоде, под снегом, с изматывающим распорядком дня, открыла мне глаза на правду: я, оказывается, страшная домоседка, и лучше бы сейчас в своей комнате сидела и помогала Ашше, например, пряжу разбирать, чем тряслась в наполовину заполненной мешками телеге, стараясь согреться.

После ночёвки в Вятичах мне, вроде бы, стало лучше, я даже успела забыть, что собиралась болеть. А потом мы уехали.

И последовавшие за этим дни в дороге напомнили, что крепким моё здоровье считалось только по меркам городского жителя, привыкшего сидеть в тепле.

А для таких диких и холодных мест, я была хиленькой и легко простужаемой.

— Чкхи!

— Здорова будь, — фыркнул Алис, раздражая меня настойчивым взглядом.

Свер никому не рассказал о причине столь самоубийственного ведьмовского желания, сдержнуть меня со стены. Все решили, что они просто хотели нарушить защитный контур и загубить деревню, как было у нас на пограничье. А то, что нечисть под горячую руку попала – так то случайность. Угодила в водоворот ведьмовской магии, вот чуть с жизнью не распрощалась. И никого совсем даже не удивило, что упав с такой высоты, я не то, что не разбилась об мерзлую землю, но даже ничего себе не сломала. От Пограничной Огневицы ничего другого и не ждали.

И только Алис, который, кажется, видел как меня корежило при общении с ведьмами, что-то подозревал.

В открытую признаний он не требовал, но очень давил психологически, желая подтолкнуть меня к чистосердечному признанию.

Его дурацкое лисье любопытство, сдерживаемое человеческой осторожностью, просто выводило меня из себя. Лучше бы он просто взял, припер к стенке и потребовал ответов. Тогда можно было бы его хотя бы послать.

К Сверу.

— Тьпатиба, — совершенно забитый нос отказывался работать, а горло болело так, что дышать ртом было просто мучительно. Каждый глоток холодного воздуха проходился колючей волной и рождал желание больше вообще не дышать. Никогда.

— Очень плохо? — сочувственно спросил он, подъезжая ближе. Я бы на его месте не стала так рисковать, я ж бацильная, но Алис был бесстрашен и о вирусных заболеваниях знать ничего не знал.

— Я замерзла и хочу сдохнуть.

— Я на твоём месте пересмотрел бы свои желания, — хохотнул он, — конечно, я мог бы тебя погреть, но вожак не одобрит.

К вечеру температура поднялась, и меня начал бить озноб. Самым неприятным в сложившейся ситуации было то, что ночевать нам предстояло в лесу.

Оборотни легко выбрали место для ночёвки, и даже обустроили мне постельку под еловыми лапами. Я была очень благодарна за такую заботу, ослабленная и расчувствовавшаяся, даже подумывала всплакнуть, но пронесло.

Ночью, холодной и муторной, я не могла уснуть, натужно сипела, прислушиваясь к хрипам в дыхании. Это было нехорошо, очень-очень нехорошо, но помощи ждать было неоткуда. Вокруг только ели и снег, ну ещё группа оборотней, в которой не то что знахарки, даже врача какого-нибудь завалившего не было. Я бы согласилась и на нашего местного терапевта ещё из той простой жизни, когда я была студенткой, а не нечистью. Душа лесных пожаров, что б его.

— Выпей, — когда к моему укрытию от ветра и лёгкого, начавшегося еще в сумерках, снегопада, подошёл Свер, я не услышала, плавала в бульоне из страданий и жаления себя любимой. К губам прижалось горлышко фляги.

Сделав всего три глотка, я закашлялась, чувствуя как огонь прокатившись по горлу, горячим комом осел в желудке.

— Еловица, — простонала я, рукавом тулупа вытирая горящие губы, — гадость.

— Так уж и гадость, — усмехнулся Свер, подталкивая меня поближе к стволу дерева и освобождая себе место под моей елкой, — тулуп снимай.

— Озверел? — коротко покашливая, я пыталась понять, нравится ли мне это жуткое ощущение, принесенное еловицей, или все же нет. Будто бы мне внутренности на медленном огне жарят. С одной стороны тепло, но с другой — просто невыносимо.

— Греть тебя буду, — проворчал Свер, недовольный моим упрямством, — Алис все уши прожужжал, просил помочь немощной.

— Я не немощная, — негодовала я вяло, без огонька, послушно стягивая тулуп, — просто чуть-чуть заболела.

Свер был большой и тёплый как печка, и я впервые поняла почему Наи так любил обниматься. Обнимашки — это здорово.

— Тееепленький, — накрытая сверху своим тулупом и шубой нашего очень обнимательного вожака, я уткнулась сопливым носом ему в рубаху и затихла.

Мне было все ещё очень паршиво, но уже не так холодно.

Вот только если мне ночёвка с живой грелкой очень понравилась, то Свер остался от неё не в восторге.

Утром, растирая онемевшее плечо, он недовольно бормотал, пока я сидела рядом с закрытыми глазами и мечтала ещё немножечко поспать. Ночуй я одна, у меня было бы ещё минут двадцать беззаботного сна, так как будили меня в самую последнюю очередь. Но я спала со Свером, который всегда вставал одним из первых.

— Вцепилась, что тот клещ и не оторвать, — ворчали у меня над ухом.

Я сладко зевнула, спрятав лицо в меховой отворот шубы, едва уловимо пахнувшей вожаком, и миролюбиво прохрипела:

— Сам пришёл. И вообще, кто ж тебя просил быть таким тепленьким?

Несчастливая грелка только беспомощно вздохнула.

Горячая ладонь, коснувшаяся лба мне совсем не понравилась. Вот если бы он мне спинку погрел, я бы была очень благодарна, а голова чего-нибудь холодненького требовала.

— У тебя температура, — озвучил он очевидное.

— Сама знаю.

— Послезавтра будем у Дубров, и ты должна быть здорова.

— Это ещё с чего бы? — возмутилась я, но тут же вспомнила. — Погоди, а не они ли это... Смагу поклоняются?

Свер кивнул.

— И чего? Они в своём боге разувоятся, если больную Огневицу увидят?

— Для них ты не хворой будешь, а обессиленный, — меня заботливо закутали в шубу. — Знаешь, что они сделают с такой Огневицей?

— И что? — бесстрашно спросила я, блаженно прикрыв глаза и не переставая тереться

щекой о мягкий мех. Болезнь отключила мне мозг, иначе я не забыла бы в какое дикое место попала.

— Отдают огню, чтобы тот вернул её силы.

Я с опаской посмотрела на Свера. Хотелось верить, что он шутит, но серьезное выражение лица не оставляло никаких надежд.

— Ммм, погоди, ты имеешь в виду, что меня сожгут?

Он кивнул.

— И ты позволишь?

— Яра, ты должна понимать, что мой запрет остановит их ненадолго. Тебя выманят, выкрадут, сделают что угодно, чтобы огненная дочь их бога вернула себе силу. Мы пробудем у них два дня, я не смогу все время быть рядом. Их верность Смагу сильнее страха передо мной, — в рассеянной задумчивости он нежно заправил за ухо выбившуюся рыжую прядь, — эти обычаи древнее князей.

— Ладно, хорошо, — сказала я, хотя хорошо совсем не было. Меня целенаправленно везли на костёр. Сожжение с самыми благими намерениями — смерть смешнее сложно придумать. Меня убьют пытаюсь помочь. — И как будем меня лечить?

— К обеду мы будем у Стравичей. Там и подумаем.

Самым сложным для меня было на глазах у встречающих нас деревенских жителей, самостоятельно выбраться из телеги и не дрожать от холода.

Платок был чуть спущен, чтобы все могли оценить цвет моих волос.

Я честно старалась выглядеть бодрой и очень важной.

Радовало лишь то, что у Стравичей Свер обычно селился на окраине, в пустующем домике, специально поджидавшем приезд князя.

Из года в год.

Зайдя в выстуженные, тёмные сени, я обессиленно осела на пол.

Я выдержала. И здраванье со старостой пережила, и прогулку от телеги до дверей, и даже несколько шажков по дому умудрилась сделать. Молодец я.

— Что же ты такая, — вздохнул Свер, поднимая мое обессиленное тело с пола.

Были б у меня силы, возмутилась бы непременно, но мне даже дышать было лень, не то что говорить.

Впрочем, очень скоро возмущаться мне совершенно расхотелось. Меня лечили, меня жалели, мне каждые полчаса приносили какой-то мерзкий отвар. И все это с терпеливым молчанием и смиренным участием.

Болезнь в этом мире было просто ужасно. Никаких жаропонижающих, сиропчиков, или чудодейственных таблеток от горла.

Оборотни вообще смотрели на меня удивленно и недоверчиво. Крепкие, едва ли вообще знающие, что такое хотя бы легкая простуда, они подозревали меня в симуляции. Жалел меня только Алис и немного Свер.

Даже проявлять заботу наш вожак умудрялся с таким видом, что закрадывались сомнения: а не почудилось ли мне все это на самом деле?

В смысле, гадкое, горькое на вкус пойло, которым меня постоянно поили, мне точно не могло померещиться — слишком мерзким оно было, но вот смущающее в своей невероятности растирание моих родных пяточек мазью, тонко пахнущей хвоей, могло и присниться.

Зато грохот опрокинутого стула и прочувствованные ругательства Алиса мне точно не приснились.

Утром, в густых предзвездных сумерках, с трудом проталкивая в себя морозный воздух, я заторможено рассматривала ворвавшуюся в наш домик делегацию – двух полураздетых, тонких до нездоровой худобы мужиков в черных одеждах – очень похожих на сильно драные балахоны, подпоясанные плетеными поясами.

— Дубры, — выплюнул Алис, ненавязчиво стараясь прикрыть собой кровать, на которой я лежала. Свера в доме не было, и это сильно напрягло.

Прижав тощие руки к впалым белым грудным клеткам, хорошо просматривающимся в глубоком вырезе, незнакомцы один за другим низко поклонились.

— Светел будь твой путь, — важно произнес первый из вошедших. Тот, чей пояс украшал золотой круг с одной пересекающей его чертой.

— И вам в темноте не заблудиться, — напряженно отозвался Алис, поглядывая на не до конца прикрытую дверь. Он ждал и надеялся, что Свэр скоро вернется и спасет нас. Мне тоже очень этого хотелось.

Как-то не входило в мои планы греться на костре.

— Мы слышали, — степенно заговорил тощий, глядя исключительно на Алиса. Было у этих странных людей суеверное правило, что разговаривая с кем-то, нужно смотреть только на собеседника. Иначе есть шанс, что какой-нибудь злой дух, перехватит взгляд, решит, что это с ним ведут беседу и поработит душу и тело неосторожного болтуна, — вас сопровождает Огневица. Позволит ли Ясный князь выказать ей свое почтение?

Пока один тощий говорил, второй с интересом меня рассматривал. Его круг пересекало целых три линии и, если моя догадка была верна, этот любопытный малый был рангом ниже своего товарища.

Натянув повыше одеяло, я запоздало пожалела о том, что сняла платок. Было бы просто чудесно, если бы они не увидели мои волосы.

Но они увидели.

— Огневица отдыхает, — Алиса суеверия дубров мало интересовали, он смотрел куда хотел и не поленился даже обернуться на меня, — и я берегу ее покой, потому...

Три пары глаз остановились на мне, и я лишь чудом поборола желание спрятаться под одеялом с головой.

— Мы понимаем, — перебил его тощий, еще раз поклонившись, — моя несдержанность не делает мне чести. Мы придем позже.

Только когда за Дубрами закрылась дверь, Алис позволил себе нервно хихикнуть.

— Вот же попали.

— Откуда они здесь? — просипела я, сама едва расслышав свой вопрос. Но лис, в отличие от меня, обладал звериным слухом и ответил без промедления:

— Ясное дело откуда. Пришли за красной глиной для своих обрядов. Тут недалеко есть весьма богатый карьер, вот Стравичи ею и торгуют. Мы тоже с собой несколько мешков увезем.

— Их одежда... они всегда так одеваются?

— Странно смотрится, да? — усмехнулся Алис. — Они поклоняются Смагу, а он признает только внутренний огонь, который спасает от всего, в том числе и от мороза.

— Не знаю, как их спасает этот внутренний огонь, но мне на них даже смотреть было холодно.

— Мне тоже.

Свер к нам вернулся, когда я была напоена горячим чаем и сипела уже не так страшно. Встречен и сразу же озадачен он был моим требовательным вопросом:

— Где ты был, когда меня собирались сжечь?

Молча, но очень выразительно он посмотрел на Алиса, требуя прояснить ситуацию.

— Жрецы Смага на огонек забегали, — радостно сообщил лис, покачиваясь на стуле. Передние ножки очень опасно оторвались от пола, но оборотня это вообще не беспокоило. Постукивая указательным пальцем по столу, он бездумно балансировал на задних ножках и, кажется, получал от этого удовольствие, — они еще не в курсе, что Яра болеет, но скоро узнают.

— Не узнают, — отрубил Свер, уронив на стол узкую, маленькую коробочку длиной с ладонь.

— Ооо, — взгляд, которым меня одарил Алис, серьезно напрягал. Я не знала, что там в коробочке, и мне очень не хотелось этого знать.

— Иди, прогуляйся, — велел лису наш, не вызывающий желания оставаться с ним наедине, вожак.

Покосившись на окно, Алис оценил угнетающую мрачность погоды, но спорить не решился.

— Яра, было приятно с тобой познакомиться, — печально сказал он.

— Не пугай ее, — велел Свер, с тревожным щелчком открыв крышку коробочки. Алис поспешил сбежать.

— Поднимай рубаху и ложись на живот.

— Зачем?

— Лечить тебя буду.

В коробочке хранился местный аналог горчичников. Свер принес жутко жгущуюся гадость, тонкую, полупрозрачную, очень похожую на рисовую бумагу. Неопасные на первый взгляд, белые квадратики жглись как бешеные.

Когда первый лист опустился на мою поясницу, я еще не знала, что меня ждет, а потом наш жестокий вожак, чтобы не сказать садист, пригладил эту гадость, и я вспомнила, как мне вот так же, не очень уж давно, прижигали поясницу клеймом. Ни с чем несравнимые ощущения.

Только на этот раз пострадала не только поясница. Еще два квадрата заняли свое место под лопатками, а последняя, четвертая, устроилась прямо на хребте.

Теперь-то я понимала, почему Алиса так впечатлил вид коробочки, после такого и я буду с опасением к ней относиться...если выживу.

Пока я хныкала и ныла, требуя прекратить издеваться над больным человеком, которому и без того очень плохо, Свер одной рукой удерживал меня на месте. Просто прижал ладонью к постели и сидел так, равнодушно слушая мой жалобный скулеж.

Садистские прогревания оставили неизгладимый след в моей душе, но помогли. Часа через два я уже могла нормально дышать. Горло еще болело и насморк никуда не делся, но температура спала, появился кое-какой аппетит, и даже проклюнулось желание немного пободрствовать.

— Все еще на труп похожа, но уже не такая страшная, — вынес вердикт вернувшийся Алис, — хотя как мы будем Дубров убеждать, что она не при смерти, понятия не имею.

— Мы не будем их ни в чем убеждать, — равнодушно отозвался Свер, очень трогательно следивший за тем, чтобы я выпила все, что мне налили в огромную глиняную кружку. На этот раз поили меня теплым молоком с медом, что после горького отвара было очень вкусно, — до прибытия в деревню Дубров Яра полностью выздоровеет.

Тонкие, полупрозрачные, хрупкие на вид листы, пропитанные чем-то более жгучим, чем горчица, неплохо меня мотивировали.

Стоило только подумать о том, что мне опять придется лежать на пузе и терпеть, пока мою родную, нежно любимую спину, будут припекать местным аналогом страстно ненавидимых мною горчичников, как я прямо чувствовала, что выздоравливаю.

Эта ядреная дрянь была ужасна, и я не хотела больше ее даже видеть, не говоря уже о том, чтобы испытывать все ее чудодейственные свойства на собственной шкуре. И единственной возможностью избежать страшного – было делать вид, что я здорова. Совершенно здорова. На все сто.

Мотивация была сильной, и моими актерскими способностями можно было только восхититься.

Я почти не кашляла, улыбалась и очень правдоподобно уверяла, что лицо у меня красное не от температуры, а всего лишь от холода.

Да, в доме тоже от холода. Да, даже у печки. Да, мы, нечисть, такие вот странные.

Борясь с желанием прилечь прямо на полу в доме старосты или в небольшом сугробе во дворе, я просто лучилась здоровьем и мало что понимала.

Совсем не удивилась даже, когда Дубры при встрече с удивительной мной упали на колени, впечатавшись лбами в снег. О том, что это они меня так приветствовали, я узнала позже, а тогда, обессиленная и равнодушная ко всему, ничем не выказала своего непонимания.

Потому что не удивилась совсем. Сил на это просто не было.

Свер, очень предусмотрительно придерживавший меня под руку, только коротко бросил:

— Не сейчас, — и потащил меня дальше. В такой уютный и надежный домик, расположившийся на краю деревни.

После изматывающего обеда со старостой, стараний поддержать беседу и попыток ответить на задаваемые вопросы, все, что мне было нужно — теплая постель и тишина. И я была очень благодарна нашему замечательному вожаку за то, что он мне все это предоставил. И постель, и тишину.

Болезнь совсем не круто. Это я осознала классе в шестом, когда свалилась с воспалением легких. Колбасило меня тогда примерно так же, как и сейчас, только в этот раз в груди не болело, будто мне в нее гвоздь вогнали. Правда, врачей поблизости тоже не было, только оборотни, деревенские жители и пироманы-энтузиасты, готовые сжечь меня исключительно с благими намерениями.

А еще был Свер. Самый главный, самый пушистый, самый тепленький оборотень из всех, смиренно и добровольно взявший на себя обязанности моей сиделки.

Надежно защищая меня от внимания дубров, он, тем не менее, оказался недостаточно сострадательным, и устроил нам с ними встречу. Поздним вечером, почти ночью, когда я чувствовала себя особенно хорошо, и даже стала робко надеяться на то, что скоро выздоровею.

Все было настолько прекрасно, что у меня даже аппетит проснулся. Я с удовольствием прикончила целую миску наваристого супа с перловкой, который раньше терпеть не могла, и взялась за вторую порцию, когда к нам с визитом пожаловали незваные гости.

Мне не очень хотелось с ними общаться, но Свер настоял, а ему перечить было сложно.

— Светел будь твой путь, — падать на колени и биться лбом об пол на этот раз они не стали, только поклонились низко.

— Здравсти, — пробормотала я, дожевывая хлеб и не имея понятия о чем с ними разговаривать, и как себя вести.

Как выяснилось, как-то по особенному вести себя мне было не нужно, оказалось, достаточно просто сидеть и слушать. Даже отвечать не понадобилось, за меня все Свер сделал.

— В вашем обряде принимать участие она не будет, — отрубил он, когда главный в этом дуэте закончил расписывать мне всю важность их скорого праздника. За податью в их деревню мы должны были приехать как раз на Ночь Смага. Второй по важности праздник после Дня Смага, празднуемого летом.

И если летний праздник стандартно был направлен на воспевание своего бога и просьбы подарить богатый урожай, то Ночь Смага являла собой что-то весьма зловещее. Дубры верили, что на зиму огонь умирает, чтобы по весне вновь ожить, и праздник этот полностью соответствовал мрачному поводу, больше походя на поминки.

— Неужели огненная дочь своего отца откажется продемонстрировать Смагу уважение и любовь? — возмутился тошенький с брошью из меди с тремя полосками пересекающими круг.

— Она преподнесла огню свой дар на Стеречень. Этого достаточно.

Несдержанный дубр уже собирался вновь возмутиться, но был остановлен своим более мудрым товарищ.

— Мы понимаем и принимаем ваш отказ. Но есть ли надежда, что Огневица окажет нам честь, и поприсутствует на обряде?

Вожак не торопясь отвечать, посмотрел на меня. Дубры тоже уделили мне все свое внимание.

Поймав мой беспомощный взгляд, Свер едва заметно улыбнулся:

— Решай.

Вот так вот взял и бросил меня на произвол судьбы. Что значит решай? Как я могу что-то решать, если знать не знаю, что там на этом их обряде будет? Неужели он не мог просто взять и сказать им нет? Почему он меня не спас? Я же безотказная, я же не смогу...

— Хорошо.

Дубры остались полностью довольны моим ответом, а Свера он почему-то ничуть не огорчил. И только я одна ругала себя за то, что сказала совсем не то, что хотела. Когда-нибудь я обязательно научусь отказывать без колебаний...

Когда за посетителями закрылась дверь, я тут же потребовала подробностей.

— Что за обряд такой? На празднике меня убивать не будут?

— Подношение даров, — равнодушно пожал плечами Свер. Все время, что дубры находились в доме, он возвышался надо мною, замерев в шаге от стола, и теперь тяжело опустился на табурет. Опершись локтем о стол, потёр глаза и равнодушно пояснил, — тебе, как Огневице, была бы предоставлена честь босиком пронести по ковру из раскаленных углей обескровленного петуха и бросить его в огонь, разведенный перед идолом Смага.

Поежившись, я опасливо понизила голос:

— Зря я согласилась на празднике присутствовать, да?

— Не бойся, — Свер улыбнулся, — этой ночью Огневицы у них не будет, и ковра из углей тоже. Ничего страшного не случится.

Вот он вроде улыбался, пытался меня приободрить, а я прекрасно видела, как он устал. Если поход давался ему легко, то последние дни явно были не из простых. Не привык Свер нянчиться с больными, вымотался.

— Тебе бы поспать.

— Да, — кивнул он, — пора ложиться. С рассветом выезжаем.

Я как-то упустила из виду, что с рассветом вставать придется не только Сверу, но и мне, потому утром чувствовала себя особенно паршиво. Болезнь, которая ночью, казалось, отступила, утром вернулась вновь, и невыспавшаяся, несчастная я страдала от кашля, насморка и противной слабости в коленях.

Все было настолько плохо, что Алису даже пришлось помогать мне забраться в телегу, где я мужественно мерзла, пока мы не выехали из деревни и не отъехали на достаточное расстояние.

Тогда Свер остановил своего коня, заставив всех притормозить.

Я к тому моменту почти уснула, застыв на зыбкой границе между сном и явью. Хотелось спать, но неприятный холод, вопреки всему, не подталкивал меня ко сну, а, наоборот, мешал.

Мучаясь на краю реальности, я не заметила, как удивленно всхрапывавшего коня, обряженного в дорожную узду, привязали к телеге, в которой я ехала, осознала, что происходит что-то странное, только когда ко мне в гости забрался наш теплый вожак и начал меня ворочать.

— Ты что делаешь?

— Алис сказал, что ты дрожишь. Если так дальше пойдет, никогда не выздоровеешь.

— И ты греть меня будешь?

— Да.

Я не то, чтобы была против, я была обеими руками за, но не спросить не могла:

— А кто нас поведет?

— Алис.

— Вот так новости.

— Яра, — глухо попросил Свер, наконец-то прекратив меня тормозить, — замолчи.

И кто я такая, чтобы спорить с самоотверженным, а главное — теплым вожакom?

Замолчала и вырубилась, не успев даже осознать, с каким энтузиазмом вцепилась в Свера, лишая его всякой возможности сбежать.

Мне снился Тротил — замечательный, бабушкин пес дворняжкой породы, я это знала точно, хотя, проснувшись на привале, едва ли могла бы вспомнить свой сон. Но крепкое ощущение присутствия рядом огромного и доброго пса не отпускало меня еще долго. Я чувствовала себя в безопасности, и изо всех сил цеплялась за это чувство, ища глазами Свера, которого увел, сославшись на дела, Алис.

Так хорошо мне уже давно не спалось, и я хотела поблагодарить за это вожака.

Уже вечером, в густой темноте, когда мы подъехали к деревне Дубров, поняла, что едва ли так же хорошо смогу выспаться в ближайшие дни.

Только не в таком «милом» месте.

Деревню укрывал высокий, черный забор и такие же черные ворота, на воротных столбах которых были прикреплены изрезанные рунами бычьи черепа. Красный огонек замкнутого обережного круга тлел в пустых глазницах. Если бы не яркий свет факелов, освещавших и ворота и часть стены, и даже укрытую снегом землю, я бы едва обратила внимание на эти красные блики, но огонь горел, позволяя разглядеть жутковатые обереги и оценить мощь собранной в них силы.

Ворота нам открыли раньше, чем мы вступили в свет факелов, демонстрируя полную готовность встречать своего князя с почестями.

Борясь с желанием вытереть нос о шубу вожака, я крепко держалась за Свера, старательно вытягивая шею, чтобы хоть что-то разглядеть из-за его плеча.

На коня меня пересадили с час назад, и за это время я, кажется, успела себе что-то натереть, но даже это не могло уменьшить моего любопытства.

Очень интересно было, что это за деревня такая, в которую мне не стоит въезжать на телеге.

Объяснить внятно, почему я не могу к Дубрам приехать так же, как и в остальные деревни, вожак не посчитал нужным. Только сказал:

— Ты Огневица, а не часть назначенной подати.

— То есть, как в другие деревни въезжать, так я могу и податью побыть, наравне с зерном, а как к Дубрам приехали, так сразу Огневицей стала?

— Да.

Если бы я уже не знала, что многобожие только осложняет жизнь, и на территориях, поклоняющихся разным богам, разные правила и законы, обиделась бы. Но я не зря два года в университете стулья попой полировала, и единственное, чего Свер от меня дождался, это все еще хриплого из-за болезни, но вполне бодрого:

— Ладно.

Только въехав в ворота поняла, какая же я все таки молодец. Сидя за спиной у вожака, цепляясь за его шубу, я почти не боялась тяжёлых, жадных взглядов, которыми нас провожали. Те тощие, жуткие дубры, которым предстояло вернуться в свою деревню только завтра, оказывается, были еще тепло одеты.

— Вот это я понимаю, вот это они закаляются, — тихо бормотала я, крепко прижавшись к спине Свера.

Староста, такой же тощий, как и все остальные, в тонкой рубахе и штанах, больше похожих на бриджи, встретил нас на крыльце своего дома.

Держа в руках широкую, глиняную чашу, полную воды, он поклонился Сверу и сильным, хорошо поставленным голосом проговорил:

— Пусть будет светел твой путь, Волчий Князь. Не серчай и позволь первый глоток звездной воды сделать дочери Смага.

Свер не возражал. Странно хмыкнув, он только кивнул головой.

О том, что звездная вода, как пафосно звали ее дубры – это всего лишь колодезная вода, всю ночь простоявшая в ритуальной чаше под небом, я узнала многим позже и от Алиса. А в то мгновение, я знать не знала, что звездной она зовется от того, что в нее ночью якобы звезды смотрелись, была смущена странной веселостью Свера — кто ж мог хотя бы предположить, что его просто выражение моего лица позабавило — и очень опечалена.

Горящую воду я уже пила, теперь меня заставляли пить звездную.

Как будто обычной воды им мало.

— Свееер, Свееер... ну, Свееер...

Впервые за наше унылое путешествие меня поселили не с нашим вожакон, отчего я очень страдала.

Я, как Огневица, дочь Смага и сильно почитаемая нечисть, была устроена в доме их жрицы.

Старая, тощая, очень похожая на скелет, живущий в кабинете анатомии нашего славного универа, с цепким, странно знакомым взглядом ясных серых глаз, меня вообще ни разу не воодушевляла на долгий отдых.

Да, глаза ее были похожи на глаза Йолы, но это совсем не располагало к женщине, даже наоборот.

Мне было некомфортно рядом с ней, и совершенно неуютно в ее доме. И дело было даже не в скудной обстановке, и не в соломенном тюфяке, на котором мне предлагалось спать, просто ощущение было такое же, как и в доме нашей знахарки.

Словно я переступила черту и больше не нахожусь в мире живых.

Возможно, настоящей нечисти в таком месте было бы очень комфортно, но я, промучившись добрых три часа, дождалась, пока жрица, звали которую Йера, уснет, и сбежала, оставив в ее доме и тулуп и платок... и сапоги бы тоже оставила, но уж очень холодно по снегу босиком бегать.

Стоило только выйти во двор, соскочив с крыльца, и вдохнуть полной грудью свежий, морозный воздух, как мне полегчало. Слабая паутинка, опутавшая мое тело порвалась, казалось, я даже слышу сухой треск, с которым лопались нити. Одна за другой.

Искать нашего вожака мне не пришлось, я и так знала, что ночует он в доме старосты. Вот только дверь в его дом оказалась заперта, и некому было мне открыть.

Потому, ежась от холода, пришлось ходить под окнами и страшно завывать, едва надеясь, что Свер меня услышит.

Возвращаться обратно в дом жрицы не было никаких сил. Мне проще было замерзнуть под закрытой дверью насмерть, чем вернуться в то тревожное место.

— Свееер...

Окно резко открылось, заставив меня вздрогнуть, и в темном проеме, ежась от ночного холода, показался Алис.

— Ярка, совсем сдурела? Ты чего здесь ходишь, воешь?

— Пустиите погрееетсяя, — жалобно протянула я, шмыгнув носом.

Алис обернулся в комнату, кажется, один недовольный волчара отдавал ему указания.

Лис хохотнул, но быстро соорудил сочувственную мину и признался:

— Не завидую я тебе, подруга, — потом хмыкнул весело и сказал, — ну что, пошли к двери. Открою.

Я энергично закивала головой, ничего не боясь и просто радуясь, что в этой деревне предпочитают дома строить большие, но одноэтажные. Ночуй князь на втором этаже, едва ли докричалась бы.

В сенях, с одеялом наперевес, меня уже ждал хмурый Свер.

— Скажи-ка мне, Огневица, с каких пор ты из хворой человеческой девки превратилась в нечисть? — спросил он, еще на пороге принявшись заматывать меня в одеяло.

— Да вот как меня в доме жрицы поселили, так и превратилась, — проворчала я, послушно крутясь в его руках, стараясь облегчить Сверу заматывательный процесс.

— Вот бы она нечистью и правда была, — тихо и весело протянул Алис, наблюдавший за всем со стороны, — а коли она девка простая, так изведешь ведь горемычную. Ласковый ты наш...

Свер на него только цыкнул, но крутить меня стал осторожнее.

— Не могу я у Йеры ночевать, — пожаловалась негромко, когда меня усадили на расстеленную постель в дальней комнате. Судя по всему, заняла я место лиса, который устроился прямо на полу, беззаботно привалившись головой к моему колену, — лучше уж на улице, или в конюшне, но только не у жрицы.

— Тоже темный дух чуешь? — с жалостью погладили меня по голени.

— Ага.

— Тяжко тебе будет завтра ночью на празднике.

— Это еще почему? — встрепенулась я, обеспокоенная словами Алиса.

— Сегодня, так уж и быть, ляжешь здесь, а завтра подумаем, что с тобой делать, — постановил Свер, не дав лису совсем меня застрашать. Зря, наверное. Если бы я знала, чего мне ждать, то, может, не беспокоилась бы так сильно, — занимай мою кровать.

— А ты?

— На полу лягу.

Я просто умилилась его самоотверженности, но лично мне, как еще больному человеку, очень хотелось иметь большую и теплую грелку.

Когда я выдала эту мысль на всеобщее осмысление, Алис только гыгыкнул и скромненько сообщил, что он тоже тепленький, за что тут же получил по макушке и приуныл. Потому что Свер был больше, и теплее, и точно во сне не толкался.

Не знаю, что там себе подумал староста, когда в комнате, в которую вечером положили двух оборотней, появилось третье неучтенное тело, но поутру смотрели на меня все с уважением.

Еще бы, это ж значит, что я настоящая, всамделишная, стопроцентная Огневица, а не какая-то там мелкая нечисть, раз смогла в дом войти. Да не просто в дом, защищенный обережными символами, но для надёжности еще и на железный замок закрытый.

Все почему-то делали особый акцент на то, что замок был именно железный, и смотрели на меня восхищенно-восхищенно. Напрягающе так.

Ну да, нечисть с железом не дружит, ну да, обереги меня и на порог пустить не должны были, ну да, я типа Огневица.

— Он тебя к себе привязал? — обеспокоенно спросила Йера, поймав меня после обеда во дворе. Пока я куталась в теплый тулуп, она разгуливала в тонком платье из черного льна, подпоясанная плетеным пояском. Брошка у нее была серебряной, с двумя полосами. В то время как у большинства жителей здесь, как я успела заметить, они были латунными и насчитывали четыре, а то и пять полос.

У старосты, как и у дубра, встреченного нами в деревне Стравичей, был золотой круг с одной полосой. Я не спрашивала у Свера, что это значит. И так ясно, что таким образом у них иерархическая структура обозначается, и это было очень занимательно. Странно и непривычно, но интересно.

— Кто привязал? — не поняла я.

— Князь, — и столько сочувствия было в ее взгляде, что мне даже не по себе стало, — не по доброй же воле ты к нему сквозь защиту и железо прошла.

— Вообще-то, по доброй.

Попытка осторожно отнять свою руку, в которую она крепко вцепилась, успехом не увенчалась. Впору было звать на помощь.

— Но как же?

— Да вот, как-то так получилось. Сама пошла, сама ему служу и вам советую.

— А как же Смаг?

— А Смаг, — сказала, опасливо покосившись направо, туда, где по моим ощущениям, стояло капище их бога. Я вполне обоснованно боялась наказания за такую наглость, в то же время надеясь, что ничего мне не сделают. Волчица же со мной мирится как-то, может и Смаг как-нибудь перетерпит, — не запрещал.

— Яра! — вожак наш, спаситель мохнатый, появился как нельзя кстати. Я уж думала, что никогда она мою руку не отпустит, но вот, раздался его сильный голос, Йера вздрогнула и разжала пальцы, возвращая мне свободу. — Иди сюда.

— Князь, как вы видите, зовет, — радостно улыбнулась я и поскакала по промерзлой земле, кое-где укрытой утоптанном снегом, к Сверу.

— Звал, Волчий князь? — весело осведомилась я. Вчера, впервые только услышав, как к нему здесь обращаются, я опасалась, что это признак неуважения. Но нет, Волчий князь — он Волчий князь и есть. Для дубров такое обращение — знак запредельного уважения.

— Звал, — кивнул он, проигнорировав мою улыбку, — пойдем.

Хорошее настроение меня покинуло быстро. Собственно, не стало его аккурат в то мгновение, как я поняла куда меня ведут.

Я искренне считала, что на капище Смага мне делать нечего, и совсем не хотела к нему идти. Свер считал иначе и, если учесть кто из нас был большим и сильным князем, мое мнение в расчет не бралось.

— Ты должна все увидеть до начала праздника, чтобы потом не испугалась.

Не испугалась... ага, молодец. Именно с такими словами и нужно вести впечатлительных девушек в странные места.

Совсем не страшно же после таких заявлений становится.

— Знаешь, Свер, хочу тебе сказать, не получилось у тебя подготовить меня вот к этому вот. — Идол Смага (страшного трехглазого дядьки с оскаленной пастью и кропотливо вырезанными треугольными зубами) и при свете дня был тем еще страшилищем, а уж ночью, в свете костров, и вовсе наводил жуть. — Желание просто сбежать отсюда куда подальше невероятно велико.

Жрица, одетая в одну тонкую рубаху черного цвета, крепко сжимала в худых пальцах бубен, обтянутый бычьей кожей.

Красная краска, которой был покрашен оскаленный рот и страшные, выпученные глаза идола влажно, неприятно поблескивала в свете костров.

— Это еще что, — усмехнулся Алис, нервно грызший ногти, — сейчас обряд начнется, и мы с тобой вместе точно побежим.

Тощие, одетые в черное фигуры застыли перед ликом своего бога. Их было много, вся деревня, женщины и мужчины, даже несколько стариков, из тех, что пободрее, все пришли к костру (мне очень хотелось сказать — погребальному).

Мы втроем, как дети чужого бога (вернее, богини), стояли позади всех, не дойдя до толпы шагов пять.

Сначала я думала, что за всеми этими спинами едва ли сумею толком разглядеть то, что творится там, на капище, у центрального костра, а потом Йера ударила в бубен.

И с первыми звуками все, как подкошенные свалились на землю.

Ощущение чего-то неотвратимого навалилось на плечи, грозя захватить, поглотить и утащить с собой. Я ощущала себя незначительной щепкой, выброшенной в открытое море.

Удары не прекращались, бубен гудел и дрожал в тонких руках, звук его то ускорялся, то замедлялся, почти стихал, проходясь по телу холодной дрожью.

Люди. Черные спины.

Худые руки, в такт странной и страшной, рваной мелодии, ударяли по плечам склонившихся рядом. Они были темным, бурлящим потоком, поднимались вверх, выгибая спины, утыкаясь лбами в снег, опадали вниз, вжимаясь в землю, и снова ударяли склоненных, почти лежащих товарищей, ладонями по плечам.

Я ощутила, как земля уходит из-под ног, чувство опасности душило, царапая горло едва сдерживаемым криком. Чтобы удержать последние крупницы мужества, я ухватилась за крепкую, горячую ладонь Свера. Только он казался неизменным в этом странном, распадающемся на части мире.

— Держись, — велел он, сжимая мою ладонь.

Полегчало, в ушах больше не бился гул растревоженного бубна, я слышала тяжелое дыхание распластанных на земле людей, различала глухой, срывающийся и совершенно непонятный шепот Йеры.

С трудом повернув голову, смогла даже посмотреть на Алиса, бледного, чуть покачивавшегося, но упрямо стоящего на месте.

Ему, так же как и мне, хотелось бежать прочь от этой странной, давящей силы.

Волчица, по сравнению с Смагом, была просто образцовой богиней. Добрая, великодушная, не прессующая своих детей божественной силой.

Пожалуй, после того, что я только что пережила, Волчица уже никогда не будет казаться мне страшной. Милая, мохнатая прелесть. Ну, просто как наш вожак, только самка.

Когда Йера отбросила бубен и с благоговейным трепетом опустила в костер тушку черного петуха, почти сунув руки в огонь, и обессиленная свалилась на землю, я шепнула Сверу, привалившись к его плечу:

— Вернемся, надо будет Волчице пирожок отнести.

Он на это только фыркнул, зато Алис изъявил желание, поучаствовать:

— Вместе к ней пойдем, — решил он, потерев шею, — я для нашей Мано-Аль кабана поймаю. Хвостом клянусь.

Меня это его заявление позабавило.

— Ну, я-то понятно, чего такая впечатлительная, а у тебя какое оправдание?

— Сила, она сила и есть, ей нет разницы на кого влиять. Я, знаешь ли, раньше предпочитал не присутствовать на обряде. — огрызнулся Алис. — Всегда ограничивался послеобрядовым пиром и прыжками через огонь. А сегодня решил за компанию пойти, дурак.

— А будет пир? — оживилась я, хотя всего минуту назад боролась с тошнотой и головокружением, пытаюсь собрать воедино разваливающуюся на части реальность.

Алис неизбежно рассмеялся и многообещающе кивнул.

Один плюс во всем этом, конечно, был. После такой встряски удивить меня было уже очень сложно.

Я, блин, на празднике Ночи Смага побывала, я не только их традиционный смаг пила — по вкусу, к слову, стопроцентный самогон, но еще и на обряде присутствовала. Выстояла, так сказать, самую тяжелую часть праздника. Вот все валялись, а я стояла.

Молодец же.

После такого поездка уже не казалась мне мучением. Так, увеселительная прогулка. Ну да, холодно, неудобно и спать почти все время хочется. Зато дышится легко и на плечи ничего не давит, прижимая к земле.

Не так уж и плохо жить, если задуматься, особенно, если твоя богиня — Белая Волчица.

Глава 12

— Домой, домой, домой, домоооой, — я вся извелась и почти извела всех вокруг. Многие уже посматривали на меня с плохо скрываемой жадной кровью.

Но есть ли дело до чужих взглядов тому, кто возвращается домой? Там же Ашша уже, небось, измучилась вся, да и Берн должен был вернуться. И узнать бы, как там Латис, не закормила ли его еще Рала? И что с Наи?

В гостях, как известно, хорошо, но дома столько всего ждет.

Список покупок для змеевидицы уже давно и надежно превратился в нечитаемый, истерзанный клочок бумаги. В нервном нетерпении мне нужно было занять чем-то руки, и я их заняла.

— Вот в следующем году за податью поедем, — посмеивался Алис, забавляясь моим нетерпением, — послушаем, какие кощунства о тебе сложат. Прошлась по землям оборотничьим Огневица — душа лесных пожаров, к волчьему князю привязанная...

— Не поеду я с вами в следующем году, — оборвала я его мечты, — сам послушаешь, а потом расскажешь, что там наврут. А я лучше в тепле посижу.

На небе, в бескрайней синеве, прозрачной и чистой, какая случается только зимой, не было ни облачка. Солнце щедро сияло, слепя глаза, искрясь на снегу острыми бликами, морозный воздух заодно щипал щеки и нос. А впереди нас ждала Пограничная деревня.

— Домой, — еще раз шепнула я, жадно вглядываясь в вырисовывающуюся вдаль линию высокого забора.

Да только дома что-то было не так. Там нас ждали чужие.

Три оборотня: два волка и рысь встретили нас на дворе вожака.

— Вот, Светлый Князь, — прогудел Берн, после того, как наздоровался со всеми. Даже мне перепало крепких, медвежьих объятий, — принимай новую кровь.

Новая кровь мне не нравилась, чудилось в ней обещание скорых неприятностей, но опасения мои казались Сверу беспочвенными.

Прислушаться к интуиции фальшивой нечисти он не счел нужным, да и я, узнав о героических подвигах новеньких оборотней, тоже перестала доверять своему чутью. Даже стыдно стало за то, что я о таких смелых молодцах плохо подумала.

— Они ж седмицу тому как поперли, — с приятным удивлением, словно не веря еще в то, что увидел, пересказывал нам случившееся Берн.

Медведь с трудом дождался, пока Свер разберется со всеми делами и сможет присесть за один из тяжелых столов в своем доме.

На дворе стоял ранний вечер, но на первом этаже уже было не протолкнуться. Князь приехал, вожак вернулся, у всех сегодня намечалось гулянье.

Я же, притаившись в углу, сидя между радостной Ашшей и каким-то задумчиво-рассеянным Наи, так же, как и двадцать оборотней, ходивших со Свером за податью и не заставших очередное открытие прохода, с любопытством слушала рассказ Берна.

— Мы только вернулись, камни еще разобрать не успели, как они под наше солнце вылезли. Повезло, никак Волчица нас подгоняла, замешкались бы хоть на день, могли не к себе в дом — на пепелище вернуться. На сей раз выходцев трое было.

При этих словах Наи напрягся и рассеянно потёр плечо. Там, под одеждой, нанесенная глефой хту-наа, медленно заживала глубокая рана.

Как он ее заработал, Наи не сказал, только улыбнулся странно, а Ашша пообещала, что скоро я все узнаю. В подробностях.

И вот, сидела, узнавала.

— Если бы не этот доходяга, — Берн бросил благодарный взгляд на нашего личного, обжившегося уже, выходца. Тот все еще не понимал большую часть слов, но как-то уловил, что его только что грубо приласкали, и оскалился, — с меня бы шкуру сняли. Пока мы одного со стены сбросить пытались, второй уже с другой стороны лез. И все легкие, быстрые, тихие. Мерзость иномирная. Одного из этих Трав подстрелил, у парня глаз меткий.

Похлопав по плечу своей огромной ручищей худого и хмурого парня, отличавшегося от своих приятелей не только темным волосом и глазом, но и звериной сутью.

Если светлоглазые и русые оборотни перекидывались в волков, то этот был рысью.

— Еще и твари их мешались, будто яростнее предыдущих были. Сами под топоры бросались, от стрел не думали уворачиваться, и ударов камней не замечали.

В голосе оборотня слышалась тревога. Не было такого раньше, чтобы за раз сразу три выходца прошли, да еще с войском, увеличенным в разы, а теперь приключилось.

И значить это могло только одно — проход расширяется.

— Яра, — тихо позвал Наи, крепко сжимая мою руку холодными пальцами, — тропу необходимо закрыть как можно быстрее, иначе беда будет. Я чувствую.

— Не ты один, — ответила я, не отводя взгляда от потемневшего лица Свера. Что-то изменилось, это понимали все, но немногие знали, как можно это исправить.

Вожак знал. Не до конца верил, что получится, но знал. Оставалось только решить, кто при следующем открытии прохода пожертвует своей жизнью, чтобы навсегда его закрыть.

Надежды на то, что хоть кому-то удастся подорвать туннель с той стороны и вернуться домой живым, не было.

Свер это понимал, Наи это понимал, и даже я это прекрасно понимала, вот только изменить ничего не могла.

А новая кровь, сидевшая рядом с Берном, спокойно слушала его историю о том, что они пережили.

Утро не задалось.

Наш неутомимый вождь, поднявшийся ни свет ни заря, застал на пороге своей комнаты пушистого вредителя. Латису скучно жилось, ему хотелось экстрима, он решил вздремнуть под дверью самого главного оборотня. Нерастроченные девять жизней жали глупую кошачью душу.

Свер нежданной встрече был не рад, вот только попытка за шкуру вынести наглого вторженца во двор, успехом не увенчалась.

Латис взвыл, стоило только сильной руке вздернуть его вверх, и именно от этого воя я проснулась. Подскочила на кровати с быстро бьющимся сердцем, пытаюсь понять, закончился ли снившийся мне кошмар, в котором толпа беззвучных настойчивых ведьм гнала меня по ночному лесу, или этот страшный звук — его неутешительное продолжение.

Истощный мяв убедил в том, что я уже не сплю, и кого-то нужно спасать.

К тому моменту, как я выбралась из кровати и, ежась на холоде, на пальцах добежала до двери, Латис успешно спас себя сам.

Разодрав в кровь руку Свера, он быстро и совсем не гордо сбежал, впечатавшись в стену на повороте к лестнице. Занесло котяру, тяжелый уж больно.

— Руку обработать... надо, — пробормотала я, любясь глубокими, длинными царапинами. Латис постарался на славу.

— Откуда в моем доме это отродье?

— Ну так... как бы... — лицо у Свера сделалось просто непередаваемо угрожающим. Настолько, что я с трудом удержала себя на месте. — На кухне, наверное, опять дверь неплотно прикрыли. Она же там даже от ветра отвориться может, если ее не прижать. Вот кот и пробрался.

— Шкуру с Ралы спущу, — кивнул своим мыслям Свер.

О том, откуда он узнал, что у наглой отъевшейся туши существует хозяин, и кто он есть, я даже не думала спрашивать. И так ясно, что по запаху. Это мне, с моим сопливым носом можно сколько угодно нюхать, я все равно ничего не унюхаю, а у Свера все по-другому. Он любой запах чует. Волчий сын, как его с нежной ненавистью назвала жена Бельника. Сказано, разумеется, это было не мне. Так, вырвалось случайно у бедной женщины крайне точное замечание. Потом, правда, осознав, что ее высказывание слышала я, она очень пожалела и долго боялась, что я по доброте душевной и из верноподданнических чувств расскажу все Сверу. А я не рассказала. Не потому, что мне недружелюбную и неприятную женщину было жалко, просто жожака не хотелось расстраивать, если «волчий сын» - это все же ругательство.

— Спустишь, — покорно поддакнула я, — только давай сначала руку тебе обработаем.

Выйдя из комнаты, я уже морально готовилась морозить пятки, но была остановлена усталым приказом жожака:

— Оденся.

Обеззараживающий отвар хранился внизу, на кухне. Что меня совсем не удивляло, я с детства привыкла видеть бюджетный филиал аптеки в холодильнике, и соседство лекарств с едой казалось мне вполне естественным.

— Ага, ты только кровью не истеки, — потребовала я, метнувшись обратно в комнату. Сонный мозг сам, без подсказки, как-то не смог сообразить, что его непутевой хозяйке неплохо было бы утеплиться, прежде чем спускаться на первый этаж.

Этим утром я придумала для себя новое суеверие: день, начавшийся с обрабатывания ран жожака, окажется неудачным.

— Ты, что ли, Пограничная Огневица?

И «новая кровь» охотно и с видимым удовольствием, подтвердила мое суеверие.

— Ну, предположим.

— Нечисть, — не унимался один из пришлых волков. Я не запомнила, как его зовут. То ли Рахис, то ли как-то еще.

— Мыгым.

— И волосы у тебя жгутся? — Потянул он свою руку к моей голове.

— Лапы при себе держи, — рывкнула я, звонко хлопнув по протянутой ко мне конечности.

Настырный волк забавно фыркнул, тот что рысь и меткий, заржал, а второй волк с неприятными серыми глазами даже не улыбнулся.

Оборотни вели себя как дикие. Зажали меня у забора, когда я в библиотеку шла и давай приставать с глупыми вопросами. И пока двое меня доставали, третий просто смотрел. Лениво и изучающе, его-то и звали Рахис. А тот, что получил по рукам, отзывался на имя Девр.

— Точно нечисть, — обрадовался он.

— И как же ты это понял? — с легкой издевкой спросила я. Взгляд Решиса раздражал, вселял неуверенность в себе и желание сбежать. А бежать было некуда. Зажали гады, отрезав все пути к отступлению.

Меня это злило.

Сначала меня боялись, потом со мной смирились, теперь, вроде бы, многие даже любили, и никто и никогда еще так нагло себя не вел.

А эти, дикие, словно и знать не знали, что нечисть бояться надо. Смеялись, шутили, все норовили меня потрогать.

— Яра!

Спасением моим оказался Наи. После нашествия выходцев и его славного с ними сражения, отнятая некогда глефа была возвращена законному владельцу.

Теперь он мог вернуться к тренировкам со своим оружием, чем и собирался заняться.

— Я иду. Ты со мной хотела, не передумала еще?

— Нет!

Девр нехотя отступил, освобождая мне дорогу. Ссориться с неуязвимым хту-наа дураков не нашлось, даже среди этих троих остолопов.

Бодро хрустя только выпавшим снегом, я поскакала к выходцу, быстро поправляя съехавший с головы платок.

Каким бы чужим Наи не был для этого мира, но мне казался близким, чуть ли не родным. Многим надежнее любого из этих трех оборотней. Возможно, надежнее даже, чем Берн.

Я не знала почему так. Быть может от того, что оба мы были чужие здесь, а может существовала и другая причина.

Но сейчас, в это мгновение, больше рада я была бы разве что только Сверу.

Тренироваться Наи предпочитал в низине у реки. Вся вольха, растущая рядом с рекой в этом месте, уже была хорошенько изрублена, белые шрамы ясно выделялись на темной, грубой коре.

Наи не ставил себе целью срубить деревья, но в скором времени именно это и должно было случиться.

— Ты почто деревца мучаешь? — возмутилась я, увидев его тренировочную площадку. — Лесоруб-любитель.

— Ваша древесина слишком мягкая, — будто оправдываясь, сказал он, закинув глефу на плечо, — наши деревья так легко не рубятся, и я все никак не приучусь достаточно сдерживать силу.

Пока я сидела под самой забитой вольхой, грея озябшие руки дыханием, Наи разминался на небольшой поляне.

Зрелище это было... запоминающееся. Лёгкая, тонкая фигура, одетая в темное, изгибалась и взлетала вверх, длинные волосы, заплетенные во множество тонких косиц, не поспевая за хозяином, белым хвостом мешались за спиной. Шипов, спрятанных среди косичек, не было видно и в помине.

Глефа сверкала в воздухе заточенным острием, ловя холодные блики зимнего солнца.

Это был настоящий танец. Я могла восхищаться, могла завидовать, но повторить не смогла бы при всем желании. Хотя такое дивное зрелище и толкало на невероятные поступки.

Например, попросить о том, о чем я хотела, но боялась попросить Свера.

— Наи, — дождавшись, когда он закончит свой танец, я смущенно спросила, — а из лука ты стрелять умеешь?

— Конечно.

— А научишь? — мне тоже хотелось уметь защищать себя, но здраво рассудив, что меч или топор — не подходящее для меня оружие, решила выбрать оптимальный вариант.

Как оказалось позже и исключительно со слов Берна, подходящего оружия для меня просто не существует в природе

— Руки твои кривые, глаза твои косые, — ворчал медведище, щурясь на целехонькую, еще ни разу не продырявленную дощечку — мою мишень, — и сама ты нескладная, разладная.

— Будешь и дальше над ухом зудеть, в тебя прицелюсь, — раздраженно пригрозила я, растирая плечо. От непривычного напряжения руки противно болели, — и с такого расстояния не промахнусь.

Я уже раз сто успела пожалеть о том, что попросила Наи меня обучать. Ходила бы и дальше стрелковым премудростям не обученная, зато нервы были бы крепче. Посмотреть на мои занятия захотела любопытная Ашша, а за ней приперся Берн, который, разумеется, за компанию притащил и Свера. Развлечь хотел вожака моим неумением.

И если в первый день обучения у меня получалось хоть что-то — например из десяти стрел засадить, пусть и в край дощечки, хотя бы одну, то сегодня дело совсем не ладилось.

Свер смотрел, я не хотела перед ним облажаться и против воли уже дюжину стрел послала в снег. Целая мишень обидной насмешкой висела между деревьев.

— Руки слабые, — вынес вердикт Свер, — лук тебе не подойдет, хочешь стрелять, возьми самострел.

Меня это не то, чтобы обидело, я и сама уже давно поняла, что хорошим лучником мне не стать. То, что со стороны казалось простым, на деле было сложной наукой. И проблема было не только в слабости рук, просто я так и не смогла для себя уяснить, как нужно правильно хвататься за тетиву, постоянно чего-то боялась, пуская стрелу, и вечно во всем сомневалась.

А наш вожак просто оказался достаточно сострадательным, чтобы не топтаться по моим чувствам, озвучивая все мои недостатки.

— На этом стоит закончить, — решил Свер, взглядом велев Ашше забрать у меня лук. Стрелы собирал Наи, пока Берн отвязывал мишень. Все были при деле, и только лишь одна змеевица стала свидетелем того, как, ничего не говоря, наш загадочный вожак потащил меня куда-то за собой, крепко держа за руку и ничего не объясняя.

Я покорно следовала за ним, с трудом пробираясь сквозь снег, доходивший мне почти до середины бедра. Не выбирая легких путей, Свер потащил меня к капищу прямо через небольшую березовую рожицу.

Заговорил он, только лишь когда идол Волчицы можно было разглядеть во всех деталях.

— Сегодня последний день в этом году, когда праматерь смотрит на нас, — пояснил он, проводя меня мимо деревянных, стабильно недружелюбных, стражей, — рассказывай, что хотела.

— А? — прошло достаточно много времени, чтобы я успела забыть о многом. Например, о том, что планировала ему во всем признаться.

— Ведьмы. Что им от тебя надо?

Ведьмы были далеко, опасности я не чувствовала и не очень хотела рассказывать ему об одной значительной встрече с хту-наанским жрецом.

Но я обещала, а Свер смотрел так терпеливо и спокойно, что не рассказать я просто не могла.

— Говори, что у тебя за беда?

— Это не то, чтобы беда... — неуверенно начала я, но потом просто плюнула на все и рассказала, как оно так получилось, что я могу разговаривать с выходцами.

Нет, конечно, официальное объяснение моих несомненных талантов уже было озвучено еще в самом начале. Все списали на то, что я нечисть, и никто этому не удивился. А Свер просто не спрашивал. Станный он был, нелюбопытный.

Я ему об этом даже как-то сказала, на что получила весьма однозначный ответ.

— Зачем мне знать то, чего ты не хочешь рассказывать? Я чувствую, что ты не опасна, этого достаточно.

И сейчас, рассказывая ему о светлячке, я очень надеялась, что ничего не изменится, и он не пожалеет о том, что не узнал обо все сразу.

О том, что воины, в отличие от жрецов, имели более сильные тела и толстую кожу, Сверу было известно уже давно. Наи не поленился рассказать о своем мире многое, например то, что их светило почти не греет и едва светит, и, в отличие от нашего солнца, не жжется.

Но вот чего наш вожак точно не знал, так это того, что жрецы все же хотят попасть в этот мир, чтобы наконец все закончить.

Если я правильно поняла светлячка, а я очень надеялась, что не ошибаюсь, они смирились с тем, что их изгнали из этого мира, и не одобряли попыток своих воинов вернуться в него силой.

— Если они придут раньше, чем мы придумаем, как закрыть проход, то я их выслушаю, — пообещал Свер, когда я закончила рассказывать о том, с какой, собственно, целью, светлячок наградил меня переводчиком.

Меня это вполне устраивало. Хотя и были некоторые сомнения, что жрецы успеют морально и физически подготовиться для выхода в этот мир.

— Это все, конечно, замечательно, но можно я теперь задам тебе один вопрос?

Свер, удивленный тем, что я прошу разрешения на вопрос, кивнул, чуть заметно улыбнувшись.

— Что значит «последний день, когда праматерь смотрит на нас»?

— Через три дня конец года, — пояснил он, уже давно перестав удивляться тому, что я не знаю элементарных вещей. Иногда Свер забывал, что я не из этого мира, пришла сюда не так давно и мало что еще знаю. Но, как правило, помнил, что я пришла, и честно старался все объяснить, — с концом года она уйдет на покой и проспит до первого полнолуния нового года.

— И что, вы все это время будете без защиты богини?

Поразительно, но факт: меня действительно беспокоило то, что Волчица не будет присматривать за нами аж целых несколько недель.

— У нас есть хранители, — Свер улыбался, просто стоял и лыбился, ясно улавливая все мои эмоции. Его забавляло то, как я, совсем недавно еще боявшаяся их мохнатую Мано-Аль, теперь переживаю из-за того, что она ненадолго нас покинет, — но если ты хочешь сдержать обещание и поднести ей дар, то лучше поспеши на кухню. Алис поутру ушел в лес на поиски достойной жертвы для праматери.

Пирог мне предстояло печь самой, и лучше было бы поторопиться. Потому что отказываться от своего обещания я не хотела, а все подношения Волчице делались либо на рассвете, либо на закате. А зимний закат — дело скорое.

Алис вернулся с охоты веселым. Потеряв где-то рукавицы, он нашел увесистого кабана. Пушистые уши, длинная морда, прямой хвост, он был совсем не похож на домашних,

откормленных свиней. Было в нем что-то дикое, гордое, что-то такое, чего не мог скрыть даже обычный, вполне свиначий пятачок.

— Готова идти Волчицу задабривать? — с веселым нетерпением спросил бравый охотник, свалив свою добычу на крыльцо у моих ног.

— Пироги только дошли, — отозвалась я, привалившись к плечу севшего на ступеньку рядом со мной лиса, — можно хоть сейчас идти.

Кухонные девки, когда только узнали, что я собираюсь делать, с охотой вызвались помочь советом.

В итоге вместо одного пирога Волчице я тащила целых два. Один с мясом, второй с вареньем. Щедрость и сладкое праматерь очень уважала.

Алис, подозрительно бодро топавший рядом со мной, словно не замечал тяжести своей недавно еще хрюкавшей ноши и уверенно вел меня на гору. Совсем не туда, где стояло капище их богини.

Я топала следом, обещая себе не удивляться, если обычные, не обрядовые подношения, они тут делают под каким-нибудь вековым дубом.

И не удивилась. Даже когда плоский, большой камень с выбитыми на нем резами увидела, не удивилась.

Я же себе обещала.

Кабана Алис кинул у камня, выхватил нож из-за голенища сапога и быстрыми, четкими движениями, не переставая что-то бормотать, вознося славу Белой Волчице, вскрыл кабана, разворотил ему ребра и бросил на быстро набирающем цвет, от впитавшейся крови снегу с вывернутыми наружу внутренностями.

— Пироги на камень положи и сказать не забудь, кому они и за что, — велел он, отходя в сторону. Нож и руки обтирать снегом, лежащим рядом с жертвенным камнем, он не стал.

— А может ты...

Алис фыркнул.

— Яра, пироги от кого дар? От меня или от тебя? Я свою жертву принес, теперь ты свою принеси.

Дрожащими руками я уложила пироги на камне, робко пробормотав слова благодарности.

Меня душил насыщенный медный запах, я была уверена, что случайно наступила на кровавый снег, оставив свой отпечаток, и чувствовала себя ужасно глупо.

Но сделала все, как велел Алис, не в лучшем виде, но хоть как-то. Я старалась.

И оборотень остался мной доволен.

— Молодец. А теперь домой, завтра подготовка к концу года начнется. Сегодня стоит отдохнуть как следует.

Подготовкой к празднику оказались по большому счету бессмысленные метания по деревне. Вернее, они, конечно, были не совсем бессмысленные, просто мне, как девочке на посылках, казалось, что меня просто так гоняют по всей деревне. Из Кузнечного переулка в Промышленный тупик, потом на Сдобную улицу к бабе Алае, являвшейся самым лучшим пекарем всех близлежащих деревень (которых, к слову, насчитывалось аж целых три), а в довершение, чтобы совсем мне весело было, к Сверу.

К жожаку меня послали за разрешением разложить на пустыре, где сходились Глиняная улица и Выделковый конец, большой костер.

— В «медведя» поиграем, — жмурясь от удовольствия, размечталась Ашша, провожая

меня к Сверу напутственными тычками, так как я не очень хотела идти.

Деревенские нашли себе новую зимнюю забаву, «нечисть на побегушках» называлась. Послать меня с каким-нибудь «важным» поручением не желал разве что ленивый.

И я бегала, потому что поутру еще заявила, что хочу быть полезной. Теперь уже слово назад брать поздно было.

— Вот иди и сама его попроси, — ворчала я, уворачиваясь от ее рук.

— Я не могу. Мне он не разрешит. Мы уже года четыре тут костер не раскладывали, с того раза, как Велен в огонь упал. Толкнули его или еще что, никто не знает, но Сверх запретил здесь игрища устраивать. Говорит, что тут дух нечистый сидит.

Убедившись, что меня ее слова не особо мотивировали, Ашша просительно сложила руки.

— Ну, сделай, что прошу. Тебе он не откажет.

Я сильно сомневалась в ее словах, но сдалась и пошла искать нашего вожака.

Сильный и бесстрашный волчий князь прятался от всех на пустой кухне. Нет, со стороны могло показаться, что он занят важными делами. Заваленный донесениями стол, по крайней мере, свидетельствовал именно об этом, но я-то сюда два часа назад уже забегала и эту же самую картину наблюдала. И за прошедшее время количество бумаг вокруг Сверх не изменилось.

— У меня к тебе деловое предложение, — с порога в бой ринулась я, — ты разрешишь костер на Звенящем пустыре разжечь, а я всем буду говорить, что ты занят, и чтобы тебя не беспокоили.

— Там костры жечь опасно, — пробормотал он, нехотя подняв на меня взгляд, — какая-то мелкая нечисть шалит.

— Ну, я же Огневица, что мне мелкая нечисть? Разберусь.

— Безголовица ты, — проворчал Сверх, но выдержать взгляда моих просящих глаз не смог. Вернулся к своим бумагам, недовольно велел: — Пусть костер закладывают, но чтоб не жгли его, пока меня рядом не будет.

Я радостно согласилась, еще не осознавая, что вечером в густой темноте именно меня пошлют искать вожака, что бы он дал добро костер разжигать.

Конец зимы праздновался совсем удивительным образом. Все дары и подношения, что деревенские хотели вручить своей волчице, были отнесены к жертвенному камню еще несколько дней назад. Сейчас же она спала, за дело взялись хранители, а нечисть, почуввав короткий миг свободы, выбралась из своих нор.

И не было в этот день, и даже в эту ночь никаких обрядов. Люди просто ходили по домам, угощались и угощали. Щедро разбрасывались ворохом искренних пожеланий и не жалели объятий.

И я, стоя посреди улицы, любясь яркими огнями, костров, и уютным светом, льющимся из окон домов, чувствовала себя сытой, затисканной и счастливой.

Меня не пугали густые тени, сбежавшие от света костров, сбившиеся в кучу и словно ставшие совсем черными, осязаемыми что ли. Не рождал зябкой дрожи вид уходящей в темноту дороги и волчий вой, раздающийся иногда на соседних улицах, или даже на этой самой, вызывал лишь улыбку.

Из дома вожака я выбежала совсем ненадолго. Глотнуть свежего воздуха и чуть остудить разгоряченное, покрасневшее лицо, и забыла вернуться в тепло.

Легкий снег, одинокими снежинками кружился в темноте, поблескивал в свете костров и ложился на мои красные волосы, не покрытые платком. Колючий мороз заползал под не застегнутый, наскоро накиннутый на плечи тулуп, и щипал кожу, а мне хотелось

смеяться.

Что-то большое и светлое, искрящееся и горячее росло во мне, желая вырваться наружу.

Я была по-настоящему счастлива и хотела обнять весь мир.

Мне не приходилось отмучивать свой долг на дежурных новогодних посиделках с семьей, стараясь не загнуться от тоски, слушая нудные разговоры родственников и заедая все это каким-нибудь фирменным салатом, или тратить время где-нибудь с друзьями, не совсем понимая, новый год мы сейчас пытаемся праздновать, или чей-то день рождения. Я действительно провожала старый год, вместе со всеми здесь.

Провожала старый год и ждала первый рассвет нового.

— Замерзнешь, — раздался сзади спокойный голос Свера. Его единственного, пожалуй, не заобнимали в эту праздничную ночь. Даже Берна пару раз потискали, а вожака стеснялись.

И это было странно, если учесть, что обниматься здесь любили. В этом не было никаких сомнений.

Да и какие могут быть сомнения, когда даже Наи, выходца из другого мира, сегодня изрядно пообнимали и даже расцеловали, если бы не Ашша, вовремя занявшая оборону и отгонявшая от Наи всех желавших обняться (в основном девиц), то его бы уже и на сувениры растащили.

А Сверу досталось пару сдержанный жамканий за плечи и уважительных пожиманий кистей.

Серьезный вопрос: как облечь свои чувства в слова, оказался риторическим. Потому что никак.

Не хватало мне словарного запаса для этого. Все, что я могла выдать это маловразумительное:

— Ыххы!

Зато обниматься ринулась с удивившим меня саму проворством. Сжала хорошенечко нашего незатисканного вожака, и гаркнула, пряча лицо на его груди.

— С праздником!

В отличие от меня, Свер свою совершенно не княжескую, обычную волчью шубу, вывернутую мехом наружу, даже не подумал застегивать, и я ткнулась носом прямо в теплую, пахнущую домом и покоем, рубаху.

Меня осторожно обняли за плечи, с сомнением повторив:

— С праздником.

— Как уж там у вас говорят? Чтобы год был легкий?

Свер кивнул.

Из соседнего дома грянул веселый смех, но быстро стих, растаяв легким, детским хихиканьем.

— Чтобы год был легким, — послушно подтвердил он.

— Наклонись-ка, — велела я, чувствуя, как меня прямо распирает от накатывавших друг на друга чувств. Я была пьяной, хотя пила только травяной взвар, которым здесь баловались даже дети.

С сомнением сверкая на меня своими дикими желтыми глазами, он продолжил стоять прямо.

— Ну, наклонись, — потребовала еще раз, для надежности дернув за отворот шубы.

Только после этого Свер склонился, и я звонко, с чувством, чмокнула его сначала в правую щеку, а потом в левую.

И такой удивленно-ошалелый сделался у него вид, что досталось даже носу. Расцеловала, так расцеловала, и, гордая собой, отступила на шаг, разрывая объятия.

Свер засмеялся, подхватил меня на руки и встряхнул так, что на мгновение показалось, будто меня в воздух подбросили. Сердце чуть не остановилось.

— Ты что? — Я не знала, что удивило меня больше, внезапная веселость нашего, как правило, сдержанного князя, или неожиданная встряска. — Что творишь-то?

— Не бойся, не уроню, — беспечно ответил он, — ты только больше никого в обе щеки не расцеловывай, поняла?

— Да-да, Ашша мне уже говорила, что незамужним девица разрешается мужчин только в правую щеку целовать. Поставь меня, пожалуйста, а? Я, кажется, высоты боюсь.

Пропустив мимо ушей мою просьбу, он требовательно спросил:

— А меня зачем в обе расцеловала?

— Душевный, блин, порыв. Я тебя еще и в нос чмокнула, если ты вдруг забыл. Пытаюсь выполнить норму по расцеловыванию до полуночи.

Про норму я, конечно, соврала, и Свер мне, кажется, не поверил. Весело хмыкнул и потащил в дом. Как есть, на руках.

Мне было и приятно, и весело, и почему-то даже волнительно.

Но не очень долго. Алис, заметивший наше возвращение, тоже хотел потаскать пограничную нечисть на руках и с боем попытался отнять меня у Свера.

Ну, как с боем, подошел, улыбнулся, лапки свои загребущие ко мне протянул и так заискивающе пропел:

— Что же ты, светлый княже, такие тяжести таскаешь? Не по чину будет, отдай мне, — а наткнувшись на подозрительный взгляд вожака, с серьезной рожей выложил, — тебя там Берн искал, кажется, что-то срочное.

Волшебные слова подействовали. Вся веселость мигом схлынула со Свера.

Он поставил меня на пол, проигнорировав протянутые руки лиса, быстро коснулся губами макушки, бросив выразительный взгляд на лыбящегося оборотня, и ушел.

— И что, — отшатнувшись подальше от Алиса, на полном серьезе вознамерившегося меня немного на руках поносить, я подозрительно спросила, — Берн его и правда искал?

— А кто ж знает? Я Берна уже давненько не видел, может и искал, — беспечно пожал плечами Алис.

— Яра, — Ашша подкралась сзади, крепко обхватив меня руками и прижавшись щекой к щеке, — пора бы костерок разжигать, зови Свера. Все на пустыре уже собрались, только его разрешения и ждут.

Глаза у Алиса загорелись.

— Точно! Сегодня ж в «медведя» играть будем.

Обхватив нас обеих, отчего я прямо почувствовала, как же некомфортно чувствуют себя вафли в вафельнице, нас по очереди одарили звонкими поцелуями:

— Простите, красавицы, но мне пора на пустырь. Охочих медведем побить нужно опередить или шкуру отбить, там как повезет.

Игра в «медведя» сводилась к тому, что стая девиц с визгом и смехом, под звук трещоток, при свете одного лишь костра, кружилась у огня, спасаясь от загребущих лап

медведя — обряженного в медвежью шкуру парня. Вся заманчивая прелесть этой игры заключалась в том, чтобы прижать кого-нибудь украдкой, и многие парни готовы были даже драться за право побыть медведем и облапать симпатичную им девушку.

Алис, которого тоже привлекала эта возможность, сбежал, а Ашша осталась, и ее просьба осталась вместе с ней.

Пришлось идти искать Свера, как будто она не могла на несколько минут раньше нагрянуть, когда он еще тут был, рядышком.

Глава 13

Я чувствовала себя очень странно, разыскивая жожака, в то время, как сам он искал Берна.

— Свера ищешь? — раздался за спиной голос Трера, заставив вздрогнуть. Я озабоченно разглядывала улицу, силясь понять, где именно может находиться жожек. Без него возвращаться в дом прямо в лапки к Ашке смысла не было, но он не спешил облегчить мне жизнь и отыскаться.

— Его, — недружелюбно подтвердила я, вскользь мазнув взглядом по раскрасневшемуся лицу оборотня.

— Я его пару минут назад видел, — не смущенный моей враждебностью, Трер кивнул себе за спину, туда, где костров было меньше, а темноты больше, — кажется, Свэр искал кого-то.

Я обрадовалась, взбодрилась и скомкано поблагодарив, побежала прямо туда. В темноту, в сторону реки и пустого сейчас капища, из которого ушла вся сила, на время, пока Волчица отдыхала где-то в своих звездных лесах.

Снег набирал силу, снежинки собирались в хлопья и тяжело падали на землю, больше не кружась в воздухе. Костров становилось все меньше. Впереди горело еще всего два костра, а Свера все нигде не было видно.

— Рала! — обрадовалась я знакомому лицу. На длинной косе и меховом вороте ее шубки белел снег, но оборотница не обращала на это внимание.

Крепко сжав в объятиях, она звонко чмокнула меня в щеку, проигнорировав беззлобные смешки, раздавшиеся от костра.

— А ты что здесь делаешь? — удивленно и радостно спросила она, медленно выпустив меня из объятий. Я уже давно смирилась с привычкой оборотней забивать на личное пространство и лезть с обнимашками и не вырывалась. — Я думала, ты на пустыре веселишься.

— Свера ищущ, — недовольно призналась я, не забывая оглядываться по сторонам: а вдруг увижу где-нибудь знакомую, беловолосую макушку, — иначе никто на пустыре не повеселится. Не видела его?

— Нееет, — с сомнением протянула она, обернувшись к сидящим у костра оборотням. Подростки, совсем недавно обретшие возможность перекидываться, энергично замотали головами, подтверждая, что жожака здесь не было.

— Ладно, пойду тогда дальше, — решила я. Оставался последний костер, после которого я могла вернуться только обратно в дом Свера. Быть может, он где-нибудь свернул, мы разминулись, или он пошел не по цепочке из костров, что протянулись по главной улице, а сократил путь через какой-нибудь переулок. Может быть, он на самом деле знал, где находится Берн, и не искал его вовсе, а сразу пошел к нему.

Может быть все, что угодно.

Заглядывая мне в лицо, Рала просительно протянула:

— Может с нами посидишь? Погреешься?

— Мне жожака нужно найти.

Не успела я отойти от костра и на десяток шагов, как в темноте, сверкнули красным чьи-то глаза. Огромная, темная фигура медленно выступила из густой тени забора в рассеянный свет ближайшего костра.

Раздался истошный женский визг.

Опасность я заметила слишком поздно. Позднее всех.

Зрочки двумя звездами сияли на черной лохматой морде, а вокруг этих звезд кровавым океаном сияла красная радужка. Из оскаленной пасти капала белая пена, на холке попорщилась шерсть, такая грязная и слипшаяся, что больше походила на иглы.

— Зимний Зверь! — завизжала какая-то девица. Орал человек, я была в этом уверена на все сто. Прожив в деревне достаточно долго, я хорошо научилась отличать обычного человека от оборотня. Даже по одному взгляду. Даже по первому вскрику.

Чудище, очень похожее на огромного черного волка, бежало прямо на меня. Длинными, резкими скачками стремительно сокращая расстояние между нами.

Я не успела даже вздохнуть, как огромная туша, плохо различимая в темноте и от того казавшаяся нереальной, налетела на меня.

Сбить с ног, вышибая воздух, лишая возможности закричать, вцепиться зубами в тулуп на плече и потащить за собой - простой и четкий план зверя был выполнен с закономерным успехом.

Чудищу понадобилось всего несколько мгновений на то, чтобы похитить Пограничную Огневицу.

У костра продолжали истошно визжать. Кто-то громко и нервно требовал найти жоака.

Меня тащили прочь от людей и нелюдей, крепко держа за тулуп, насквозь прокушенный длинными, острыми зубами. Ворота, открытые по случаю гуляний, мы проскочили никем не остановленные.

Я радовалась, что мое многострадальное плечо на этот раз не пострадало, и старалась увернуться от капающей на шею горячей слюны. Пену сносило назад ветром, а вот его слюни текли прямо на меня.

Катиться по снегу, болтаясь между мощных лап, беспомощно ожидая момента, когда одна из них случайно мне на что-нибудь наступит и чувствовать, как медленно сползают с ног сапоги, под завязочку набитые снегом (левый, почему-то, сползал активнее) было совершенно неприятно.

Совсем рядом кто-то страшно завизжал. Деревенские, отправившиеся к реке кататься с горки, по вине которых ворота были открыты и меня так легко выкрали, нас заметили и очень впечатлились. И это так... раздражало.

Я почти не боялась, но очень сильно злилась.

Эта обидина испортила мне такой чудесный праздник, и я собиралась сделать все, чтобы она об этом пожалела. Я была уверена, что колечко мне поможет, и мы уделаем этот зубастый страх, а потом передадим его Сверху, который, совсем точно, скоро меня найдет. И шкуру, предварительно хорошенечко выстирав, я постелю перед кроватью у себя в комнате. А то полы зимой уж больно холодные.

Очень наивные и глупые мечты.

Низкий, угрожающий вой, раздавшийся совсем рядом, взбудрил мою злорадную мстительность. Оборотни шли по нашим следам, и этому чудищу предстояло сильно пожалеть о том, что он решил меня украсть.

Будь он хоть сто раз Зимним Зверем, конец его был близок, и он это, кажется, чувствовал.

Резко свернув в сторону, он понесся к реке, врезавшись грудью в снег и утопив меня в холоде по самую шею.

Крепко держась за косматую шерсть на его боку, я зажмурилась и пропустила тот момент, когда мы выскочили на речной лед.

Тихого, натужного стога и скрипа разбегающихся из-под лап трещин слышно не было, но я знала, что лед здесь тонкий настолько, что даже детям не разрешалось на нем играть.

А тут мы. Сто пятьдесят килограмм чистого веса.

Зверь бежал вперед, но уже не так резво, с опаской, и каждый его скачок все явственнее отдавался страшным хрустом скорой беды.

Волки-оборотни показались на берегу, когда мы отбежали по ненадежному льду метров на сто. Белый огромный волк, способный посоперничать размерами даже с этим Зимним Зверем, первым ступил на лед, но тут же отдернул лапу. Волки метались по берегу, не зная, что делать.

Лед под правой лапой образины треснул и провалился. Зверь утробно рыкнул, споткнулся, но не упал, выдернул лапу и качнулся в сторону, обходя опасное место. Мы больше не бежали, мы шли, и я наконец-то, смогла разжать сведенные судорогой пальцы, выпустить из захвата жесткую, свалывшуюся шерсть, и попытаться расстегнуть тулуп.

План был прост и от того гениален. Я собиралась вывалиться из одежды, оставив ее на память этому зубастому клептоману.

О том, как я собираюсь бежать к нашим по льду, не задумывалась, просто нервно дергала пуговицы, пытаюсь высвободиться, робко радуясь, что застегнула всего три из семи.

Одна пуговица, и зверь еще раз провалился лапой в воду. Ради симметрии на этот раз левой.

Лед трещал не переставая, белый волк успел сделать целых четыре шага в нашу сторону, а я расстегнула все пуговицы, когда Зверю люто не повезло провалиться сразу обеими лапами.

Он жалобно взвизгнул сквозь сжатые зубы, упрямо не выпуская мой тулуп, ударился грудью об лёд. Тот треснул и чуть подался вниз. Я затаила дыхание, зверь тоже. На берегу кто-то нервно тьякнул.

Один вдох, пара мгновений беспомощной растерянности, когда понимаешь, что нужно что-то делать, но не можешь пошевелиться. Потому что страшно, потому что каждое движение может погубить.

Зверь дернулся, и это был конец.

Лед треснул, разошелся, заглатывая свою жертву. Я с трудом, в последнее мгновение, выскользнула из тулупа и только благодаря этому не соскользнула вслед за зверем под лед.

Дрожа всем телом, не веря в спасение, я села и только тогда почувствовала, что коса мокрая.

Я была намного ближе к смерти, чем думала. Польшня, в которой исчез мой неслучившийся коврик, находилась прямо у меня за спиной.

Белый волк, в котором только слепой не распознал бы нашего вожака, застыл на месте, хотя всего секунду назад, когда Зимний Зверь стал уходить под воду, сорвался с места. Теперь он находился гораздо ближе, что лично меня серьезно приободрило.

Медленно, стараясь не делать резких движений, не замечать холода и отороженных ладоней, я поползла к берегу.

Ползлось не то, чтобы плохо, но хотелось бы быстрее, потому, на ноги я решила встать, отдалившись от опасного места метров на сорок.

Вожак предостерегающе рыкнул, но я не обратила на это внимание.

Моя вина. Во всем, что случилось потом была только моя вина, и даже то, что я в тот момент плохо соображала, меня не извиняет.

Лед под моими ногами проломился, стоило только подняться.

Пока ползла, он казался вполне надежным, а как встала, так сразу сделался хрупким. Не зря, все же, зверь этот участок по кругу обходил.

Я не успела испугаться или удивиться, даже не вскрикнула. Да что там, я даже вздохнуть толком не успела, как над головой сомкнулась вода.

«Моржи — мазохисты-извращенцы»

Мелькнула в голове глупая мысль, после того, как первые ощущения чуть рассосались, и уже больше не казалось, что меня макнули в кипяток.

Это совершенно точно был не кипяток, это было что-то черное, беспокойное, бурлящее и безжалостное.

Сердце надрывалось и рисковать в скором времени просто остановиться, не в силах работать в таких условиях, мозг уже отказал, легкие готовились свернуться в трубку, а нервные окончания под кожей по всему телу жалели, что природа их придумала.

Мне было плохо, холодно и страшно, умирать совсем не хотелось, но еще хуже стало, когда в руку вцепились чьи-то острые клыки, прокусывая тонкую кожу и вгрызаясь в мясо.

Сначала я решила, что это Зимний Зверь, но в ворохе ощущений, проклянувшись сквозь завесу ужаса, сверкнула успокаивающая истина.

За мной в реку бултыхнулся наш безбашенный вожак.

С трудом согнув пальцы, свободной рукой я вцепилась в шерсть на холке, очень надеясь, что зубы разжимать он не станет. Потому что иначе я вряд ли удержусь.

Боли совсем не было, только жар в груди от недостатка воздуха и скребущийся внутри ужас.

Мы вынырнули очень вовремя, я уже почти потеряла сознание, но обожженная холодом, по сравнению с которым вода в реке показалась даже тепленькой, хватанула морозного воздуха и закашлялась.

Как именно мы добирались домой, я не помнила, но точно знала, что я своими ножками не шла. Кажется, меня тащили на себе.

Не исключено даже, что мной занимался сам вожак.

Утром, по крайней мере, проснулась я в его комнате, под тяжелой, теплой рукой.

Свер сопел мне в макушку. Сопел он очень умилительно, беззащитно, что ли. А мне было спокойно, а еще душно и как-то тягуче больно.

— Только не опять, — безнадежно простонала я. Хриплый, едва слышный голос совершенно не походил на мой, родной и привычный.

Каждое слово, каждая отдельная буква колючим, горячим шаром прокатывалась по горлу, глотать было больно. Да даже дышать было больно.

Я чувствовала себя обессиленной.

Я чувствовала себя больной. Ночные приключения просто так не прошли.

— Яра? — огромная и горячая гора за моей спиной зашевелилась. — Что?

— Свеер, — срывающийся сип потонул в надрывном кашле. Говорить ничего мне больше не понадобилось, он понял все сам.

— Лежи здесь, — велел он и сбежал куда-то, а я послушно осталась лежать в его кровати, выполняя строгий наказ. Как будто я смогла бы отсюда куда-то деться. Можно подумать, у меня были на это силы.

Стоило Сверу уйти, забрав с собой тепло, как я тут же почувствовала, что мерзну. К тому

моменту, как моя тепленькая, такая замечательная и удивительная грелка, вернулась обратно в комнату с кружкой, наполненной чем-то горячим, остро пахнущим травами и сладким от меда, я была замотана в одеяло с головой и все равно мелко дрожала.

Пока я пила, Свер сидел рядом, поддерживая под спину, и от его ладони по всему телу расходилось приятное, успокаивающее тепло.

Если бы было можно, я бы с удовольствием просидела так весь день, лениво потягивая отвар, благодаря каждому глотку которого горло все меньше раздирали изнутри острые шипы моей болезни, и греясь теплом нашего вожака.

С трудом, но я подобралась ближе к Сверу и привалилась к нему, чтобы расположиться со всеми удобствами, в тепле и уюте.

— Я мерзну, — призналась робко, когда в кружке остался последний глоток, а я так пригрелась, что уже почти спала.

— Я заметил, — сдержанно подтвердил он, велев, — допивай.

И я неохотно допила, решив, что сейчас он уйдёт, быть может, предварительно уложив меня в кроватку. Но вот чего я точно не ожидала, так это того, что уложится Свер вместе со мной.

Приятный сюрприз. Моя замечательная грелка никуда не собирается уходить. Мне будет тепло.

Ура.

— Повезло, что в первые дни нового года нет никаких дел, — бормотал он, заботливо подоткнув одеяло, чтобы мне было совсем комфортно, — но заболеть второй раз за одну зиму, Яра, тебе не кажется, что это перебор?

— Сама не рада, — прохрипела я, жмурясь от удовольствия. Да, мне было плохо, но могло быть еще хуже, я могла сейчас мерзнуть в грустном одиночестве, — а все ваш Зимний Зверь. Что это за чудище вообще такое?

— Зимнего Зверя, — после недолгих раздумий заговорил самый заботливый вожак на всем белом свете, рассеянно поглаживая меня по голове, — считают сыном самой зимы, он приходит сильным ветром, снежным бураном или густым снегопадом, он часть зимы и сам является зимой...

— То, что я видела, не очень походило на часть зимы, — вяло, сквозь сон, не согласилась я, сладко зевнув в рубашку Свера.

— Потому что это был не Зверь, — просто сказал он, — это был оборотень. Сильный и, несомненно, опасный, но рожденный от женщины и состоящий из плоти и крови.

— И чего ему от меня было нужно? — это был последний вопрос, который я смогла задать перед тем, как соскользнуть в сон.

Единственное, что удалось услышать, цепляясь за реальность, было озабоченное:

— Не знаю.

Болеть среди таких волшебных созданий, к которым хворь очень редко пристаёт, оказалось просто невыносимо. Обратни приходили ко мне, просто чтобы посмотреть на эту дивную невидаль.

Можно подумать, что сопли, слезы, красные глаза, распухший нос и помятое лицо — эстетически прекрасное видение, чтобы им любоваться.

На второй день нескончаемого паломничества я пожалела, что уговорила Свера перетащить мои бацильные косточки в мою комнату, на третий — напросилась обратно к вожаку, найдя там свое убежище.

В комнату Свера осмеливались заглянуть не многие. И даже сопливая Огневица не могла заставить их настолько обнаглеть.

На четвертый день я заскучала. Терпения исполнять почетные обязанности моей нежно любимой грелки Сверу хватило только на день. Потом я грела себя сама, с помощью настоящей грелки местного производства, являющейся обычным кожаным мешком, заполненным горячим песком, и одеял. Отбиваясь от показного сочувствия любопытных посетителей, я как-то умудрялась забывать о том, что мне плохо, холодно и безысходно, но вот когда я вернулась обратно в тишину и покой сверовой комнаты, тогда-то и загрустила, и замерзла.

Ашша и Наи, чаще прочих приходившие меня навещать, были слишком холодными, чтобы я могла об них греться, а Алис, на просьбу погреть чуть-чуть озябшую Огневицу, лишь развел руками:

— Ты вся насквозь вожаком пропахла, даже если бы я хотел, не смог бы, инстинкты не позволят.

Из сказанного им, я услышала главное и не поленилась возмутиться:

— То есть, ты не хочешь меня греть?!

— Обниматься с сопливой, хворой девицей — не предел моих мечтаний, ты уж прости.

— Капец...

— Что?

— Друг, говорю, из тебя так себе, — кашлянула я, зябко ежась под тремя одеялами и отчаянно мечтая о четвертом. Большом таком, теплом девяностокилограммовом одеялище с желтыми глазищами.

В комнату к Сверу, проведать больную, не боялись зайти всего четверо, и я уже почти привыкла, что развлекают меня Ашша с Наи и Алис, ну и немного Берн, забредавший иногда с целью поворчать.

Приход Рахиса оказался неприятной неожиданностью. Он тоже выглядел больным. Бледный, осунувшийся, с покрасневшими глазами и заложенным носом, оборотень беспощадно гнусавил, но, в отличие от меня, вполне бодро ходил. Я, как человек способный передвигаться лишь по стеночке, ему даже немного завидовала.

— Пришел бациллами обменяться? — настороженно спросила я, когда он вошел в комнату.

— Что? — растерялся оборотень, но убедившись, что объяснять ничего я не тороплюсь, сообщил: — Я проведать тебя пришел.

И это было очень странно просто хотя бы потому, что подружиться мы с ним не успели. Рахис мне вообще не нравился, и до этого дня я была уверена, что это взаимно.

Но нет, вот он сидит на стульчике и вполне искренне интересуется моим самочувствием.

— А ты-то когда успел прихворнуть?

Рахис странно улыбнулся, потеряв кончик покрасневшего носа:

— В новый год с незавершенным делом вошел, вот и поплатился. Еще легко отделался, духи всего лишь моей силой полакомились, хорошо, не жизнью.

— Да уж...

Иногда я забывала, как прочно этот мир врос в суеверия, всякие мистические традиции и веру в высшие силы, но вот в такие моменты вспоминала и ужасалась, потому что и сама уже начинала во все это верить. Когда вокруг столько всего непонятного, что раньше казалось совершенно невозможным, поневоле начинаешь задумываться, а не может ли быть настоящим совсем все.

Например, духи, крадущие силу и здоровье, отчего люди и нелюди болеют.

В Волчицу же я уже верила, и в хранителей тоже верила, так что мне мешало поверить и

во всяких вредных духов?

Тревожный трубный вой раздался на рассвете, когда прозрачный, по-особенному звенящий мир, еще только просыпался. Густой и низкий, не предвещающий ничего хорошего, тревожный звук пронесся над деревней, будя и пугая.

Открытие нового прохода не ждали так рано, никто не был готов к тому, что новый набег свершится настолько скоро после пробуждения Волчицы. Всего три дня прошло, как Свер на полнолуной охоте жертвенного оленя поймал и преподнес праматери кровавый дар.

— Лежать, — велел Свер, стоило мне только привстать, а сам вывалился из кровати, крутанулся на месте, разыскивая сапоги, не нашел, рыкнул недовольно и как был босиком, бросился прочь, обернувшись только в дверях, — никуда отсюда не выходи, ясно?

Ответа он не ждал. У него времени на то, чтобы обуться не нашлось, что уж об остальном говорить.

А я чувствовала себя лучше, бодрее, уже даже ходила вполне уверенно и спать просилась под теплый бочок исключительно по успевшей прижиться привычке.

И уж что-то, а отпускать его одного на стену мне совсем не хотелось. Было страшно, но больше страха меня томило странное нетерпение.

Мне нужно было на стену не только для того, чтобы за Свером приглядеть, но и чтобы понять, с чего меня туда так тянет.

Почему?

К тому моменту, как я выбежала на улицу, основательно утепленная, замотанная в два платка, в ответственно застегнутом на все пуговицы тулупе, трубный вой безвозвратно растаял в зимней дали.

А на стене, в напряженной тишине, все с удивлением смотрели на трех всадников, в гордом одиночестве вышедших из прохода.

Не замечая недовольство Свера, я встала рядом с ним, не веря своим глазам.

— А войско... где?

— Жрецы, — словно отвечая на мой вопрос, прошептал Наи на языке алана. Он стоял рядом с вожаком, в своем черном доспехе, с глефой в руках, и не мог оторвать взгляд от показавшихся из прохода хту-наа.

— Почему одни? — Свер совсем не удивился и ни на секунду не усомнился в том, что выходец видит с такого расстояния.

Лишь спустя несколько секунд я вспомнила, что Наи об этом говорил. Он не мог разглядеть тех, кто вышел из прохода, но мог почувствовать. И чувствовал.

Ощущал приближение жрецов своего мира, так же, как это ощущала я. Каким-то шестым чувством. Колечко на пальце радостно потеплело, чувствуя близость своего старого хозяина.

— Мы должны выйти им на встречу, — голос срывался от волнения, я отчаянно вцепилась в запястье Свера.

— Нет, — он не собирался рисковать, — если они хотят поговорить, то придут сюда, сложат оружие, и мы поговорим.

— Свер...

— Это может быть ловушкой, Яра, — одернул меня он, кивнул на все еще видное сияние, — проход открыт, армия может ждать там.

Разумеется, никто никуда не пошел и прибытия жрецов мы ждали на стене. Держась за

ручки.

Хотя, если быть совсем честной, то это я Свера за руку ухватила, и я его держала, находя в этом успокоение, а он просто не вырывался.

И даже не сказал ничего по этому поводу, только посмотрел снисходительно.

Жрецы подъехали к воротам спустя целых полчаса, не сильно они торопились, но не это заставило всех на стене напрячься. Проход стоял открытым с четверть часа, и сложно было сказать, как много бед могло приключиться, окажись сейчас на месте жрецов войны хту-наа. Тут двумя, и даже тремя не обошлось бы. Успело бы пройти с полдюжины, не меньше.

Уж если за долгие пять минут успевали двое воинов проскочить, то тут и говорить нечего.

Как только жрецы подъехали достаточно близко, чтобы быть услышанными, заговорил тот, что сидел в центре, на таком же тощем олене, каким когда-то был и Проглот Наи. Теперь, конечно, он был отъевшимся и благодушным, а кличку «Проглот» получил от меня, когда вместе с морковкой попытался съесть и мою руку. Просто обозвала оленя так в сердцах, а Наи понравилось, и кличка как-то прижилась.

— Мы пришли с миром, — скинув с головы белый капюшон, жрец поднял на нас тонкое, белое лицо, сияющее магическими знаками, — мы хотим говорить.

Это был светлячок, я в этом не сомневалась, лицо было мне знакомо, смущал лишь вделанный в лоб мутно-белый камень, который явно не на клей крепили, а прямо в череп вбивали. Кожа вокруг камня чуть припухла, но не покраснела, так как у хту-наа в жидкости, текущей по венам, эритроцитов не было от слова совсем.

Я не знала, как именно этот камешек должен была защищать от нашего солнца, выглядел он совершенно ненадежно, но Наи, при виде усовершенствованного жреца, уважительно хмыкнул.

— Пусть те, кто приехал с тобой, тоже покажут лица, — велел Наи, без разрешения вожака взяв на себя работу переговорщика.

Сопровождающие светлячка по очереди сняли капюшоны. Первым был мужчина, хотя язык не поворачивался его так назвать. Просто мальчик с длинным хвостом, в который он убрал все свои мелкие косички. Короткие, совсем недавно отросшие и еще не смягчившиеся, как и у любого хту-наанского подростка, колючки на его голове топорщились, походя на корону, но тяжелый лук из странного, тусклого металла, притороченный к седлу оленя, свидетельствовал о том, что пацан уже прошел посвящение и стал настоящим мужчиной. Вар-та, или как там в их странной культуре называют совершеннолетнего хту-наа мужского пола?

Второй сопровождающий был куда как интереснее. Потому что это была девушка. Такие же длинные волосы, рассыпавшиеся по груди косицами, такие же тонкие черты лица и черные, бездонные глаза, как и у всех виденных мною до этого выходцев. Вот только лицо у нее было круглее, нос маленький и аккуратным, а ресницы хоть и темно-серые, но пушистые, длинные, чуть приподнятые... красивые очень.

И все ее лицо казалось красивым, гармоничным что ли. Никаких впалых щек, длинных носов и общего изможденного вида свеженького трупа, просто красавица из сказки... была бы, не будь ее щеки такими бледными, а взгляд таким темным.

— Мы пришли говорить, — еще раз повторил светлячок, найдя взглядом меня.

Последовав примеру, судя по всему, главного в своем отряде, два других хту-наа так же подняли на меня глаза. Три бледных лица, три темных взгляда, такие одинаковые символы на коже и эти жуткие камни во лбах.

Картинка впечатляла. Меня пробрало настолько, что вместо радостного приветствия, готового было сорваться с губ, я невольно спряталась за спиной Свера.

Никто не стал надо мной смеяться. Думаю, многие даже не отказались бы спрятаться

вместе со мной.

В едва приоткрытые ворота жрецы въезжали в напряженном, недружелюбном молчании. На встречу дорогих гостей это совсем не походило... пока я не бросилась на шею спешившегося светлячка.

Просто была очень рада его видеть и, приученная оборотнями не сдерживать порывов, хорошенечко сжала тощее тело в объятиях.

Ошалели от этого все, но больше всех, конечно же, светлячок.

— Я рад, что ты выжила, — сдержанно проговорил он, не зная куда деть руки, и потому беспомощно держа их поднятыми.

— Ыгы, — я чувствовала себя такой счастливой и умиротворенной, словно длинный и изматывающий путь пройден, я наконец-то дошла до конца. Осталось только узнать, счастливым ли будет этот конец.

— Да что ж ты бросаешься-то, — наконец не выдержали сзади, прогудев неодобрительно Берновым голосом, — будто под корягой росла.

— Ну она же нечисть, — весело ответил Алис, — может и под корягой росла, откуда нам знать?

— Яра.

Я готова была игнорировать их сколько угодно, но вот сделать вид, что не слышу князя, оказалось выше моих сил.

— Кольцо его? — спросил вожак, когда я отпустив светлячка, подошла к Сверу. Вопрос можно было считать риторическим, едва ли я была бы так же рада видеть какого-нибудь незнакомого хту-наа, даже приди он с мирными намерениями и желанием помочь.

У ворот, накрепко закрытых за неожиданными гостями, воцарилась недоверчивая тишина, которую у меня не было сил нарушить. Оробев, сжавшись, подойдя ближе к Сверу, я ждала, что он сломает эту гнетущую атмосферу, и я снова смогу дышать полной грудью.

И он оправдал мои ожидания.

Хту-наа проводили в дом вожака, усадили за наскоро накрытый стол и застыли в растерянности.

Никто не знал, что делать дальше. Обратни понятия не имели, как подступиться к иномирным гостям, в то время, как выходцы не понимали, что происходит.

В их мире были другие законы и правила. Они не обнимались при встрече, и уж точно не, сажали за свой стол чужаков.

Дипломатическая миссия рисковала провалиться, разбившись о непреодолимую пропасть между двумя культурами, но положение спас вездесущий Наи.

Подсев к белолицей девушке, он улыбнулся так, что Ашша бы точно откусила себе язык от ревности, и щедрым движением руки, заполнил стоящую перед ней, пустую тарелку.

— Алана очень гостеприимны, — значимо произнес он. Свер, севший напротив светлячка, бросил подозрительный взгляд на Наи, но промолчал.

— Налаживает контакт, — пояснила я шепотом, ерзая на лавке по левую руку от вожака. Справа сидел Берн и вид имел крайне сосредоточенный.

Свер не выглядел растерянным, но привычной уверенности в нем все же не чувствовалось. Едва ли наш вожак хоть когда-то мог вообразить, что в один день вдруг окажется сидящим за столом с выходцами, предков которых бил еще его дед и отец.

— Чудные дела творятся, да? — негромко спросила я, не имея сил согнать с лица неуверенную улыбку.

— С того дня, как ты в моем доме глаза открыла, — кивнул он. И вот, вроде бы, ни недовольства, ни обвинений в его голосе не слышалось, а мне все равно стало неловко. Словно, это и правда из-за меня все.

Будто бы проход стал дольше держаться от того, что один из хту-наа на этой земле пообжился, и теперь сила одного зовет всех остальных.

А кто, спрашивается, Наи в дом вожака привел? А кто еще раньше колечко чужеземное из прохода вынес?

— Может и виновата, — беспомощно пожала плечами я, и тут же ойкнула от того, что Свер ощутило дернул меня за косу:

— Глупости не говори, девица-огневица, — сурово велел он, — в чем себя винишь? Сколько ты на глазах у праматери живешь? Если Волчица тебя приняла, значит все идет так, как должно.

— Ну что же, — нетерпеливо заговорил Наи, сверкая чёрными глазами, — перейдем к делу?

Это были самые эпичные переговоры в моей жизни. Я прямо закоренелой террористкой себя почувствовала, постоянно как заведенная на двух языках все повторяя «взорвать», да «взорвать».

Светлячок, которого гордо звали Иви-нар, согласился, что они, конечно, могут уничтожить тоннель со своей стороны, но это не возымеет никакого действия, и треклятый проход вновь откроется в свой срок.

— В самом проходе, — говорил жрец, уверенно глядя на вожака, — находится основной узел, который нужно уничтожить сразу после того, как мы взорвем его на своей стороне. У того, кто возьмется за это, шансы выжить будут весьма малы.

Ненадолго за столом повисла тяжелая тишина. Мы переваривали услышанное, выходцы ждали. Наи, не знавший раньше таких подробностей, даже приуныл.

Но это, как оказалось, были цветочки, так, разминка, перед по-настоящему шокирующим известием.

Иви-нар предлагал отрядить на взрывные действия внутри прохода меня.

— Схлопываясь, проход может открыть путь в твой мир. Энергии должно хватить, а твое присутствие внутри в момент уничтожения, способно запустить процесс создания пути. Я достаточно долгое время изучал проход, чтобы быть уверенным в этом.

— А что, если путь не откроется? — осторожно спросила я, не понимая, радует меня этот шанс попасть домой, или пугает.

Поймав мой взгляд, в гробовом молчании, Иви-нар (язык не поворачивался звать его просто Иви) извлек из складок своего плаща, скляночку мутного стекла, миллилитров на десять. Внутри, прорываясь тусклым сиянием сквозь толстые стенки, плескалась полупрозрачная красная жидкость.

Свер и Берн молчали, дожидаясь, когда я переведу им все, что сказал только что жрец.

— Выпьешь это и побежишь обгоняя ветер. Так у тебя появится надежда успеть покинуть проход раньше, чем он прекратит существовать.

— Яра, ты же не думаешь соглашаться? — спросил Наи. Он напрягся, подобрался весь, с ненавистью глядя на склянку. — Эта дрянь высосет из тебя всю жизнь. Ты, быть может, сумеешь выбраться, но сможешь ли выжить после этого поила? Даже я не рискнул бы этим воспользоваться.

Я не колебалась. На самом деле, я все решила еще когда только Иви-нар с таинственным видом стал шарить по своим тайным карманам.

Сцапав склянку раньше, чем Наи успел что-то предпринять, крепко сжала ее в пальцах,

не боясь раздавить. Она не была похожа на что-то, что легко может сломать.

— Яра, что происходит? — потребовал информации Свер, встревоженный нашим странным поведением.

— Кому-то все равно придется это сделать, — ровно проговорила я, обращаясь к Наи, — у меня хотя бы будет шанс спастись.

Страха и неуверенности не было, только непоколебимая решимость и вера в правильность своего выбора.

— Центральный узел взрывать буду я, — с беспечной улыбкой шокировала я жоака.

После моих слов Свер стал очень похож на Наи. Не веря в услышанное до последнего, он упрямо пытался меня образумить, но я стояла на своем.

— Да ты, девка, совсем ума лишилась, — обеспокоенно осадил меня Берн, когда до него дошел смысл моего заявления.

Переубедить безмозглую Огневицу не удалось никому. Интуиция утверждала, что я все решила правильно, и ничто уже не могло пошатнуть мою уверенность.

Глава 14

Я чувствовала себя... забытой.

Три дня после появления в деревне хту-наа со мной почти никто не общался.

Ашша, устроившая грандиозный скандал сразу же, как узнала, что я задумала, теперь меня игнорировала, Наи на пару с ней избегал моего общества. И только Берн не прочь был со мной поговорить, но его я избегала уже сама. Медведище нашел смысл своего существования в назидательных и нудных лекциях, пытаюсь донести до меня всю глупость необдуманно принятого решения.

И знать он ничего не хотел о том, что я не по глупости геройствовать решила, а желая домой вернуться.

— Ты дома, — ворчал он обычно, поглаживая косматую бороду, — какой еще дом тебе нужен?

Ответа на этот вопрос у меня не было, я просто чувствовала, что должна попытаться. Не знала, есть ли место в том мире для новой меня, но не могла упустить этот шанс.

Свер же вовсе не хотел меня видеть, выселил обратно в мою комнату, подальше от себя, и, казалось, уже старательно вживался в ту реальность, которая наступит после того, как мы взорвем проход.

Все почему-то забыли, что я могу и не попасть домой, что у меня есть волшебное хту-наанское пойло, что я вполне способна вернуться к ним, и избавиться от меня уже не будет никакой возможности.

А я об этом помнила и вопреки всем заверениям, что хочу вернуться домой, постоянно таскала бутылек с собой. Потому что боялась остаться без него в самый ответственный момент, лишив себя тем самым выбора...

Свер поймал меня на лестнице, когда я, уверенная, что он опять пройдет мимо, даже не удостоив меня взглядом, совсем не была к этому готова.

Преградив путь, стоя на ступень ниже, почти сравнявшись со мной в росте, он требовательно протянул ко мне раскрытую ладонь:

— Отдай мне зелье.

— Что?

— Зелье, что дал тебе жрец. Отдай его.

Вцепившись в карман штанов, я попыталась отступить назад, подняться выше, а еще лучше вернуться в комнату.

Общаться с жожаком, когда он был вот такой собранный и безэмоциональный, запрограммированный на выполнение какого-то задания, было стремно. Терминатор, блин.

— Зачем тебе?

Сильные пальцы крепко сжали мое плечо, не позволяя отойти.

— Я нашел того, кто сделает это вместо тебя, зелье тебе больше не нужно.

— А ему? — я значимо поиграла бровями: — Твоему отважному герою оно нужно?

— Нет.

Вот этого ответа я совершенно точно не ожидала.

— Почему?

— Арем стар. Он прожил долгую жизнь и умереть хочет как воин.

— Я сама должна это сделать, — выпалила я, с ужасом осознавая, что Свер может отдать мой шанс кому-то другому. Ему не обязательно даже получать мое согласие. Я простой человек, которого очень легко запереть в доме. Ни нечисть, ни душа лесных пожаров, ни Пограничная Огневица, ни Яра даже.

Ярослава Волоцкая. Попаданка.

И, кажется, я действительно попала.

Чувствуя странное волнение внутри, сжала рубаху на груди вожака, очень сильно его этим озадачив и, забывшись, попыталась встряхнуть. Ничего, разумеется, не вышло, но я этого даже не заметила.

— Ты не понимаешь? Сам же столько раз говорил, что Волчице лучше знать, что все будет, как она хочет. Так почему это должен быть Арем? Я из этого прохода к вам пришла, мне его и закрывать. Понимаешь? Понимаешь? — Я говорила быстро, нервно. Волновалась очень, словно именно сейчас должна была решиться моя судьба. — Если суждено мне к вам вернуться, значит я вернусь, а если нет, то и жизни здесь не будет. Ну, пойми!

Перехватив мои руки, беспомощно дергавшие его за рубаху, Свер трудно, через силу кивнул.

Даже если он и не понимал всего до конца, то моя горячность его убедила. Безоговорочная вера в богиню, которая раньше меня так удивляла, на этот раз оказалась очень кстати.

— Вернешься, — сказал он убежденно, — и я тебя лука стрелять научу. Ты же хотела.

Это больше походило на неумелую попытку подкупа. Забавную и очень трогательную.

— Так руки же...слабые, — запал угас, я чувствовала себя уставшей и опустошенной.

— Силу в руку вложить — дело не хитрое, — усмехнулся он. Умиrotворенный, уверенный в чем-то, только что пришедшим ему на ум, он даже посветлел лицом.

И меня успокоила его уверенность, придала сил. Теперь-то я знала, что нужно говорить, чтобы меня, наконец, поняли.

Валить все на волю Волчицы оказалось очень легко, даже приятно. Словно убеждая других, я только крепче убеждала во всем себя.

Единственное, что не могло не смущать, так это робкое сомнение. Слабая неуверенность в том, что богиня не озверевает от возложенных мною на нее забот.

Обеспокоенная этими мыслями, я не поленилась даже лично наведаться на капище. В сумерках, в одиночку выбравшись из деревни, я как истинная нечисть, бежала из людского жилища, чтобы проморозиться на еще зимнем ветру, в котором с каждым днем все больше ощущалась весна.

Увязая в снегу по щиколотку, я бодро добежала до капища.

Идол Мано-Аль уже не наводил жуть. Оскаленная, недружелюбная волчья морда, вырезанная в дереве, больше не казалась опасной.

Это была Волчица. Хранительница пограничной деревни и всех близлежащих земель.

Алис говорил, что на жертвенный камень в капище можно проливать лишь кровь. Нет другого подношения для Волчицы в пристанище ее духа.

И я принесла ей крови.

Не раздумывая, быстро, чтобы не струсить, полоснула себя по руке ножом, честно выкраденным с кухни, и щедро закапав камень своей кровью, я тихо забормотала.

Неловко, сбивчиво, смущенно. Меня никто не учил говорить с богиней, я не знала, как это делается, просто хотела попросить помощи.

Оборотни заразили меня своей верой в праматерь, уверенностью в том, что она следит за своими детьми, что я теперь одна из них. Часть стаи, дочь волчицы.

Любой психолог с удовольствием бы взялся изучать мой случай. Возможно, написал бы статью, скорее всего даже не одну.

Тут вам не какой-то Наполеон и не поехавший уфолог. Нееет, мой случай куда как интереснее...

— Ты, в общем, не злись на меня, ладно? А я пойду.

Разговор вышел не очень, я это понимала, но исправить ничего все равно не могла. Лучше я уже не скажу, а хуже не надо.

Неловко попятившись назад, прочь с капища, я осмелилась зачерпнуть снега, только отойдя от деревянных стражей на десять шагов.

Приложила снег к порезу и длинно вздохнула. На душе было тихо и хорошо... пока я не заметила красные глаза в темноте.

Тот же цвет, тот же размер, тот же дикий взгляд.

— Да ты ж утонуть должен был, — прошептала я.

Обидно было если честно. Меня спасли, из реки вытащили, а потом еще и выхаживали неделю, а этого на произвол судьбы бросили, но он выжил.

И не просто выжил, но, судя по всему, вернулся еще раз попытать удачу.

— Что ж за жизнь-то у меня такая? Что за жизнь?

Волк, замерев посреди белого, заснеженного поля, внимательно смотрел на меня и чего-то ждал. Его темная, огромная фигура четко вырисовывалась на белом снегу, в рассеянном свете растущей луны.

Между нами было двести метров, быть может, чуточку меньше...до ворот, а значит до защиты - в два раза дальше.

Едва ли у меня был хоть один шанс добежать до безопасного места, да даже самый лютый оптимист уже заказывал бы венки на могилку и жалел о том, что не успел составить завещание, а я побежала.

Я же, черт возьми, Огневица, меня же ничего не возьмет, и эта лохматая жуть с красными глазами, тоже не возьмет. Подавится, скотина блохастая.

Девять шагов, ровно столько я успела пробежать, до того, как волк меня настиг.

Звонкий, оглушающий визг, вырвался из моей груди, стоило только крепким зубам ухватиться за край тулупа. Ашша, которая мне дырки от волчьих зубов на рукаве зашивала, пока я болела, точно не обрадуется, узнав, что тот же самый монстр прибавил для нее работы.

Низкий вой, разнесшийся над землей, вторил моему визгу. Выли от ворот. Оборотень, что стоял этой ночью на страже, и выпустил меня из деревни без всяких вопросов, подал сигнал беды.

И меня это должно было радовать, но оказалось довольно сложно радоваться, что похищение не осталось незамеченным, когда тебя уносят в лес. На этот раз волк рисковать не стал, и ненадежному льду предпочел кусты и коряги. Мне, опять болтавшейся у него под брюхом, совсем не нравилось получать по голове и плечам ветками и отбиваться об коряг, коварно притаившихся в снежном укрытии.

Снег набился за шиворот, лез в уши и нос, залеплял глаза, делал меня беспомощной, мокрой и жалкой.

Свер обещал, что зима будет теплой, и она была теплой, градусов тридцать, не ниже. Как утверждала Ашша, для этих мест это очень хороший показатель.

А я этой теплой зимой уже успела дважды заболеть и рисковала прихворнуть в третий.

Мы успели углубиться достаточно далеко в лес, когда волк, тормознул у дерева, на нижней ветке которого была развешена рубаха. Резко, мотнув головой, он швырнул меня в снег, а сам, кувыркнувшись через голову, встал уже человеком.

Мелькнул голым задом, сноровисто прикрыв его длинной рубахой, доходившей ему до колен, и только после этого обернулся ко мне. И сразу же ляпнул глупость:

— Ты только не бойся.

Лицо в полумраке разглядеть сразу не удалось, зато голос я узнала.

— Так это ты! А еще навещал меня, сочувствовал, — руки совсем замерзли и утратили былую чувствительность. Я почти не ощущала снега под ладонями, и не могла даже представить, как больно мне будет отогреваться, — признавайся, зачем на самом деле приходил? Добить хотел?

Рашис нерешительно приблизился, медленно, стараясь не пугать, опустившись на колени в двух шагах от меня. Холода он не чувствовал, от его тела шел легкий пар.

— Я бы не посмел, — с горячей искренностью заверил он, — для меня твоя жизнь дороже своей...

— Чего?

— Мне по осени ведунья предсказала, — говорил он медленно, тихо, пытаюсь меня успокоить. Словно я нервная лошадь или взбесившаяся собака, — что есть на земле Князя Волков, огонек, который мне путь к моему величию укажет, или на погибель обречет.

Двигался он осторожно, неуверенно коснулся моих пальцев, готовый в любое мгновение отдернуть руку, только чтобы не напугать больше. Я не дергалась и руки не отняла. Уж очень горячей у него была ладонь. Согревающей.

— Я же к князю пришел на службу наняться, думал, буду по его поручениям разъезжать, всяко судьбу свою встречу, и подумать не мог, что огонек меня прямо в его доме поджидать будет.

— А ты не думал, что ошибся? Что это не обо мне тебя ведунья предупреждала? — я лучше всех других знала, что огонька во мне никакого нет. Разве только искра, да и та чуть не погасла, когда я под лед провалилась. — Может тебе и вовсе к Дубрам надо. У них же Смаг, там не один огонек, там целый костер найти можно.

— Я уверен, что про тебя речь, — непреклонно заявил он, бережно растирая мои руки.

— Вот чудак-человек, — фыркнула я, но тут же спохватилась, — прости, не человек. Но ты сам посмотри, я сейчас совсем холодная, тебе меня греть придется, ну какой из меня огонек? Ледышка я, не больше.

— Ты Огневица, — уверенно сказал он, — а то, что сила твоя зимой спит, многие знают. Тебе просто в огне погреться на...

— Даже не думай! — вырвав свои руки из его пальцев, я попыталась отползти назад, но сапог зацепился за ветку и упрямо не пускал. — Не буду я в огне греться.

Рашис спорить не стал, покладисто согласившись и снова попытавшись взять мои руки в свои:

— Хорошо. До лета подождем, я готов, я терпеливый. А там ты уже в силу войдешь, и все случится.

Как же, все-таки, сложно с дураками.

— Ну так чего, тогда возвращаемся в деревню? — предложила я, радуясь, что по деревне еще не разошлись слухи о моем самоубийственно-героическом решении сделать большой бум.

Пускай ждет своего лета сколько угодно, я скоро, может, вообще дома буду.

— Нет. Мы уйдем отсюда. Тут недалеко укромное место есть, там переночуем, а завтра утром Тавр и Девр лошадей приведут.

— Подожди...ты собираешься отсюда уходить?

— Мы отсюда уйдем. Все вчетвером.

Потеряв дар речи, я беспомощно разглядывала его одухотворенное лицо.

Спасиите меня кто-нибудь, пожалуйста. Тут один неадекватный мужик решил взять судьбу в свои руки.

Мою, блин, родненькую судьбу, в свои мохнатые лапы.

— А если я тебя на погибель обреку, ты об этом думал? — спросила я, уверенная, что так и будет. Быть может, отыщи Рахис настоящий огонек, шанс на светлое будущее у него бы еще был, но я-то подделка. Что хорошего я могу ему принести?

Оборотень оказался просто непробиваемо самоуверенным.

— Я готов рискнуть.

У него было ровно двадцать минут, чтобы рассказать мне о своей судьбе, о том, как он жил, и почему готов чужую Огневицу прямо из дома выкрасть.

Мне не хотелось знать, что он один из тех несчастных, чья мать согрешив с оборотнем, после отказалась от сына, стоило ему в первый раз личину сменить. Не хотелось, потому что жалостливая очень была, и наслушавшись обо всех его злоключениях, боялась начать ему сочувствовать.

— Говорят, на з́аселке, где я вырос, как-то по весне отряд останавливался. Считалось, что это кмети княжеские, хотя никаких особых знаков у них не было. Но сила и удаль в них чувствовалась такая, что многие девки не устояли, — Рахис грустно усмехнулся, — моя мать тоже. Понесла, но в лесу на откуп духам не оставила, за что ей спасибо. Вырастила, выкормила, а как превратился в первый раз, так вещи мои собрала, да велела уходить. Повезло мне.

— Чем это повезло? — спросила я, возмущенная таким отношением матери к своему ребенку.

— Тавра и вовсе на порог не пустили. А Звеня названный отец зарубил.

Рахис говорил просто, спокойно, словно это было в порядке вещей.

— Нас же попервости пятеро было. Вместе зверями по лесам бродили, вместе человечность свою искали. Да вот, один на топор напоролся, а второго Костяник выхолодил, когда мы зимой ночевать в лесу остались.

Рахис оборвал рассказ, прислушался, подобрался весь и резко взвился вверх, чтобы перекувыркнувшись, уже волком подняться на лапы, стараясь стряхнуть с шеи мешающую рубаху.

Огромный белый волк, бесшумно и страшно, выскочивший из ночной темноты, врезался в бок Рахиса. Рубаха слетела с него, а по снегу, огрызаясь и рыча, покатился черно-белый клубок.

Сидеть тихо и не отвечивать — в моем случае был бы идеальный вариант, но я не смогла.

Когда Рахис с жалобным визгом отлетел к дереву, а Свер уже готовился к новому прыжку, готовый добить противника, я бросилась наперерез.

— Пстой.

Жалостливая же, глупая и сама во всем виновата.

Пока наш вожак офигевал от моей тупости, Рашис действовал.

С трудом поднявшись на лапы, он бросился ко мне.

На спине у меня глаз не было, и я этого не видела, а среагировать на предостерегающий рык Свера не успела.

Меня схватили за рукав и одним невероятным движением закинули на спину. В густой волчий мех я вцепилась инстинктивно, не сразу даже заметив, что он слипся от крови, и не чувствуя, как жжет порез на моей ладони.

Рашису хорошо досталось, он осознал, что не сможет справиться с вожакom и решил сбежать.

А куда может сбежать оборотень, если он ранен, а преследователь силен и очень зол?

Я почувствовала то мгновение, едва заметный переход, когда его лапа встала на волчью тропу.

Здесь снега не было. Только узкая, основательно утоптанная тропа и темнота вокруг. Темнота, в которой горели красные огоньки.

Свер говорил, что эту тропу каждый должен прийти сам, но Рашис, кажется, таких подробностей не знал. Протащив меня на своей спине по страшной темноте, оторвавшись от преследования, он вырвался в реальный мир, а меня сорвало с его спины и бросило назад. На тропу.

И темнота поглотила меня.

Если для оборотня в этой непроглядной мгле еще предусматривалось хоть какое-то освещение, то я, по мнению тропы, его не заслуживала. Узкой, но относительно надежной дорожки видно больше не было, я стояла ослепшая и беспомощная, не имея понятия в какую сторону идти и что делать.

А красные огоньки приближались. Что-то прошуршало совсем рядом, не спеша нападать.

И огоньки больше не плыли во мраке лениво и величественно, они нетерпеливо метались, почти сталкиваясь и нервно дергаясь.

По сапогу проползло что-то толстое, тяжелое, очень похожее на какую-нибудь огромную змею.

Это была последняя капля. Стоять на месте и дальше просто не было сил.

Оцепенение, окутавшее сразу же, стоило только Рашису выскочить в реальность, оставив меня здесь одну, спало.

Я отступала медленно, не делая резких движений, старательно не выдавая того ужаса, что разлился по всему моему телу ослабляя мышцы и мешая мысли. Просто осторожно отступала, ничего особенного. Подальше от этих красных огоньков.

В какой-то момент повернулась к ним спиной, чувствуя, что сил смотреть на это нетерпеливое перемигивание больше нет.

Я шла медленно, настолько медленно насколько это было вообще возможно. Осознала, что выдержка меня подвела, когда почувствовала, как колет в боку, а легкие разрываются от быстрого бега. Мозг плохо работал, не справлялся с нагрузкой, просто не мог пробиться сквозь толстый слой липкого, холодного ужаса, оставив меня на инстинкты.

Инстинкты помогали не очень. Все, что они от меня требовали — это бежать. Не останавливаться, не оборачиваться, не дать странной штуке, шуршащей за спиной, меня поймать.

Огоньки метались по левую руку от меня. По правую было совсем темно, а за спиной шуршал мой ужас.

И я бы хотела свернуть направо, попытаться сбежать от того, что позади, в надежде, что оно просто ползет по прямой, но Свер говорил, что с тропы сходить нельзя и пусть я не видела этой тропы, но чувствовала, что она у меня под ногами. И пока это так, я в относительной безопасности.

А то шуршание позади... это скорее всего просто страшный звук, призванный меня напугать. Как шаги в прошлый раз.

Ничего ужасного. Главное не останавливаться. Не оборачиваться...

Шуршание за спиной прекратилось, и я с облегчением вздохнула, даже чуть сбавила темп, позволив себе немного пройтись.

— Вот черт, — мой кошмар неожиданно закопошился впереди, — нет-нет-нет.

Он шуршал не переставая, словно бы располагался поудобнее, готовился принять меня в свои холодные объятия и съесть. А я послушно шла прямо к нему, медленно, неохотно, но неотвратно.

Безвыходная какая-то ситуация.

Впереди утробно зарычали.

О том, что нельзя бояться, я вспомнила слишком поздно. Вокруг ноги обвилась щупальца, страстно сжав мой сапог. Я упала.

Она была очень рада мне, как и я была бы рада еще вчера большому шоколадному торту.

Вкусная еда.

Кольцо — полезный дар жреца, мигнуло тусклым светом и засияло звездой на моем пальце, разгоняя темноту вокруг, позволяя разглядеть серую щупальцу, обхватившую мою ногу. Она была толстая, мясистая, влажно поблескивающая, отвратная с какой стороны не посмотри. Мышцы под тонкой кожей сокращались, резко подтягивая меня к себе, синие тонкие, нити, очень похожие на вены, пульсировали, перегоняя жидкость, заменяющую этому существу кровь, от сердца по всем сосудам. Если сердце у этого создания вообще было. В любом случае, зоология подготовила меня к тому, что для циркуляции крови в организме не обязательно иметь сердце.

Этот же мир собирался примирить меня с мыслью, что не всегда нужна голова, чтобы поесть. В конце концов, рот может находиться и в каком-нибудь другом месте.

Щупальце упрямо и очень уверенно, подтаскивало меня к огромному, раздувшемуся шару, бледно сияющему синими, пульсирующими сосудами, а посередине этого шара зияла круглая, полная зубов пасть. Дружелюбно открытая по случаю скорого обеда.

Еще два рывка я просто тупо пялилась на острые, треугольные зубы, несколькими рядами уходящие в глотку.

Не сразу удалось вспомнить, что обед сегодня как раз таки я, и если в моих планах на завтра не значилось медленное и ленивое переваривание в этом раздутом монстре, то нужно что-то делать.

У меня хорошо получалось визжать, но еще лучше вышло освободиться. С коротким вскриком согнувшись, на пару секунд прекратив орать, я попыталась отодрать от своей ноги эту жуть, или хотя бы чуть ослабить хватку, чтобы просто снять сапог. Лучше я буду босиком тут бегать, чем вообще уже никогда не буду бегать. Ладонь прострелило острой болью, но я почти не обратила на нее внимания, занятая попытками спасти свою жизнь.

Приятной неожиданностью стало странное шипение, непередаваемое, не похожее ни на что. Так во всяких фильмах ужасов озвучивают смерть какого-нибудь мерзкого чудовища. С визгом, бульканьем, нечеловеческими подвываниями.

Кольцо, которым я коснулась щупальца, оставило на нем маленькую подпалину. Недостаточную, чтобы чудище меня выпустило, но вселяющую надежду на спасение.

Вцепившись в щупальце, я крепко его сжала, борясь с гадливостью. Скользя, холодная плоть дрожала и извивалась в руках.

Земля, если эту черную, твердую как камень субстанцию вокруг, можно было назвать землей, задрожала вокруг шара с зубами.

Вслед за первым, ухватившим меня, на свет моего кольца ринулось второе щупальце, только выкопавшееся, оно опоздало буквально на секунду.

Первое, основательно прожаренное, не смогло и дальше терпеть такие издевательства, и, выпустив меня, метнулось под защиту зубастого мешка.

Увернувшись от второго я успела подняться и отбежать на несколько шагов, выйдя из опасной зоны.

Кольцо светило лучше фонарика, позволяя мне рассмотреть ровную черноту земли под ногами. Тропинки видно не было. Меня с нее стащили, я понятия не имела куда теперь нужно идти, и что будет дальше. А еще на меня ворчливо ругалась лишившаяся еды мерзость за спиной. Она скрипуче стонала и булькала под ритмичные удары щупальцами.

Бредя в непроглядной темноте вперед, единственное, на что я надеялась, было мстительное предвкушение того, как вожак вот прямо сейчас нашел Рахиса и медленно, со вкусом, разделявает его на маленьких, несчастный и во всем раскаявшихся рахисиков.

О том, что Сверх может остаться меня на тропе разыскивать, я как-то не подумала. Просто, так застрашал он меня в первый раз моего здесь пребывания, что я искренне считала, будто вытащить меня отсюда невозможно.

Сложно сказать, почему сама продолжала куда-то идти. Наверное, все же, верила в чудо. Хоть и понимала какой-то маленькой, рациональной и очень гадкой частью своего сознания, что я заблудилась и рано или поздно здесь умру. От истощения, от чужих зубов или когтей, или еще чего-нибудь пострашнее (никто ж не знает, что тут водится).

Но колечко пока светило, оберегая меня от недовольного копошения в темноте, и я могла идти вперед.

В месте, где не существует времени, трудно определить, как долго ты тут находишься.

Я не чувствовала усталости, нервы были на пределе, тело, под завязочку накаченное адреналином, переоценивало свои возможности, но почувствовать голод я была способна. И я его чувствовала. А значить это могло только одно: брожу я здесь уже давненько.

— Если выберусь отсюда, найду Рахиса и съем его печень, — я говорила громко, но звук моего голоса был очень слабым, едва слышным, словно я шепчу. Тьма вокруг надежно поглощала все звуки.

И чем дальше я шла, тем тише становилось. В один прекрасный миг, осознав, что уже просто не слышу своего дыхание, испугалась достаточно сильно, что бы повернуть назад. И даже умудрилась немного пробежаться, что бы поскорее выбраться из этой неправильной тишины.

Это было самое умное, что я вообще умудрилась совершить в этом мире.

Белый волк выскочил на свет неожиданно, чуть не доведя меня до сердечного приступа.

Глухо рыкнув, он пролетел мимо, резко затормозил, отчего его смешно занесло.

Нервный смешок помимо воли вырвался из груди, но мне за него было совсем не стыдно, не плачу - и то хорошо; и встал, низко опустив голову.

Свер тяжело дышал, лапы дрожали и разъезжались, левый, потемневший от крови, бок был глубоко вспорот, на задней лапе виднелась в проплешинах покрасневшая, воспалившаяся кожа, словно кто-то присосками вцепился в нее, и отодрался уже только с мехом. Правое ухо было порвано, а морда вся перепачкана чем-то черным и отвратительным на вид. У вожака, в отличие от меня, не было чудо-кольца, его нечему было защитить от того, что живет в этой недружелюбной темноте.

Припадая на заднюю лапу, он приблизился ко мне и первое, что сделал — обнюхал. Основательно, ответственно, сунувшись носом даже мне в лицо.

От него самого пахло просто ужасно, и я не могла представить, что он надеется унюхать, все перебивала эта резкая, едкая вонь, исходящая от черной гадости на его морде.

Но я все равно смиренно стояла на месте, позволяя Сверу делать все, что вздумается. Пусть нюхает, сколько влезет, может даже на вкус попробовать, я не против, лишь бы он забрал меня отсюда.

Я не знала, что бы со мной случилось, не появись здесь Свер, но он был здесь, я чувствовала себя в безопасности и уже почти любила его за это.

Когда мы выбравшись из темноты, сошли с тропы, возвращаясь в реальный мир, живой, полный запахов и красок, рядом с которым тропа казалась стерильной подделкой, там уже царствовал рассвет. Жутко было даже представить, сколько мы бродили в темноте. Свер, едва передвигал лапами, и я, из последних сил цеплялась за мех на его холке.

И еще страшнее было осознать, что путь наш был незавершен.

Вынырнули мы почти в десяти километрах от деревни по колено в снегу.

— Рашис вернется, — уверенно прошептала я, ощущая, как мороз пощипывает щеки, и шалея от этого чувства, — обязательно вернется в деревню за своими товарищами. И я его придушу.

Свер согласно фыркнул, и мы медленно поковыляли вперед.

Я была совершенно измотана, морально опустошена и отупело равнодушно, хотя чувствовала, что должна собой гордиться.

Выбраться с волчьей тропы целой и невредимой — многим ли это по плечу?

Только Князю Волков, которого, по умолчанию, ни одна гадость не возьмет, и бешеной Огневице, которую если какая гадость и попробует взять, то в лучшем случае просто подавится.

Глава 15

Сорок минут.

Ровно настолько мы опоздали для того, чтобы перехватить поделщиков Рашиса. Они ушли беспрепятственно и скорее всего, еще не знали, какой эпичный крах потерпел план их товарища.

А наша уверенность в том, что Рашис вернется в деревню, заметно пошатнулась. Незачем ему было возвращаться.

Ничего важного для него здесь не осталось... кроме меня.

Но лично я бы ради себя не стала рисковать шкурой.

Свер был уверен в обратном, а после моего прочувствованного и жалобного монолога, в котором я выложила все, что мне рассказал Рашис, в этом же уверился и Алис.

— Подумать только, — возмущался он, в раздраженном нетерпении меряя шагами комнату, — нашу Огневицу решили умыкнуть. Ну, не дураки ли?

Я энергично кивала — дураки, как есть дураки — то и дело потирая перебинтованную ладонь.

Порез, добровольно сделанный мною на капище, после прогулки по волчьей тропе, распух и постоянно ныл.

Йола, осмотревшая мою руку сразу же как мы, замерзшие, усталые и голодные, вернулись в деревню, успокоила заверением, что рана не серьезная и должна зажить достаточно быстро... если я ее не на тропе получила.

На робкое уточнение, что было бы, порежесь я там, в той безысходной темноте, знахарка совершенно спокойно, буднично сообщила:

— Умерла бы в течение пяти часов.

И тяжесть ранения значения бы здесь не имела. Даже получи я простую царапину в том темном, страшном месте, спасти меня уже не смог бы никто.

Выслушав все это, я заторможено кивнула, не сразу сообразив, что именно привело меня в такой ужас. Я же, в общем-то, совсем там не пострадала, не считая потрепанных нервов. Даже синяка ни одного не заработала.

Но это только я...

— Свер!

Пока я сидела на первом этаже в компании Йола и небольшой группы поддержки из двух нелюдей, сам вожак находился в своей комнате, поднявшись туда в сопровождении Берна и Алиса. Волк едва стоял на лапах, и его пришлось почти тащить по лестнице.

И теперь он где-то там.

Умирает.

Я бросилась наверх без раздумий, с отчаянием осознавая, что не могу никак ему помочь, но все равно не желая оставаться в стороне.

Ашша и Наи, сидевшие вместе со мной, после случившегося этой ночью позабывшие, что мы не разговариваем, удивленно смотрели мне в след. Ашша знала то, чего не знала я, а Наи просто не совсем понял слова знахарки.

Чуть не выбив дверь в комнату вожака, я ввалилась к нему, чуть не растянувшись на полу. Если бы не Берн, стоявший у двери и успевший ухватить меня за шкуру, точно бы упала.

Свер, присев на край стола, морщился и тихо взрыкивал, пока Алис забинтовывал его бок.

В комнате тонко, ненавязчиво пахло лекарственными травами.

— Яра? — очень удивился Алис, на секунду отвлекшись от своего занятия.

— Что-то случилось? — обеспокоенный выражением моего лица, Свер попытался встать, но был тут же усажен на место твердой рукой.

— Я не закончил, — напомнил лис.

— А ты не умираешь? — глупо спросила я.

Идиотский вопрос, конечно. Свер меньше всего был похож на умирающего. Сейчас, в своем стандартном человеческом виде, он казался даже не сильно потрепанным. Свободные штаны скрывали уже обработанное и забинтованное бедро, на котором у волка (я это помнила точно) краснели следы от каких-то присосок - словно там, в сухой темноте, вожак умудрился наткнуться на осьминога. Торс тоже успели уже перебинтовать, и мне оставалось лишь гадать, насколько страшной на самом деле оказалась рана.

А усталым и привычно раздраженным Свер был каждый вечер. И сейчас выглядел так, будто просто опять весь день на ногах провел, а не целую ночь меня на волчьей тропе разыскивал.

— Должен умирать? — приподнял бровь он. Берн молчал. Алис тоже молчал, но по глазам было видно, как ему хочется что-то сказать. Лиса просто распырало от желания вогнать меня в краску.

— Йола сказала, что раны, полученные на тропе, смертельны. Даже царапины.

Я уже жалела, что так опрометчиво бросилась к умирающему. Надо было сначала всю информацию из знахарки вытрясти, чтобы сейчас не стоять под внимательным взглядом желтых глаз.

И первое, что я собиралась сделать, покинув комнату вожака — найти знахарку и выяснить у нее все подробности.

— И ты чего прибежала? — фыркнул Алис, уже не в силах молчать. — Решила поплакать над телом своего спасителя? Так поторопилась. Вот в следующий раз, когда Сверу тебя спасать придется, он, может, и помрет, но точно не сейчас. Так что сопли подбери и успокойся.

— Алис, — с осуждением протянул вожак.

Я шмыгнула носом и нудно уточнила, обращаясь исключительно к Сверу:

— То есть, ты не собираешься умирать?

Он усмехнулся и медленно покачал головой:

— Не в ближайшее время.

Я кивнула, вытерла рукавом рубахи нос и предприняла попытку убить Волчьего Князя.

В смысле, я просто бросилась к нему обниматься, но Алис орал так, словно я его душила. А я не душила, просто обняла хорошенечко за шею и никак не могла заставить себя отпустить.

— А я же знаешь, как испугалась? — жалобно всхлипнула я, но всем почему-то показалось, что я возмущаюсь. Всем, кроме Свера, утешающе гладившего меня по спине.

Тогда его еще не интересовало, за каким таким чудесным лесным духом я ночью из деревни сбежала, и он позволил себе ответные объятия.

К сожалению, счастье длилось недолго, и спустя какие-то пять минут, сразу после

обнимашек меня уже самоотверженно ругали за глупое безрассудство.

Я согласно поддакивала и нервно теребила повязку на руке, стоя посреди комнаты и получая на орехи.

Берн только одобрительно угукал от двери, продолжая подпирать стену рядом с выходом.

Алис был добрее, но долго не решался вмешаться, лишь сочувственно хмыкая.

Голос он подал лишь когда убедился, что все свои претензии Свер высказал.

— Она, конечно, безрассудно поступила, в одиночку ночью покинув деревню — кивнул лис, дразня меня ехидным взглядом прищуренных зеленых глаз, — но что с Рашисом? Он на свободе и Трав с Давром уже ушли достаточно далеко. Мы можем попробовать их нагнать, но они оборотни, как следы путать знают и...

— Будем ждать. — перебил Алиса вожак, кивнув на меня: — Рашис уверен, что Яру напорочили ему духи, а значит, он придет за ней. Это лишь вопрос времени.

Хотелось верить, что оно у нас есть. Это время.

Но разговор на этом был закончен, и никто не посмел спорить с вожаком.

К тому моменту, как дорогие хту-наанские гости изволили проснуться, все проблемы были улажены, вопросы решены, и ничего не напоминало больше о ночном инциденте.

Ничего, кроме моего сонного, помятого лица.

Гости из жреца и его учеников вышли просто замечательные. Они сидели в выделенной им комнате, не желая морозить свои косточки на улице, и почти все время медитировали.

Расположившись кружком, хту-наа могли часами сидеть неподвижно, закрыв глаза и мерно дыша.

Я окрестила это их состояние зимней недоспячкой, а Наи благоговейно называл общением с предками. Оборотни просто радовались, что выходцы, по дичайшему стечению обстоятельств, ставшие их дорогими гостями, ведут себя тихо, и мирно сидят в комнате.

А пока они там общались со своими предками, не желали общаться с оборотнями и не нуждались в переводчике, я решила вздремнуть.

Свер, напоенный под завязку восстанавливающим отваром, выглядел сонным еще во время перевязки, а уж после и вовсе валился с ног. И теперь, выгнав нас из комнаты, он решил отдохнуть и восстановить силы.

Мы заслужили отдых... как мне казалось.

Но были и те, кто так не считал.

Я проснулась от страшного грохота, раздавшегося из комнаты вожака, а в следующее мгновение подскочила на кровати от страшного, душераздирающего мява. И это точно орал не Свер. Это был кто-то меньше, пушистее и наглее.

О том, что случилось самое страшное, то самое о чем Рала была мною предупреждена, я подумала, уже выбегая из комнаты.

Случилось, блин, то, чего не ждали. Встретились волк с котом.

И если их предыдущая встреча обошлась без особых жертв (даже Рале не сильно досталось), то на этот раз все могло закончиться куда печальнее.

Латису совершенно точно жилось скучно, ему мешали лишние жизни, хотелось подвигов и экстрима. И именно поэтому, вместо того, чтобы залезть ко мне в окно в поисках еды или внимания, он попер к вожаку.

Но вместо того, чтобы принять свою дурость, покаяться и просить прощения, кот орал дурным голосом, за шкирку висая в вытянутой руке Свера, и требовал свободы.

Я ввалилась в комнату как раз вовремя, вожак рычал на орущего кота и уже собирался отрывать ему голову.

Сквозь приоткрытое окно, через которое мохнатый нарушитель попал внутрь, на пол падали редкие, тонкие снежинки, на улице весна во всю боролась с зимой, но пока не могла одержать победу. А в доме, за надежными стенами, шло противостояние куда эпичнее.

— Эээ, Свер, отпусти кота, пожалуйста, — попросила я с порога, чуть приоткрыв дверь, рискуя головой и не решаясь сунуться в комнату целиком.

— Я предупреждал Ралу, — прорычал он, даже не посмотрел в мою сторону.

Латис не прекращал орать и извиваться. Пару раз он даже умудрился удачно изогнуться и оставить на державшей его руке несколько глубоких царапин. Свер зло рыкнул, но руку не разжал.

— А давай ты его лучше мне отдашь? — неуверенно предложила я, опасливо проскользнув в комнату. Мне было очень страшно за свою шкуру, в конце концов, кто знает, на что способен раненный, невыспавшийся оборотень? Но шкура Латиса находилась в большой опасности, и ее нужно было как-то спасти.

На полу, ножками кверху, валялся табурет, что перевернул кот с усохшим инстинктом самосохранения, спасаясь от заслуженного наказания.

— Тебе?

Стоило мне зайти в комнату, как Латис заткнулся, поджал лапы, округлил глаза, выкрутил настройки мимимишности на максимум и покорно обвис в крепкой руке, дожидаясь пока я его спасу.

— Ну да. Ты же хочешь его наказать, да? За то, что он к тебе в комнату пробрался?

Свер кивнул, внимательно глядя на меня. Ждал, что я скажу дальше. Он совершенно точно знал о нашем преступномговоре с хозяйкой этого восьмикилограммового кошмара, и его даже забавляло мое нервное бормотание.

— А я могу тебе в этом помочь, — не сдавалась я, упрямо игнорируя чуть насмешливый взгляд, — ты не знаешь, но в детстве, когда мы ходили в гости, котов, если такие имелись в доме, перед моим приходом обычно прятали.

— Хммм?

— Да, я была очень любвеобильным ребенком, — храбро призналась я, глядя ему прямо в глаза. Хватило меня, правда, ненадолго. Опустив голову, я скорбно добавила, — правда, совсем не нежным. Но котиков сильно любила, и они от этого часто страдали.

— И что ты предлагаешь?

Свер сдался, это по лицу было видно. Ну не может просто оборотень, решивший разделаться с котом, так ехидно улыбаться.

— Отдай его мне, и он пожалеет о том, что к тебе сунулся, — взгляд невольно скользнул к окну, — зачем ты вообще его открыл?

— Жарко, — коротко ответил Свер.

— Так ты котика отдашь? Обещаю, он будет страдать.

После секундной заминки Латис переключал ко мне в руки. Мужественно приняв тяжелую ношу, я восхитилась силой Свера, спокойно удерживавшего столько времени такую тушу одной рукой, и уже хотела было уйти, но не смогла.

Отдав мне кота, Свер тяжело опустился на кровать, потирая раненый бок. От резких

движений рана закровила, и на белой ткани повязки проступило небольшое красное пятно.

— Все в порядке? — удерживая Латиса под лапами обеими руками, я крепко прижала его к себе. Он обвис и не дергался, кончиком хвоста почти касаясь пола.

— Да.

— Тебе же больно.

— Яра, просто иди... избавься от кота, — велел он устало, — и передай Рале, если еще раз увижу ее живность в своем доме, сделаю из него меховые рукавицы.

— Поняла, — энергично кивнула я, попой чувствуя, что Латиса этот инцидент ничему не научит, и ждет нашего вожака еще ни одна встреча с этим котярой.

— Иди.

Еще раз кивнув, я уже почти повернулась, чтобы уйти, но быстро, не давая себе передумать, решительно подошла к Сверу, прямо под скептическим взглядом, проигнорировав удивленно поднятую бровь и легкую растерянность, звонко чмокнула его в щеку.

Латис, болтавшийся в моих руках, протестующе мяукнул, когда я, наклонившись к вожаку, сжала его крепче.

— Спасибо. — отчеканила я, серьезно глядя на прифигевшего вожака.

— И за что?

— Да за все, — пожала плечами я и удалилась, чувствуя себя победительницей.

И кота спасла и вожака озадачила, утро было прожито не зря.

Латис недолго висел бессловесной куклой, оттягивая мне руки. Стоило только вынести его в коридор, как кот почувствовал себя в безопасности и тут же начал крутиться, выскальзывая из объятий.

Делал он это с такой отчаянной сосредоточенностью, что удержать его просто не было никакой возможности. По крайней мере у меня.

— Зараза ты, все-таки, — тихо ругнулась я, когда Латис все же вывернулся и грузно шлепнулся на пол.

— Мррр, — это было все, что он сказал мне на прощание, прежде чем ускакать вперед по коридору, гордо задрал хвост.

На своих ошибках учиться он явно не собирался. В этом кот был очень похож на свою хозяйку, как раз в это мгновение опасливо выглянувшую из-за поворота, ведущего к лестнице.

Сначала она заметила меня, и глаза ее загорелись надеждой, а потом взгляд опустился ниже, на бегущего прямо к ней кота. И Рала забыла, что где-то рядом находится вожак, который может ее услышать.

— Латис! — взвизгнула эта несдержанная особа, метнувшись навстречу своей пушистой радости, прибавившей скорость, чтобы страстно запрыгнуть в раскрытые объятия.

— Какая трогательная картина, — проворчала я, приближаясь к ним. Руки чесались вытолкать Ралу из дома вожака от греха подальше. Мне не очень хотелось еще раз тревожить то угрюмое болото, в которое влип вожак после нашего возвращения в деревню.

В какой-то мере я его даже понимала. Огневицу чуть из-под самого носа не увели, на волчьей тропе отхватил так, что хромать еще неделю предстоит, а в довершение к этому еще бешеный комок меха сначала разбудил, а потом руку расцарапал. Ну и, конечно же, как же можно забыть пристукнутую недонечисть, лезущую целоваться.

Бедный у нас вожак, измотанный, не нужно ему сегодня новых потрясений.

— Он опять к тебе пришел, да? — прижимаясь щекой к мохнатой, надменной морде, снисходительно терпящего все эти нежности кота, Рала смотрела на меня почти с любовью. — Я просто не знаю, что делать, его сюда так и тянет. И хорошо, что он к тебе ходит, если бы к Сверу опять сунулся...

Рала нервно поежилась, зажмурилась на секундочку, стараясь не представлять, что бы с ней сделали, реши Латис проведать вожака.

— Страшно даже представить, что было бы.

— Зачем представлять, если можно пережить? — снисходительно спросили за моей спиной.

Свер стоял в дверях своей комнаты, любуясь быстро бледнеющей оборотницей.

— Он же к тебе в комнату... — забормотала Рала, умоляюще глядя на меня, но осеклась, поймав мой сочувственный взгляд.

— Свер, а разве ты не собирался простить и отпустить? — храбро влезла я, пытаюсь защитить морду, которая этого все равно не оценит. Нет, Рала-то будет благодарна, но вот Латис едва ли вообще поймет, что я ради них тут рискую.

Раздраженный Свер — трагедия для провинившихся.

— Как я могу отпустить, если они сами пришли? — удивился он. У вожака на лице прямо красными печатными буквами было написано, что я нахожусь в шаге от того, чтобы разделить наказание с Ралой, но сдавать назад было поздно.

— Как-как? Проявив всю свою доброту и понимание. И давай не будем забывать о всепрощении, которое свойственно твоему замечательному характеру?

— Правда?

— Правда?

То, что Свер удивился, было вполне понятно, ожидаемо и неудивительно, но вот Рала куда лезет? Зачем нарывается?

— Правда, — с нажимом подтвердила я, выразительно глядя ей в глаза.

— Предположим, ее ты убедила, меня как убеждать будешь?

Он надо мной издевался, и это было очень возмутительно.

У меня была сложная ночь, моя тонкая душевная организация с трудом выдержала все испытания. И вместо того чтобы сейчас отсыпаться, я должна участвовать в этом безобразии.

— Я тебе очень-очень попрошу убедиться самостоятельно.

— И если я не соглашусь?..

— Ты же не забыл, что я гроза всех котов?

Скептический взгляд как бы намекал, что нет, он не забыл, но не сильно в мои слова верил.

— Так вот, собачкам от меня тоже доставалось. Я была страшным ребенком.

Это была угроза, но Свер на нее отреагировал как-то странно. Он засмеялся. Негромкий, короткий смешок, но какой эффект он произвел на Ралу.

Оборотница была в таком шоке, что чуть собственноручно не придушила своего нежно любимого кота, хорошенечко его сжав.

Смеющимся жожака видели очень редко. Некоторые вообще никогда, а я могла похвастаться тем, что не только дважды уже слышала его смех, но даже была его причиной. Такая забавная, очень смешная Яра.

Веселая Огневица и ее зажигательный юмор.

— Валите отсюда, пока он добрый, — шепотом посоветовала я изумленной оборотнице. Повторять дважды не пришлось, у Ралы, в отличие от ее питомца, инстинкт самосохранения работал исправно.

На их неуклюжее бегство Свер смотрел со снисходительным равнодушием, не думая даже останавливать.

— Давай тебе руку перевяжем, что ли? — предложила я, просто чтобы отвлечь его от Ралы и ее проблемного котика.

Рассеянно кивнув, Свер невпопад спросил:

— Если бы Рашис не пытался тебя выкрасть, а прямо предложил уйти с ним, — тяжелый, испытующий взгляд и удивительный по своей глупости вопрос, — ты бы ушла?

— Начнем с того, что я даже не настоящая Огневица...

— Но если бы была настоящей? Ушла бы или нет?

— Нет, конечно, — я не представляла почему он вообще спрашивает такие глупости.

— Почему нет?

— Я не пойму, ты избавиться от меня хочешь, что ли?

Свер не ответил и смотрел требовательно. Напряженно. Вцепившись в меня этим взглядом и не отпуская.

— Потому что, кроме меня, никто другой не сможет так качественно трепать тебе нервы, как это делаю я, понятно? — сдалась я, недовольно поинтересовавшись: — Допрос закончен?

Терпеть ненавижу всякие эти сопливые признания.

— Пойдем, обработаешь мне руку, — хмыкнул он, возвращаясь в свою комнату. Уже оттуда раздалось его ворчливое, — подумать только, не могу царапины от кошачьих когтей заживить. Позор.

— Это все от того, что у тебя организм ослаблен, — со знанием дела заявила я, сунувшись следом за ним, — человек бы от твоих ранений сразу бы умер, молодой оборотень несколько дней в горячке пролежал и все равно умер бы, а ты еще умудряешься с котами воевать.

И я бы много чего еще могла ему рассказать из того, что мне поведала Йола. По этой теме я теперь была хорошо подкована...

Волки, коты, поцарапанный Свер, а потом еще и внезапно обретшие активность хту-наа... выпасться мне было не суждено, и в этой ситуации радовало лишь одно: страшной мордой побитого жизнью овоща народ я пугала вместе с жожаком. Только он был бледный и осунувшийся, а я серая и помятая. И вместе мы смотрелись просто замечательно.

Хту-наа, которые по жизни были бледные и страшные, не замечая нашего нездорового вида, хотели поскорее разобраться с тем материалом, которым оборотни планировали подрывать проход.

— Нужно удостовериться, что все сработает как надо, — степенно заметил Иви-нар, чуть нервно признавшись, — проход может открыться в любой момент. Мы должны быть к этому готовы.

— Он открывался совсем недавно, — вяло возмутилась я, стараясь встать как-нибудь так,

чтобы опереться о Свер, но не сильно палиться, — куда нам спешить?

— Яра-ата, — с укором протянул светлячок, — никто не сможет с уверенностью сказать, как скоро откроется проход. Все меняется.

Подстегиваемые беспокойными предчувствиями жреца, при полном одобрении вожака, мы отправились за главные ворота, чтобы опробовать местный аналог взрывчатки.

Это было очень похоже на порох. Серые гранулы в стеклянном продолговатом цилиндре, с впаянным в покатый бок красным кристаллом.

— Активатор — кровь, — Свер без предупреждения уколол палец удлинившимся когтем, смазал кровью кристалл и швырнул его в траву.

Брошенный сильной рукой цилиндр отлетел достаточно далеко, и еще с минуту ничего не нарушало идиллическую тишину небольшой поляны, выбранной вожаком для демонстрации взрывной мощи разработки, всеми ненавидимых, но очень сообразительных, магов.

Взрыв прогремел неожиданно, в воздух поднялся фонтан из земли и снега, а оборотни даже не вздрогнули. Хту-наа восхищенно переглянулись, и только я невольно вжала голову в плечи.

— Минимальный заряд, — пояснил Свер, ободряюще сжав мое плечо.

Путем незамысловатых испытаний было выяснено, что от хту-наанской крови цилиндры не взрываются.

Сгоию, как назвал цилиндр Свер, видимо, не хватило тепла в крови выходцев. Красный кристалл под разводами белесой жидкости, заменявшей выходцам кровь, не думал плавиться, и состав оставался не активированным.

— Значит, кто-то из нас пойдет с вами, — спокойно решил Свер, сжимая в руках так и не взорвавшийся цилиндр.

И мне почему-то подумалось, что Арем все же получит свою героическую смерть.

— А мне можно попробовать? — взволнованно попросила я, впечатленная неудачей жреца.

Свер протянул мне цилиндр, и в его глазах отражалась та же мысль, что занимала и меня: окажется ли моя кровь достаточно горячей, чтобы растопить камень?

Он надеялся на одно, я на другое.

И мои надежды оправдались.

Цилиндр взорвался значительно ближе, чем Сверов (что не удивительно, если учесть, что бросать его мне пришлось самостоятельно), и я даже подпрыгнула от оглушающего грохота, а потом прыгала просто так, радостно повторяя:

— Взорвала! Взорвала! Взорвала же!

Прыгала я недолго, под взглядом вожака радость затухла.

— Есть сгоили большего объема, мы проверим их и соберем наборы для двух взрывов, — сказал Свер. И пока я послушно переводила его слова, не отводил от меня взгляд.

Как-то плохо он на меня смотрел, недобро.

— Яра, — когда все засобирались обратно в деревню, а я предприняла попытку попасть туда раньше всех, тогда-то Свер меня и перехватил. Взял за руку, крепко сжимая ладонь, заставляя почти плестись вместе с ним в конце процессии. Алис, который хотел было к нам подойти, наткнулся на предостерегающий взгляд вожака и передумал.

И это напрягало даже больше, чем Свер, решивший прогуляться, держась за ручки.

Мы отставали от всех, но оборотни старательно этого не замечали, а жреца и его свиту виртуозно отвлекал Наи.

— И что это значит?

— Нам нужно поговорить, — остановившись, он развернул меня лицом к себе, крепко сжимая плечи. Прямой взгляд... настораживал.

— Что-то мне подсказывает, что разговор мне не понравится.

— Откажись от своей затеи, — попросил он, проигнорировав мою неуверенную улыбку, — мы сами разберемся с проходом, тебе...

— Мы же это уже обсуждали, — раздраженно перебила вожака я, попытавшись вырваться.

Дернулась раз, второй, третий, и лишь потом поняла, что меня не отпустят. Свер был настроен решительно, — если Волчица решит, что мне место здесь, то я в любом случае вернусь. Но если она хочет...

— Не важно, чего она хочет, — меня встряхнули, заставляя замолчать, — я не хочу, чтобы ты уходила. Разве это так сложно понять? Там опасно. Остайся в деревне, с праmaterью я договорюсь.

— Свер, я домой хочу.

— Ты дома, — рявкнул он, но тут же взял себя в руки, хотя я видела, каких усилий ему это стоило. Даже всякие наглые человеческие старосты его так не бесили, как необходимость меня сейчас уговаривать, — какой еще дом тебе нужен?

Я молчала, но мой выразительный взгляд говорил сам за себя.

— Яра, я тебя прошу, — Свера прямо корежило, когда он это говорил. Сразу видно, что не часто вожаку приходилось о чем-то просить. Статус позволял просто приказывать, — не нужно тебе в этом участвовать.

А меня раздражало это его упрямое желание заставить меня передумать. Он же ничего не понимал. Совсем ничегошеньки.

— Мы же уже договорились, что я пойду. Ты мне даже обещал из самострела научить стрелять, если вернусь.

— Если, — тихо повторил он.

— Мы договорились, — на всякий случай напомнила я и еще раз дернулась.

— Ты даже не представляешь, насколько было бы легче просто тебя запереть, — тихо, с бессильной злостью, проговорил он, продолжая нервировать меня своим душевыворачивающим взглядом.

— Но ты этого не сделаешь? — я честно старалась произнести это так, чтобы прозвучало как уверенное убеждение, а получился какой-то трусливый вопрос.

— Свобода выбора, — ответил он, как ругнулся.

Несколько мгновений мы стояли в тишине, а потом он сказал то, чего просто не мог сказать:

— Я пойду с тобой.

— Домой? — глупо уточнила я, сраженная скоростью его решений.

— В проход.

— Да это же опасно! Ты не можешь так рисковать.

Свер усмехнулся, довольный моим возмущением, он медленно разжал пальцы:

— Почему если можешь ты, не могу я?

— Да потому что! — я не знала, как ему объяснить то, что чувствовала. Слишком много эмоций, мешающихся, сменяющих друг друга, разрывающих меня на части. И страх, и нетерпение, и робкая надежда, что я смогу вернуться домой, которая в одну минуту превращалась в страх, что я действительно смогу вернуться домой и больше никогда не увижу этот мир. Тоска по дому (хотя было невозможно с уверенностью сказать по тому дому я скучала, или уже начинала тосковать по этому), по родителям. Единственным четким и незабываемым чувством была уверенность, я просто знала, что должна это сделать, чтобы потом жить спокойно. — Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь непоправимое!

Свер усмехнулся, дернул меня на себя, впечатав в свой кожух, и крепко обнял:

— Видишь ли в чем дело, я тоже не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Я пытался убедить себя, что ты права, и если Волчица хочет, чтобы ты осталась с нами, то уберезет и вернет тебя в стаю, — объятия стали крепче, а голос Свера глуше, — но правда в том, что я не уверен... не уверен, что праматери по силам будет дотянуться до тебя там.

Я молчала, копчиком чуя, что он еще не закончил. И мой копчик оказался прав.

— И если защитить тебя не сможет Волчица, то это должен сделать я.

— Ты Князь Волков, — тихо напомнила ему, неуверенно обняв в ответ, — тебе нельзя так рисковать своей жизнью.

— А ты Пограничная Огневица, — сказал он, и в голосе его слышалась улыбка, — и я должен тебя защищать.

— Кто так решил?

— Я.

— Ну так я же вроде как Огневица, это не меня, это от меня защищать надо, — проворчала я, умиленно сжав Свера крепче. Ну такой он серьезенький, ну такой брутальненький, просто лапочка пушистая.

И все было бы совсем замечательно, не иди его лапочковость вразрез с моими планами.

— Ладно, ты, конечно, очень обнимательный, но нам идти пора, — вздохнула я и еще крепче сжала объятия. Я пыхтела, а он, кажется, даже не заметил моих стараний, — нам же скоро делать большой бум. Надо готовиться.

— Пойдем, — флегматично согласился он, напоследок прижав меня так, что я дышать перестала.

— А пошли обратно, а? Обниматься будем, — тихо предложила я, когда трубный вой настиг нас в метрах десяти от главных ворот.

Сигнал тревоги раздавался с другого конца деревни, с той стороны, откуда к нам приходили ведьмы, и мне что-то так грустно стало, так тоскливо и обидно. Потому что ясно же, что опять эти черноглазые приперлись.

Крепче сжав мою ладонь, Свер поспешил в деревню, утягивая вслед за собой и меня.

— Возвращайся в дом, — велел он, когда мы, миновав ворота, ворвались в деревню.

— Ну уж нет, — крепко ухватившись за его разжавшиеся пальцы, я требовательно потянула вожака на себя, — я пойду с тобой.

— Ты уже забыла, что было в прошлый раз? Ты не можешь рисковать...

— Да сам подумай, — отмахнулась я от его беспокойства, — как по-твоему, зачем они пришли?

Свер молчал, бесстрашно спеша вперед и таща меня на буксире. И лицо было такое, будто он в кашку вляпался. Недовольство и смирение.

Если быть объективной, то он и правда вляпался... в меня.

А я, не задетая его молчанием, продолжила развивать свою мысль:

— Они чувствовали частицу жреца на мне и хотели, чтобы я привела его к ним. И вот, Иви-нар в этом мире, в твоей деревне и тут, внезапно, новое нашествие ведьм. Как ты думаешь, что им надо?

— К чему ты все это говоришь? — сердито спросил Свэр.

— Пытаюсь донести до тебя одну простую мысль: мне ничего не грозит. Скорее всего, им просто нужно поговорить со жрецом. Пусть он их образумит.

Подтверждать или опровергать мою правоту вожак не стал, но пальцы вновь сжал, крепко держа мою руку в своей.

Я была права, во всем права (хотелось бы еще сказать «всегда права», но самоуверенности не хватало), ведьмы, застывшие у кромки леса, за черной, мертвой землей, огражденной стражами, жадно смотрели на высыпавших им навстречу оборотней.

В драку вступать они не спешили, просто всматривались в лица, разыскивая то самое.

Иви-нара, которого, по оборотнической привычке, при первой опасности спрятали в безопасное место, как тут поступали с любыми гостями или неспособными за себя постоять жителями, среди оборотней не было.

Как и его учеников, как и Наи, оставшегося с жрецом, хотя я была почти уверена, что он остался с Ашшей.

Зато здесь была я, и меня увидели.

Несколько бледных, тонких рук было протянуто ко мне ладонями вверх. Беспомощный просящий жест.

— Тут нужен жрец, — прошептала я, невольно отступив за Свера.

Да, ведьмы не проявляли агрессии, но я их все равно недолюбливала и опасалась. Просто так, чисто инстинктивно.

— Слышали? Привести его.

Перечить князю никто не посмел, и сразу три оборотня ринулись выполнять приказ.

А мы стояли, ждали, с ведьмами перемигивались. Идиллия прям. И даже тумана почти не было, он вился у тощих белых ног, лишь краем выползая из тени деревьев.

Тихо, спокойно, нервы сами себя грызут в нетерпеливом ожидании какой-нибудь проблемы. Неприятности. Локальной катастрофы сказочных размеров.

Но из сказочного было только невероятное видение.

Стоило жрецу показаться из-за спин оборотней, сделать первый шаг за ворота, представ перед ведьмами в своей тощей красе, зябко кутаясь в белый плащ, как ведьмы упали на колени, прижавшись лбами к подтаявшему снегу.

И в едином благоговейном порыве над темными склоненными головами пронесся призыв:

— Повелевай.

Оборотни удивленно переглядывались, толкали друг друга плечами, они выглядели растерянными, но я откуда-то знала, что этот шепот они не слышали, их просто поразило поведение ведьм.

— Бедные мои дети, — проговорил Иви-нар отчетливо, и ответом ему были хриплые, тонкие, ломанные стенания.

Если у ведьм и имелись голосовые связки, то пользоваться ими они были не приучены. Но сейчас очень старались, тянулись, вымучивали из себя короткие, рваные, болезненные звуки.

— Тише.

Жрец подошел ближе, и первые бледные фигуры, находящиеся к нему ближе всего, протянули руки к краю его плаща. Они ползли по снегу, извивались, но делали это уже беззвучно.

Оборотни, впервые услышавшие ведьм и неосознанно схватившиеся за оружие, только спустя несколько мгновений смогли разжать сведенные судорогой пальцы, а я даже не пыталась этого сделать, мертвой хваткой вцепившись в ладонь Свера. Он не возражал, а я так чувствовала себя в безопасности.

Самые энергичные ведьмы доползли до выходца и получили первую в своей жизни ласку.

Легко касаясь их голов, он что-то нежно шептал. Тихие, добрые слова, словно он разговаривал не с человеком, а с птицей. Хрупкой и пугливой.

— Спроси, — попросил меня один из оборотней. Высокий, крепкий, переживший свои лучшие годы, но не потерявший силы, он стоял в шаге от меня, уверенно сжимая в руке топор, но на ведьм смотрел без злости, — может он их с собой забрать? В свой мир. Чего им тут делать, землю отравлять.

Я неуверенно подняла взгляд на вожака, ожидая, что скажет он. Свер кивнул, разрешая мне говорить.

— Иви-нар?

Он рассеянно обернулся и глаза его, прозрачные и сияющие, словно смотрели сквозь меня.

— Да?

— Они... — сглотнув вязкую слюну, я почувствовала, как Свер большим пальцем мягко гладит мою руку, — ты можешь забрать их с собой? В свой мир? Какая им тут жизнь? Они же вас ждут.

— Не могу, — жрец грустно улыбнулся, опустив глаза на ведьму, голодным взглядом провожая каждое движение его рук, — их тела слишком слабы для наших земель. Они не выживут там.

— Никак нельзя, — перевела я ответ жреца оборотням.

— Но вы можете больше не беспокоиться, — с рассеянной, сочувственной улыбкой, продолжил говорить Иви-нар, — они уйдут и больше не побеспокоят вас. Я найду для них смысл жизни.

— Что он сказал? — полюбопытствовали сзади.

— Говорит, ведьмы нас больше не побеспокоят, он об этом позаботится.

Сейчас, безобидные, даже беззащитные и такие счастливые, полностью поглощенные речью жреца, ведьмы вызывали лишь жалость. Не только у меня, оборотни странно переглядывались, на ведьм смотрели неверяще, удивленно, будто только сейчас их увидели. Не опасных, непонятных и пугающих врагов, а несчастных, искалеченных детей.

Расчувствовавшись, я шмыгнула носом, быстро вытерев холодными пальцами стыдные слезы. Не пристало Огневице плакать, мне по статусу не полагалось быть растроганной.

— Ты что? — удивленно спросил Свер, заметив мои телодвижения.

— Рада очень, — призналась тихо, голосом в котором дрожали слезы, — что чудеса все же случаются.

Глава 16

Как бы мы не готовились, сколько бы раз не повторяли план действий, трубный вой, низкий, тяжелый и особенный, для всех стал неожиданностью.

— Рано же, — прошептала Ашша, так и застыв с недонесенной до рта ложкой. Каша медленно капала в тарелку.

Я была полностью согласна со змеевицей. Рано.

Я еще не подготовилась, не придумала слова для прощания, да и вообще, как-то это все нелепо. Я же... я...

— Яра! Пора. Мы должны добраться до прохода раньше, чем он откроется, — Свер, при первых звуках трубы влетевший в помещение с улицы, за шкирку вытащил меня из-за стола.

Он тяжело дышал, сверкал диким взглядом и все никак не мог унять нервно подергивающуюся щеку.

Не дав времени на осмысление своих слов, Свер потащил меня на улицу. Прямо так, в свитере.

— Откроется? — я беспомощно обернулась на Ашшу. Продолжавшая сидеть за столом с ложкой в руках, змеевица смотрела нам вслед, и взгляд у нее был страшный: — Но трубы... разве он еще не открылся?

Я покорно шла за вожакон, говорила, задавала какие-то вопросы. Интересовалась. А в голове было пусто, и странное чувство безнадежной потери сжало сердце. Я же с Ашшей даже не попрощалась. Как же так?

— Иви-нар почувствовал скорое открытие, — коротко ответил Свер, не уточнив, как они без меня умудрились общаться. Наи, ждавший нас у ворот, с выражением запредельной муки на лице, пытался выполнить мои обязанности и втолковать что-то взволнованному Алису.

— Все готовы? — бодро спросила я, подходя к спорщикам. Жалкая улыбка дрожала на губах, мне хотелось плакать.

В голове просто не могло уместиться безумное осознание происходящего. Я готовилась отправиться в проход, надеялась вернуться домой... должна была как-то пережить все это.

— Ты уверена? — Алис налетел на меня как вихрь, как самый настоящий ураган. Сжал, потянул на себя, заставив меня вывернуть руку, которой я так и продолжала цепляться за ладонь Свера, и тихо попросил: — Не уходи. Зачем тебе?

— Я должна... — уверенности в голосе не было, как не было ее и во мне. Было страшно, было горько, малодушно хотелось плюнуть на все и остаться в деревне. И если бы не понимание того, что я потом всю жизнь буду жалеть о своей трусости, прямо сейчас развернулась бы и побежала обратно в дом Свера.

Наи, какой-то по-особенному бледный, стоял за спиной лиса и смотрел на меня большими глазами, полностью поддерживая вопрос лиса. Проглота видно нигде не было. Зато три еще не откормленных хту-наанских оленя уже стояли оседланные, нетерпеливо переступая копытами.

— А ты? — обратиться к Наи я смогла, только когда Алис прекратил меня сжать и отошел в сторону.

Несколько оборотней спешно приторачивали к оленьим седлам наборы с взрывоопасными цилиндрами.

— Остаюсь, — спокойно сказал он, скупой улыбнувшись, — я не могу вернуться в свой дом, не принеся с собой победы. И не хочу.

Иви-нар, что-то усиленно пытавшийся решить, наконец, тоже подал голос. Он стоял чуть в стороне, в компании своих учеников и с легким сомнением проговорил:

— Твой поступок понятен мне, и я желал бы преподнести тебе небольшой дар.

Вытянув руку, он царственно кивнул Наи:

— Наклонись. Я верю, что именно здесь должен закончиться твой путь, а значит, моей обязанностью будет помочь тебе в этом.

Наи безропотно подчинился, подставив шею под руку жреца.

Я знала, что сейчас произойдет, со мной светлячок проделывал то же самое.

Наи даже не дернулся, когда Иви-нар подключал в нем переводчик, мужественно вытерпев все, что с ним делали. Потом выпрямился, улыбнулся и неуверенно поблагодарил жреца.

— Я могу подарить этот дар, но не могу забрать его назад, — покачал головой Иви-нар, — тебе не за что меня благодарить. Твой путь в родной дом будет закрыт навсегда, это меньшее, что я могу сделать для настоящего воина.

— Так значит, теперь мне уже не придется ничего для тебя переводить? — с грустной улыбкой спросила я Наи на языке алана.

Он несколько мгновений молчал, привыкая к обновлению своего тела и неуверенно кивнул.

— Да.

Свер чуть сжал мою руку, требуя внимания:

— Нам пора.

Ворота медленно открылись. Наи обнял меня на прощание, желая сказать что-то, но не находя слов.

— Не плачь, — выдавил он наконец, вытирая сбежавшую по моей щеке слезинку.

— Не могу, — я не чувствовала, что плачу, слезы текли сами, — ненавижу прощаться.

Берн, топтавшийся рядом и странно вздыхавший, чуть придушив меня в объятиях, грубовато потрепал по голове, взъерошив волосы, не укрытые платком по случаю вполне весенней погоды.

День был чудесный. Ярко светило солнце, бодрое, разогревающееся, заново учащееся не только светить, но и греть. Снег таял у стен домов, задорной каплей срывался с крыш, а в воздухе чувствовался особый запах просыпающейся природы.

Все жило и радовалось, а я не могла справиться со слезами.

— Иви-нар, — то и дело вытирая рукавом нос, я подошла к оленю, на котором уже восседал сосредоточенный жрец.

Свер, скинув рубаху, раздался в плечах и быстро обрастал мехом. Тулуп и шубу вожак скинул еще два дня назад, когда только появились первые намеки на весну. И больше их уже не надевал.

— Кольцо, — я топталась на месте, крутя на пальце колечко жреца, — наверное, я должна его вернуть.

Иви-нар отрицательно покачал головой.

— Пусть оно останется с тобой и продолжает оберегать.

— Ссспасибо.

— Яррра, — Свер уже был готов к отправке. В своей волкообразной промежуточной форме он казался совсем огромным, — ты готова?

Большой медведь с седыми разводами на боках и груди, встал рядом с вожакom.

— Готова.

— Не передумала?

Боясь, что голос дрогнет и предаст меня, молча замотала головой.

Подставив мне свою мощную спину, Свер помог забраться, дождался, когда я обхватю его за шею, и первым выбежал в ворота, крепко удерживая меня своими мохнатыми недолапами. Когти едва ощутимо царапали плотную ткань штанов на бедрах. Прямо за нами, не отставая, бежал Арем, а за ним, пригнувшись к оленьей шее, скакали выходцы.

Свер был быстрым, очень быстрым и очень выносливым, я это знала и раньше, но даже представить не могла, что он может оказаться быстрее лошади.

Я чувствовала, просто знала откуда-то, что захоти он, и выходцы на своих быстроходных оленях нас не догонят.

Но он не хотел.

К пещере мы прибыли как раз вовремя. Она только открылась, и из нее, напуганные и дезориентированные, небольшой, но очень опасной толпой, выскочили такие же попаданцы, как и я. В основном чудовища.

По своему личному опыту я знала, что все, кто меньше и слабее, не имели возможности покинуть проход. Мне просто зверски повезло выжить, иначе я бы и сама сейчас валялась где-нибудь там, подсвеченная синим светом пронизывающих камень нитей.

Когда огромное нечто с роговыми наростами по всему телу, лишённое глаз, но с огромной, клыкастой пастью на шипастой морде, понеслось прямо на нас, Свер напрягся, готовый уйти с дороги напуганного существа, но это не понадобилось.

Свист стрелы, и чудище взвизгнуло, хрустнуло древком, перекусывая угодившую прямо в пасть стрелу, и свалилось на землю, по инерции проехавшись еще шага два.

А ученик Иви-нара как ни в чем не бывало, опустил лук, безразлично глядя на тело.

— Тоже хочу так стрелять, — завистливо вздохнула я.

Свер только фыркнул. Обойдя чудище, он вступил в проход.

Темнота, рассеянная синим сиянием, которое с каждым шагом становилось все ярче, редкие тела на земле. Затапанные, изломанные и раздавленные. Спрятав лицо в густой мех на плече вожака, я не смотрела по сторонам.

Воспоминания о том, как я вот так же верхом на иномирном монстре неслась по этим туннелям навстречу неизвестности, как оказалось, еще были слишком свежи. Это были плохие мгновения, полные страха и неуверенности в будущем, и я не хотела их вспоминать.

— В сторону! — повелительно раздалось сзади. Иви-нар, сияющий в этой темноте не хуже стен, махнул рукой влево: — Там есть небольшая ниша. Скорее.

— Он говорит, нужно свернуть, — перевела я Сверу слова жреца.

— Зачем? Проход прямой, тут не может быть...

— Я их чувствую, — хрипло каркнул Иви-нар. Его ученик потянулся к луку.

— Нужно свернуть! — я заразилась беспокойством выходцев, и требовательно дернула Свера за ухо. — Пожалуйста.

— Хорошо, — рыкнул он, мотнув головой, чтобы сбросить мои пальцы, — вижу его.

Углубление оказалось внушительных размеров, хотя проход был узким, и олени с седоками на спинах едва смогли в него протиснуться. Совсем темное и не освещенное, наше укрытие оказалось как раз кстати. Стоило нам только забраться в него, разместившись в темноте с относительными удобствами, как по тоннелю прокатился предостерегающий рык, а вслед за ним показалась и армия. Множество чудищ, с клыками, когтями, горами и наростами, а посреди этого рычащего моря белыми островками сияли пять воинов хту-наа.

Свер подобрался, Арем, припавший к земле совсем рядом, напрягся, оборотни готовы были в случае чего драться, но никто не почувствовал нашего присутствия.

Воины проехали мимо, равнодушные и безучастные ко всему. Проход снова был свободен.

— Надеюсь, мы выстоим, — прошептала я, пораженная увиденным. Пять выходцев... такого оборотни не видели уже очень давно. Хотя, если быть объективной, ныне живущие оборотни этого никогда не видели.

Остановились мы еще раз лишь однажды, чтобы установить взрывчатку в месте, которое указал Иви-нар. Потребовалось на это всего полторы минуты, и мы двинулись в путь.

Нет, по идее, я должна была остаться здесь, сидеть и ждать, когда проход подорвется с одной стороны, чтобы активировать бомбу и провалиться в открывшийся в мой мир портал, или выпить зелье и бежать, обгоняя себя, в надежде успеть выбраться из прохода раньше, чем он взорвется и погребет меня под собой.

Но я не согласилась. Свер собирался идти дальше, чтобы помочь с установкой взрывчатого материала, и я хотела пойти с ним.

Я не знала, что смогу сделать, если Сверу будет угрожать смертельная опасность, но хотела быть рядом с ним. Столько, сколько возможно.

— Осталось недолго, — сказал жрец, когда мы отошли от разложенных взрывоопасных цилиндров на дюжину шагов, и глаза его страшно сверкнули.

Поездка на спине оборотня оказался довольно быстрым. Это не прогулка на слабых человеческих ногах, у вожака были огромные, сильные и очень быстрые лапы.

И совсем скоро после встречи с огромной, поражающей воображение армией мы смогли разглядеть впереди свет. Он был не так ярок, как свет от выхода в мир алана, но его все равно можно было заметить издали.

— Надеюсь, там нас никто не ждет... — опасливо протянула я, поглядывая на жреца.

— Все, кто ждал открытия прохода, прошли по нему, — откликнулся Иви-нар, — там нас никто не встретит.

— Очень на это надеюсь.

Мои опасения оказались напрасными. На земле хту-наа нас и правда никто не ждал.

Но вздохнуть с облегчением у меня все равно не получилось.

Свер шагнул из тоннеля на сухую, черную землю, больше похожую на пепел, и я поняла, что имел в виду Наи, когда говорил, что в мире алана даже дышится легче.

На плечи и на грудь словно опустили огромные, наполненные камнями мешки. Я не могла нормально дышать, хотя, если быть откровенной, вдыхать этот сухой, пыльный воздух у меня не было особого желания.

Вокруг, насколько хватало глаз, расстилалась черная, печальная равнина, разглядеть которую не получалось из-за неожиданно заслезившихся глаз. Я терла их кулаками, смаргивала, хмурилась — ничего не помогало.

— Мне здесь не нравится. — шепнула я Сверу, которому точно было значительно хуже. Ему приходилось удерживать не только свой вес, но и мою неподъемную тяжесть.

Сжалившись над оборотнем, я хлопнула его по плечу. — Опустим тебя на землю.

Если нам здесь тяжело было находиться, то хту-наа чувствовали себя вполне комфортно. Их не жгло солнце, укрытое тяжелыми, серыми тучами, не морозил снег, которого тут в принципе не было, а воздух был сухим и теплым.

У меня начинала болеть голова, и пока оборотни устанавливали взрывчатку, я радовалась, что судьба занесла меня к оборотням, а не сюда. Выберись я из прохода в этот мир, долго бы не прожила.

— Пусть тропа приведет тебя к Волчице, — крепко сжав кисть медведя, Свер хлопнул его свободной ладонью по плечу, — скоро ты поохотишься на славу.

— Будет так, — рыкнул Арем, и они расцепили руки.

— Яррра, нам пора, — Свер повернулся ко мне.

— Ну, мы пойдем, — обратилась я к жрецу. Спешившись, Иви-нар подошел ко мне и тут же получил прощальные обнимашки. Но на этот раз он знал, что надо делать. Одна узкая ладонь едва ощутимо легла на мою спину, а вторая погладила по голове:

— Удачи тебе, дитя.

— Спасибо, — сердце сжималось от страха, но я не могла не улыбаться, — и вам тоже всего хорошего. Всем.

Иви-нар кивнул и, получив свободу, отступил назад.

С трудом вскарабкавшись на спину вожаку, я посмотрела на Арема, спокойного и несокрушимого, стоявшего у прохода с гордо поднятой медвежьей головой.

— Пусть... — мне было странно говорить это, но не сказать я просто не могла, — пусть твоя тропа будет прямой, а Вечные леса полны дичи.

Медведь оскалился, но я откуда-то знала, что он улыбается.

Темнота и прохлада прохода стали для меня невероятным облегчением. Груз с плеч исчез, я снова могла дышать, голова просто кружилась от внезапной легкости.

Свер несся вперед легко и пружинисто, стараясь добраться до нашей закладки раньше, чем за спиной прогремит взрыв. И он успел.

Не только добежать до нужного места, но и вернуть себе вполне человеческий вид. Попрошаться хотел по-человечески, не иначе.

— Яра...

Взрыв прогремел неожиданно, хотя мы напряженно его ждали.

Гул, тихий и далекий, нарастал с каждой секундой, проход схлопывался, как карточный домик.

Ничего сказать Свер просто не успел. В стене, в полуметре над полом, вспыхнуло голубое свечение портала. Путь был открыт, я должна была идти, но рука, крепко сцепившаяся в мою кисть, не пускала.

— Свер, мне надо идти.

— Знаю, — вымученно усмехнулся он, — все же, надо было тебя запереть.

Земля под ногами дрожала, гул становился все громче, а я осознанно теряла секунды, глядя ему в глаза.

Уже не насыщенного золотого цвета, полупрозрачные, очень уставшие.

— Это будет самая страшная моя ошибка, — пробормотал он, с трудом, будто бы через силу разжав пальцы, — иди. Я сам здесь все сделаю.

Флакончик в кармане я нашла быстро, но вот вложив зелье в крепкую ладонь, отпустить его руку оказалось намного сложнее.

Мы ведь больше никогда не увидимся, и уже ровным счетом ничего не будут стоить мои чувства, в которых я так и не потрудилась разобраться.

— Иди, — напряженно велел он, угрожающе шагнув ко мне, — иди же!

Чувства, в которых я так и не разобралась, толкнули меня вперед. Всего одно движение.

Свер склонился ко мне сам, позволяя обнять себя за шею.

Это был самый безумный поцелуй, который я могла бы себе только представить.

Земля дрожала под моими ногами, камень крошился под натиском чего-то непоправимого, надвигающегося прямо на нас, гул становился почти оглушающим, но я не слышала ничего из-за бешеного пульса, бьющегося в ушах. Горячая ладонь на спине и единственный, какой-то отчаянный порыв.

С жалобным всхлипом оборвав поцелуй, с трудом отклонилась назад, отвернувшись от потянувшегося за мной Свера.

Сморгнуть наворачнувшиеся на глаза слезы не получалось, они текли по щекам, а на их место приходили новые.

Проход уничтожился и все больше появлялось порталов, из которых уже никто не вываливался, но я знала, что мой путь открылся первым, и только он приведет меня в мой мир.

— Мне надо...

Лучше бы, наверное, я не поддавалась бессмысленным порывам и не пыталась разобраться в себе. Дурацкая была идея – чмокнуть Свера на прощание в щеку. Вон во что она переросла.

— Ты должна остаться, — попытался удержать меня Свер.

— Ты не понимаешь, — ткнувшись носом ему в грудь, я вдохнула запах леса, основательно сдобренный тяжелым волчьим духом, и нервно засмеялась — теперь это будет мой любимый запах, — мне нужно...

Боднув его лбом в грудь, я судорожно выдохнула и вырвалась из ослабевших объятий, не решившись посмотреть ему в лицо.

Лучше бы портал просто появился у меня под ногами, я провалилась в него и не рвала бы себе сейчас сердце.

Оставив Свера взрывать проход, я нырнула в свой портал, зажмурившись и затаив дыхание.

И вылетела прямо на какого-то человека, чуть не сбив его с ног.

Лощеный, одетый в зимнее пальто, с непокрытой головой, мужик обматерил меня на английском и поспешил по своим делам.

А я осталась стоять на месте, как вкопанная. Это была определенно земля. Машины, люди с мобильными телефонами в руках, высокие здания и большие рекламные баннеры. А еще здесь был огромный экран, установленный на одной из высоток, по которому крутили рекламы. Но все надписи были на английском, и люди разговаривали на английском.

С легким запозданием я обратила внимание на украшенные магазины, вчиталась в рекламные баннеры и, наконец-то, увидела то, что должна была увидеть сразу. Огромную растяжку, на которой было большими буквами написано стандартное пожелание счастливого рождества.

Здесь новый год, казалось бы, ну что в этом такого? Подумаешь. Здесь зима в самом

разгаре, у оборотней уже весна, не страшно. Я теперь все могу принять.

Все, кроме одного. Счастливым для жителей этого города должен был стать новый 2029 год.

И вот вопрос: а где мой 2018?

Четыре секунды, ровно столько мне понадобилось на то, чтобы осмотреться и медленно, без суеты, не делая резких движений, отступить назад. Я не оборачивалась, потому что страшно было повернуться и увидеть глухую стену или витрину магазина, отступала спиной и так же медленно, как отступала, провалилась в темноту, чтобы вывалиться уже в тоннеле.

— Ух!

Свер, как раз смазавший кристалл кровью, резко обернулся на звук.

Мгновение, за которое он осмотрел меня с ног до головы, а я, не отрывая взгляд, с заторможенным оупением, пялилась на то, как шипит и плавиться кристалл под горячей сверовой кровью, казалось, длилось вечно.

— Яра! — пришел в себя он быстро, бросился ко мне, поднял на ноги, обнял, крепко прижимая к себе, бормоча что-то малопонятное.

— Сейчас как бабахнет, — беспомощно прошептала я, обессиленная и заторможенная от бури, бушующей внутри. Эмоции накатывали друг на друга, ужас сменялся радостью, потом сомнениями и неуверенностью, и все это разбивалось об уверенное знание: места в том мире для меня больше нет.

Одиннадцать лет — слишком большой срок, даже для мира в котором я родилась и выросла. Оказаться в другой стране, в другой части света, в совершенно другом времени...

Что случилось с моими родными? Как они отреагируют на такую меня? Оставшуюся такой же, как была одиннадцать лет назад, не повзрослевшей ни на год.

Я не хотела этого знать. Мне было страшно.

Пока я плавала в бульоне из переживаний и сомнений, Свер на свой страх и риск выпил зелье, что мне дал жрец. Все, до последней капли. Быстро обрастая шерстью, закинул меня на спину, нервно щелкнув волчьей пастью и встряхнувшись. В нем пульсировала чужая сила, она сжимала сердце, заставляла дрожать мускулы от нетерпения, и наполняла тело силой.

Азартно рыкнув, он сорвался с места, и мы полетели вперед.

Иви-нар был прав, Свер обгонял себя, мы неслись вперед, а позади нас страшно прогрохотал взрыв. Центральный узел был уничтожен, проход стал складываться еще быстрее, как бы Свер не старался, сколько бы не выжимал из себя, нас настигало равнодушное уничтожение.

Попытайся я одна убежать от взрыва, уже давно лежала бы, погребенная под камнями, но у Свера был шанс спастись.

У нас был шанс спастись.

Камень, отскочивший от стены, больно ударил меня в спину.

— Уй!

Потом еще один. И еще.

Обвал нас настигал, а Свер, словно бы не замечая этого, перетащил меня со спины вперед, крепко прижимая к груди и тратя ценные секунды.

Теперь я могла видеть, как синие жилы вспухают позади нас, как стены взрываются, и на их место приходит что-то черно, жадное и безысходное.

Камни били Свера в спину, врезались в плечи, отставляя кровавые отметины.

Свет впереди появился неожиданно. Он просто внезапно вспыхнул в темноте и уже не переставал сиять.

— Поднажми, родненький, давай, — срывающимся от страха голосом, шептала я, крепко обняв его могучую шею, даже, кажется, слегка сдавила, но никто этого не заметил. Я — потому что боялась, а Свер — как раз от того, что шея у него и правда была могучей. Не задушишь.

Обвал в буквальном смысле наступал вожаку на лапы, когда он, оттолкнувшись от земли, вылетел в сияющий проход.

Тяжело упав на черный, оплавленный камень, застилавший землю перед проходом, Свер проехался на спине, сдирая шкуру и глубже вгоняя в тело, застрявшие в нем каменные осколки.

Страшный грохот, от которого заложило уши, ознаменовал схлопывание прохода. Сияние оборвалось резко, будто бы его не выключили вовсе, а просто что-то перегорело.

Мне даже показалось, что я чувствую запах оплавленной проводки.

В ушах звенело, заглушая умиротворенный шелест листьев. Мы лежали на камне, жадно глотали холодный воздух и пытались прийти в себя.

Мне это удалось первой, не имея сил на то, чтобы сползти с вожака, я засмеялась, сотрясаясь всем телом и чувствуя, как нервный смех превращается в истерический, а шерсть под моей щекой исчезает, уступая место теплой коже.

— Ты вернулась, — хрипло сказал Свер, откашлялся и повторил, — вернулась.

— Да, вот, подумала, что вам без меня тут скучно же будет. Никаких развлечений. — посмеивалась я, и сама слышала, как ненормально звучит мой смех. — Теперь ведь даже выходцев погонять не получится. Проход взорван.

Недолго помолчав, покрутив и так, и эдак последние свои слова, я, наконец-то, окончательно поняла, что проход правда взорван.

Все кончилось. Все действительно кончилось.

А моя самоубийственная попытка вернуться домой провалилась.

Не хотелось думать о том, как родные пережили мое исчезновение, и как они жили все те одиннадцать лет, уместившиеся для меня в какие-то полгода, и... вообще не хотелось думать, и я разревелась.

Поначалу растерявшись, Свер сел, прорычал что-то, когда потревоженные раны напомнили о себе, и обнял меня, неловко укачивая.

— Яра, не плачь. Все закончилось. Теперь все хорошо.

— Это у те-бя хо-рошо, а у меня нервное пе-перенапряжение, — вытирая мокрые щеки о его плечо, я старалась справиться с икотой, но получалось не очень, — я чу-чувствую, как у меня крыша е-дет.

— Крыша? — растерянно переспросил он.

— Ыыы, — от полноты чувств и просто чтобы взять себя в руки, я вгрызлась зубами в соленое от моих слез, жесткое мясо нашего вожака.

Он вздрогнул, дернулся, но отрывать меня не стал, мужественно снося все мои безумства.

Свер был просто очень рад, что я вернулась, и этим нужно было воспользоваться. И я воспользовалась, утопив его в слезах, выплескивая весь клубок разрывающих сердце чувств.

Постепенно рыдания затихали, я чувствовала, как с каждым новым нервным, рваным, очень жалким, всхлипом становится легче дышать.

Мы посидели так немного, я жевала жоака, он терпел и гладил меня по волосам, где-то далеко, у пограничных стен шумела битва. Оборотни сдерживали натиск выходцев, которые пока еще не знали, что прохода больше нет, и вот эта вот заваленная камнями пещера уже никогда не засияет.

Им больше не за что было биться.

— Яра, — убедившись, что я успокоилась, Свер решил действовать, — тебе нужно спрятаться.

— Зачем? — уставшей... пожалуй, я чувствовала себя очень уставшей, обессиленной и жалкой, но почти спокойной. Истерика помогла, голова больше не пухла от страшных и безысходных мыслей, в ней просто сделалось очень тихо и пусто.

— Мне нужно в деревню, помочь...

— Тебе нужно спину обработать, — перебила его я, — а еще Наи говорил, зелье, что мне Иви-нар дал — дрянь редкостная, после которой корезить может не по-детски. Если тебе внезапно станет плохо, то много ты не навоюешь. Зато умереть можешь легко, а я же не могу тебя потерять, я же...

Заткнулась я очень вовремя, не успев сболтнуть лишнего. Мозг еще плохо соображал и составлял такие словесные конструкции, за какие мне потом должно было стать очень стыдно. Сдержав неуместный порыв растревоженных чувств, я загнала поглубже все свои эмоциональные высказывания, благоразумно решив придержать их до лучших времен.

— Ты же что? — спросил Свер, которому оказалось недостаточно быть покусанным, ему еще и огорошенным признанием хотелось стать.

— Кого же я тогда доставать буду? А Рашис? Кто меня от Рашиса спасет, если он вернется? А ты тут помирать собрался, да как тебе это вообще в голову пришло?

— Не собираюсь я умирать, — возмутился он.

— Да? А в бой кто рвется? Ты же раненый!

В бой Свер уже не рвался, но вовсе не от осознания того, что может погибнуть, просто убоаясь, что выживет и опять со мной встретится, и я ему его упертость еще припомню.

И по волчьей тропе идти я отказалась, уж слишком свежи были воспоминания о моей совершенно неромантической по ней прогулке. В одиночестве.

Потому до пограничной стены мы добирались долго. Три раза останавливались отдохнуть. Один раз у родника, чтобы напиться сводящей зубы, холодной воды и кое-как обработать спину очень хмурой, но такой послушной лапочки, покорно выполнявшей все мои требования. Потом у реки, где лед треснул, разошелся, местами освобождая доступ к воде, чтобы эту самую лапочку отмыть от крови, которую не удалось смыть родниковой водой. А потом просто так, потому что я устала, но Свер устал еще больше и просто не смог со мной поспорить. Тащить меня на себе он тоже был не в состоянии, а потому мы целых пятнадцать минут сидели под деревом. Я бездумно пялилась в одну точку, жоак дремал.

Страшнорылое чудище выскочило на нас очень неожиданно. Я даже испугаться не успела и встретила врага мужественно. Без визга.

Свер, пусть раненный и измотанный, умудрился разделаться с чудищем в две секунды.

— Армия расколота, — задумчиво сказал он, глядя на труп у своих ног. Иномирные монстры не умели жить со свернутой шеей так же, как и местные, — нам нужно идти.

Сначала я не хотела вставать, потом не хотела идти, потом не хотела затыкаться... два раза не хотела затыкаться, пока Свер не начал на меня рычать.

— А ты уже жалеешь, что я вернулась, да? — с нездоровым любопытством спросила я, разглядывая его спину. Мех на холке свалился и бурел плохо смытой кровью, раны на спине не спешили затягиваться, несмотря на дикую регенерацию оборотней, и даже почти подживший бок снова кровил.

На вопрос он не ответил, но вздохнул так, что сразу стало понятно — еще нет, но уже почти.

И его совсем не интересовало, что это я не для себя надрываюсь и ною, что это ему бы не мешало отдохнуть, что я со всех сторон замечательная, очень заботливая и просто зверски самоотверженная... а он дурак.

Дурак был упрямый и выносливый, и к деревне мы подошли как раз вовремя. Успели к самой эпичной драке.

Пробравшись под кустами, распластавшись в подтаявшем снегу, мы наблюдали за сражением.

Серьезно поредевшая армия застыла под стенами, пока наверху творилось невероятное.

Восхитительный Наи против какого-то стремного дрыща в черном доспехе. Топорща шипы и потрясая косицами, дрыщ носился по стене, стараясь своими хитромудрыми выпадами ранить врага, выбить глефу из его рук и торжественно добить.

У Наи были другие планы на исход боя, и он успешно воплощал их в жизнь. Дрыщ лишился двух шипов, остриженных буквально в сантиметре от головы, получил длинную царапину на бедре и теперь очень зло истекал своей особенной, хту-наанской, мутной кровью.

Я, разумеется, болела за наших, не забывая цепляться за Свера.

Раненный самоубийца, напряженный и очень воинственный, пару раз дернулся в моих руках, желая поучаствовать в драке. Но я держала крепко и не гнушалась угрозами:

— Не рыпайся, пушистик, иначе я тебе ухо откушу, — прошептала я в то самое ухо, которое собиралась откусить. И тут же озабоченно спросила, добив жоака своей исключительной последовательностью, — тебе не холодно?

Нет, шея, за которую я его обняла, была теплой, да и щека тоже, это я своим собственным, замороженным носом прочувствовала, когда в нее ткнулась. Но мне было холодно даже в теплом свитере, а Свер лежал в снегу совсем полуголый, и теплу его тела я не доверяла.

— Нет, — мотнул головой он, не отрывая взгляда от сражения.

Наи теснил врага, не давая ему атаковать. Оборотни на стене застыли, замороженные невиданным зрелищем. И я их очень хорошо понимала.

Тренировки Наи выглядели просто потрясающе, но там он был один, без противника, вынужденный сдерживать свою силу, чтобы не перерубить какое-нибудь дерево. Сейчас он не сдерживался.

Глефа летала в воздухе, косички, заплетенные в одну толстую косу, тяжело лежали на черном доспехе... противник отступал.

Хту-наанский воин недолго выстоял против Наи, которого уже не только я с гордостью считала «нашим».

— Придется идти тропой, — сказал Свер, когда обмякшее тело дрыща свалилось со стены. Среди заволновавшихся чудищ можно было разглядеть еще двух оленей, с седоками.

— Я не смогу.

— Сможешь, — не согласился со мной он.

И оказался прав. Пройти по тропе я смогла, но сколько убитых нервных клеток мне это

стоило – сложно даже представить.

С тропы мы сошли сразу за стеной, оказавшись в деревне, и я чуть не свалилась под тяжестью обмякшего вожака.

— Свер! — да, я испугалась, да, привлекла к себе внимание какого-то мальчика, тащившего на стену стрелы с наконечниками из красного камня. Да, мне было глубоко плевать и на его вытаращенные глаза, и на стрелы, выпавшие из рук, я решила, что Свер умирает.

— Нормально, — прохрипел он, умиряя мой ужас. Медленно опустившись на колени, он вздрагивал, и я чувствовала, как непроизвольно сокращаются мышцы под моей ладонью. Кожа на ощупь стала холодной как лед, — тяжело выводить тропу из леса.

Я сидела перед ним, чувствуя, как колени промокают от таявшего снега и не обращая на это внимания. Свитер на животе и груди у меня уже основательно промок, колени были сущей мелочью.

— Не пугай меня так больше, ладно? — попросила я тихо, медленно оседающего (я бы даже сказала — опадающего) в мои объятия вожаку.

Сказать он на это ничего уже не смог.

Так нас и нашел Берн, ничего не понявший из сбивчивого рассказа пацана, кроме того, что нужно спуститься вниз и посмотреть.

И ведь было на что посмотреть. Я вся бледная, с распухшими от слез глазами и покрасневшим носом, и Свер, обессиленно опустивший голову мне на плечо и находившийся в беспамятстве. Ах да, еще его спина. Вся красная от вновь пошедшей крови.

Будь у медведя сердце хоть чуточку слабее, валялся бы он с сердечным приступом рядом с нами. Но Берн был мужиком крепким, и именно поэтому я, вместе с бесчувственным Свером совсем скоро сидели в доме вожака.

Вернее, Свер лежал в своей кровати, Йола обрабатывала его раны, а я металась по комнате, забыв про усталость.

Что может быть хуже взволнованной нечисти? Только взволнованная, напуганная, психованная попаданка.

Достать Йолу мне удалось за пятнадцать минут.

На пятидесятом моем бляении:

— Ну с ним же все будет в порядке, правда? — мне накапали какого-то местного успокоительного и велели заткнуться.

И я заткнулась. Села за стол, опустила тяжелую голову на скрещенные руки и несколько минут просто смотрела на то, как Йола хлопчет над вожаком.

О том, что где-то совсем рядом идет битва, я уже благополучно забыла. В голове было тесно, и для лишних переживаний просто места не хватало.

Последней связной мыслью было удивленное осознание, что «успокоительное у Йолы интересное», а потом я вырубилась.

И в себя пришла лишь раз, почувствовав, как меня куда-то тащат. С трудом разлепив левый глаз, я возмущенно завозилась.

Тащил Свер, все еще бледный и выглядевший совсем нездорово. В смысле, больным и обессиленным он был.

— Ты зачем в таком состоянии тяжести таскаешь? — вяло негодовала я, силясь разлепить и правый глаз.

— А зачем ты уснула за столом? — проворчал он, строго велел: — Не дергайся.

Я подчинилась, но не потому, что он потребовал, просто почувствовала, как вываливаюсь из рук, не вернувших еще былую силу, и затихла, не желая шлепнуться на пол.

Кровать Свера была мне уже неплохо знакома, и устроилась я на ней со всеми удобствами.

— Свитер, — сказал Свер и я осталась без свитера, в одной мягкой рубаше. Сразу стало намного удобнее, теплее и суше.

— Будешь теперь моей любимой мягкой игрушкой, — решила я, когда он лег рядом, — тееепленькой.

Свер вздохнул, и в комнате наступила тишина, но ненадолго. С закрытыми глазами, наощупь пытаюсь определить где заканчивается повязка, которой основательно обмотали нашего неубиваемого вожака, я ощутила страшную необходимость сделать ему комплимент.

И сделала. Лучший, из тех, что могла только придумать.

— Я должна тебе сказать, — аромат лекарственных мазей напрочь перебил волчий запах, но я его все равно помнила и искренне призналась, — ты лучше собаки.

— Рад слышать, — сдержанно сказал он, хотя я по голосу поняла, что он врет, но милостиво решила простить ему его черствость.

Лениво очень было.

После того, что с нами сегодня случилось, мне полагался дооолгий отдых.

Глава 17

Обойдешься, — решил Рахис, обломав мне дооолгий отдых.

Нагрязнул он через три дня после нашего героического подрыва прохода и не менее героической защиты стены оборотнями.

Свер успел немного прийти в себя, залечить некоторые раны (не самые глубокие) и постепенно избавлялся от жуткого трупного оттенка кожи. И это было хорошо, потому что в тот день, когда я, едва живая от нервного перенапряжения, проснулась у него под боком и увидела синюю рожу с отчетливо проступившими венами по всему телу, то чуть не заорала. И заорала бы, не перехвати у меня дыхание от увиденного.

Тогда я была слишком измотанная, и сил шуметь просто не было. Поэтому, сдавленно пискнув, я зажала себе рот ладонями и долго сидела над спящим, с ужасом и нездоровым интересом его разглядывая. И вот тогда, просто радуясь, что мы выжили, я как-то даже не вспомнила о том, что осталась еще одна нерешенная проблема.

Звали эту проблему Рахис, она была полна сил, мрачна и очень решительна.

И когда оборотень появился в деревню, нагло требуя отвести его к вожаку, я только сварливо заметила:

— Явился.

Свер, продуманно усевшийся на верхнюю ступень крыльца своего дома, молча поднял тяжелый взгляд на оборотня, стоявшего в его дворе, всего в шаге от большой лужи. Снег в последние дни таял как бешеный, весна, будто почуяв нашу радость, усилила напор и теперь готовилась цвести и пахнуть. А нам предлагалось пока радоваться грязи и лужам, все еще изредка обрастающим по утрам ломким льдом.

— Говори, — велел Свер с пугающим равнодушием.

— Я пришел, — Рахис стоял прямо, смотрел решительно, и голос его разносился по двору, долетая даже до тех, кто пришел посмотреть, что происходит, но оказался недостаточно смелым или наглым, чтобы вылезти вперед и топтался поодаль, на дороге.

А народу за заборчиком набралось много. Всем хотелось знать, что сделает князь с тем, кто попытался украсть его Огневицу.

После того, как Свер со мной в проход пошел, я перестала быть простой Пограничной Огневицей, меня то ли повысили, то ли присвоили, но теперь я стала Князевой Огневицей. И всех очень возмущал тот факт, что пришлый волк пытался украсть чужую собственность, даже если тогда еще я была Пограничной нечистью. И уж совсем не важно, что я не вещь, и считаю себя свободной.

Сказали князева, значит князева.

— Стою перед тобой и бросаю тебе вызов. Пусть Волчица сама все решит. Кто достойнее, тому князем и быть.

По толпе прошелся недовольный ропот. Был у оборотней такой странный закон. Любой мог бросить вызов вожаку. В случае победы он занимал место вожака, но если проигрывал, то изгонялся (хотя чаще убивался).

Закон никто не потрудился отменить, хотя не прибегали к нему уже давно, многие и забыть успели, что так можно. И вот, приходит волк, так и не сумевший толком стать частью стаи, и требует боя.

— Хорошо, — спокойный голос Свера оборвал недовольное гудение. Все были шокированы его ответом и просто не верили своим ушам.

Я тоже.

— Ты не можешь, — зашипела я, вцепившись в отворот его сапога. Сидела бы чуть выше, в уху бы вцепилась, но меня посадили на три ступеньки ниже Свера, и Ашша лично

обещала что-нибудь мне оторвать, если я со своего места куда-нибудь дернусь.

И вот сидела я, сапог дергала и очень жалела, что змеевицу послушала, потому что у вожака нашего на всю голову пришибленного, такое выражение лица было, что прямо рука чесалась подзатыльник дать.

Почему я умная и ответственная, а он безмозглый дурак? Что произошло в проходе, что я стала о нем беспокоиться, а он начал вести себя так необдуманно.

Сначала волчью тропу в деревню вывел, хотя этого, по идее, сделать невозможно. Потом на ноги поднялся на следующий же день после возвращения и пошел дела делать. Бледный, пошатывающийся, но такой упертый. А теперь вообще драться хочет.

Меня одарили таким взглядом... таким... я прям на секунду даже подумала было, что это я какую-то глупость сотворила, а не он. Даже растерялась немного, но потом вспомнила, кто тут только что согласился на бой и угрожающе спросила:

— Ты на голову совсем бо-бо?

Мне не ответили.

С трудом наклонившись — раны, ссадины, синяки, замедленная регенерация — он отцепил мою руку от своего сапога, погладив ладошку большим пальцем.

Если хотел меня так успокоиться, то ничего у него не вышла, я только сильнее взбесилась:

— Тебе нельзя!

— Я вожак, — спокойно сказал он, поднимаясь, — я должен.

Я до последнего цеплялась за его ладонь, но Свер все равно вырвался и спустился вниз.

— Пойдем к капищу. Пусть Волчица видит, — решил он, и никто не нашел причины возразить.

А мои возражения не слушали. Такой полный, тотальный игнор, и даже Алис, с беспокойством смотревший на вожака, меня не поддержал.

Утопанный после множества обрядов, пустырь перед капищем все еще был укрыт снегом. Здесь, за пределами деревни, весна была слабее, холоднее и не сильно заметна. Не согревало снег домашним теплом, и таял он не так охотно.

Первым раздеваться стал Рахис. Резкими, дергаными движениями он расшнуровал рубаху, скинул сапоги и взялся за штаны. Оборотень отчаянно старался скрыть нервозность, но у него не получалось.

Свер одежду снимал медленно и выглядел совершенно спокойным, так сразу и не скажешь, что раны движения сковывают. На левом его боку, переходя на спину и расползаясь там страшным пятном желтел огромный синяк...

Прикусив ноготь на указательном пальце, я отвернулась, сил моих не было на это смотреть.

Хотя надолго меня не хватило, и стоило только Алису, пробравшемуся сквозь толпу ко мне поближе, пораженно хмыкнуть, как я снова во все глаза уставилась на оборотней.

Противники успели перекинуться, и на снегу стояло два огромных волка. Свер забавно пытался стряхнуть с задней лапы штаны, в то время как Рахис первым ступил в условный круг, готовый принять бой.

Свер не сильно припозднился, под густым мехом не было видно его ран, только место, где присоски выдрали шерсть на задней лапе, все еще сверкало голой, уже не воспаленной кожей.

Вожак не спешил нападать, Рахис пока остерегался предпринимать какие-то действия.

Оборотни ждали, кружа друг напротив друга, скалясь и прижимая уши. Никто не пытался подбодрить Свера, не было слышно голосов, все застыли в напряженном ожидании. Это была не простая зимняя драка, забавная и совершенно не опасная, сейчас решалась судьба всей деревни. Всех земель оборотней.

Плохой князь — беда для его народа, а Рахиса не считали достойным. Возможно, реши он сразу бросить Сверу вызов, не пытаясь сначала выкрасть Огневицу, все было бы иначе, но все случилось так, как случилось, и для всех он навсегда останется лишь вором.

Неприятно было думать, что я действительно могу стать тем самым огоньком, который обречет глупого волка на гибель.

Как бы я не нервничала и не боялась, но не могла не признать, что зрелище было завораживающим.

Волк белый, волк черный. Оба большие, злые, опасные очень. Вот только Свер, за счет возраста и статуса, выглядел мощнее и опаснее своего совсем молодого противника. И, конечно же, не могло быть никаких сомнений в том, кто станет победителем... если бы вожак не был ранен и все еще обессилен.

Догрызая ноготь на большом пальце, я уже готовилась взяться за следующий, когда Рахис бросился в бой. Нервы у него сдали.

Я взвизгнула, хотя сама себя не услышала в свирепом рычании.

Сзади меня кто-то толкнул, желая протиснуться вперед и все рассмотреть в деталях, но одного подзатыльника от Алиса хватило, чтобы поумерить чужое любопытство.

Берн, застывший мрачным изваянием по другую сторону круга, почти напротив нас, не отрывал взгляда от рвущих друг друга волков.

Они катались по земле, кровь капала на снег, быстро таявший от жара мохнатых тел и превращающийся в грязь.

— Он пришел один, — напряженно очень тихо, проговорил Алис, склонившись к моему уху. Взгляда от боя он не отрывал, и у меня появилось странное ощущение, будто бы он готов в любой момент броситься вперед, на подмогу вожаку, — значит, не уверен в победе.

— И что это значит? — я тоже не могла отвернуться от завораживающего зрелища. На одно короткое жуткое мгновение вожак оказался прижат к земле тяжелой лапой, Рахис, воспользовавшись удачей, вгрызся в шею. Свер жалобно взвизгнул, а я сама не заметила, как качнулась вперед, но была остановлена Алисом:

— Не дури, Огневица, — хрипло проговорил он, — князя так просто не взять.

Крепко сжимая мое плечо, он с заминкой ответил на вопрос:

— Раз он не уверен в своей победе, значит уже наполовину проиграл. Те двое его стая, он не привел их с собой, потому что понимает: в случае поражения, всех, кто на его стороне, ждет участь побежденного. Они предали очаг, у которого их приютили...

— Они всего лишь пытались выполнить дурацкое предсказание какой-то спятившей ведуньи.

Свер сумел вывернуться из-под лапы, стряхнуть с себя волчьи зубы и в ответ вгрызся в черную морду. На этот раз визжал уже Рахис.

— Ты их защищаешь? — недоверчиво спросил Алис.

— Нет, конечно, просто это правда.

На черном крови видно почти не было, я не смогла бы с уверенностью сказать, где мех у Рахиса слипся от грязи и растаявшего снега, а где от крови, в отличие от Свера, который был весь окровавленный и страшный.

Мне со стороны казалось, что побеждает черный волк, я нервничала, раскачивалась на месте, не зная куда себя деть, и грызла уже не только ногти, но и пальцы... когда вожак подмял под себя противника, и крепко сжал зубами его шею.

Тоненько взвизгнув, Рахис попытался извернуться, сбросить с себя тяжелую тушу. Не смог и после недолгой борьбы затих, жалобно скуля.

Свер не отпускал свою жертву, хотя победитель был уже определен. Крепче сжимая челюсть, он на полном серьезе собирался убить своего противника.

И это было так неправильно...

— Волчица все видела! — мой звонкий голос, с явными истеричными нотками, резко сорвался, и повторила я уже сдавленным полусшепотом: — Волчица все видела.

Оборотни молчали, Берн, не шевелясь, стоял на своем месте, и даже Алис не вмешивался. Не имел права. Никто не имел права вмешиваться.

Рахис бросил вызов и проиграл, его жизнь принадлежит вожаку, и только он один имел право решать — жить побежденному или умереть.

Никто не учел почему-то, что тут еще я есть, и мне было жалко Рахиса. Дурак пацан, но не убивать же его за это.

— Свер, — сделав шаг вперед, я чуть не отшатнулась назад. Скосив на меня желтый, звериный глаз, белый волк продолжал сжимать шею своего противника, — отпусти его, а?

Ответом мне было глухое рычание.

— Тебе раны обработать надо...

Он меня слышал, видел, что я к нему иду, но не обращал внимания. Рахис едва дышал.

— Нет, ну, в конце концов, я же тут Огневица, которую он пытался похитить. Я тоже имею право решать его судьбу!

Растерянная тишина забивала уши, но я упрямо шла вперед. По грязи, по снегу, смешанному с кровью, не обращая никакого внимания на оборотней.

И совершенно случайно успела отдернуть руку, когда присев и протянув ладонь, собиралась хотя бы попытаться оттащить Света от полутрупа.

Зубы клацнули, хватая пустоту, а в следующую секунду Свер получил по носу.

Честно, не хотела, просто рефлекс.

Свер прифигел, растерянно проскулил, потрянув головой.

— Прости, пожалуйста, — охнула я, прекрасно понимая, что за такое мне сейчас могут и голову откусить. Одно радовало, шею Рахиса он отпустил, пусть даже и только для того, чтобы попытаться мне руку откусить.

Он будто бы чихнул, хотя, вполне возможно, фыркнул, и поднялся.

Ну, попытался. Встав на лапы, волк пошатнулся, его повело, широко расставив лапы, он тяжело дышал.

— Давай помогу...

Я честно старалась поддержать Свера, тащила его за шкуру, но, кажется, только мешалась.

Алис, который занялся вместе с Берном судьбой черного волка, громко велел:

— Давайте-ка его перенесем в дом.

Кто-то возмутился, загудели голоса, но Алис легко и нагло перебил их непреклонным:

— Вот когда вожак отдохнет и решит, что его нужно убить, то убьет, а пока он должен жить.

Уже в доме, стряхнув с себя мои руки, Свер с трудом забрался по лестнице наверх и надолго скрылся в своей комнате. Я не решалась сунуться за ним, потому сидела под дверью, изводя себя страшными предположениями.

— Ну чего топчешься?

Пока я медитировала на дверь, не заметила даже, как ко мне подошла Йола.

— Свер... там... — промямлила я, царапнув ногтем теплое дерево.

— Выгнал? — уверенно взявшись за ручку двери, она пронизательность смотрела на меня.

Я энергично замотала головой.

— Хорошо, тогда поможешь мне, пошли.

И вот вопрос: зачем я за ней пошла? Ну зачем? Знала же, что опыта в лечении диких животных у меня нет... да и домашних, если подумать, тоже. Я свою добрую и очень послушную собаку не могла заставить таблетки съесть, а тут целый волчара с тяжелым характером. Вернее, раненый волчара с примерзким характером, что вдвойне страшнее.

В итоге Свер меня все же цапнул. Как утверждала Йола, я была виновата сама:

— Я велела голову держать, — ругалась она, обрабатывая уже мою руку, пока волк смиренно лежал на полу. Показалось или нет, но смотрел он, кажется, виновато.

Перевязав мое предплечье, Йола ушла, настоятельно посоветовав свалить и мне.

— Ему нужно превратиться, и это лучше делать в спокойной обстановке.

— Это вы имеете в виду, что я его раздражаю?!

Ничего на это отвечать знахарка не стала, ушла разбираться с Рашисом. Его на полном серьезе собирались лечить, чтобы он дотянул до того момента, как вожак окрепнет и решит, что с ним делать.

Йола ушла, Свер продолжал валяться на полу, набираясь сил, я сидела за столом, рассеянно ощупывая повязку. Уходить не хотелось.

— А знаешь, о чем я думаю? — голос сорвался в хрип, но я мужественно откашлялась и продолжила, хотя волк меньше всего сейчас интересовали мои мысли: — Вот смотри, меня уже два раза оборотень укусил, и тут возникает вопрос: а не обрасту ли я шерстью в следующее полнолуние?

Свер поднял голову, удивленно глядя на меня. Я продолжала размышлять вслух:

— Не пойми меня неправильно, мне очень нравится твой пушистый вид, даже несмотря на зубы, но сама я еще не готова в шубке по лесу бегать. А утром после полнолуния как вообще? Это же мне тогда голой придется возвращаться в деревню. Жуть же. Я, как девушка скромная...

Волк тяжело поднялся на лапы, и я мгновенно заткнулась. Подумала еще, что, наверное, Йола была права — я действительно его раздражаю, а потом он неловко перекатился через голову, и я зажмурилась. Даже глаза рукой закрыла, чтобы наверняка.

— Ты озверел?!

— Оборотнем можно только родиться, — прохрипели с пола, — через слюну это не передается, кто тебе такую глупость сказал?

— Ззззарубежная фантастика, — сдержанно ответила я Сверу. Голому, что б его, Сверу,

— может, ты оденешься?

— Сил нет... подняться, — растерянно ответили мне после недолгого пыхтения. Попытка встать обломалась, но мне его совсем не было жалко. Он же голый сидел, а я правда девушка скромная, я морально не готова была разглядывать голого вожака... когда он это видит.

— Сейчас, — поднявшись, я на ощупь добралась до кровати, отбив об нее коленки, стащила покрывало и бросила куда-то назад. Предположительно в сторону Свера.

— Можешь поворачиваться, — после недолгой паузы разрешил он таким голосом, что желания поворачиваться и смотреть в его наглое лицо совсем не хотелось. Я была уверена, что он сейчас насмешливо скалитесь.

И ошиблась. У него и правда не было сил, вожак ослаб настолько, что смог одарить меня лишь одной кривой и слабой улыбкой. Прикрывшись покрывалом, он сидел на полу и держался за голову.

— Отдохнуть тебе надо. Давай помогу до кровати доползти? — великодушно предложила я, но вновь наткнулась на гребаное волчье упрямство.

— Нет... я хочу отмыться.

— Ты до ванной не доберешься.

— Доберусь, — не согласился он, прямо посмотрев на меня, — если ты мне поможешь.

Я не хотела, я была против... я очень надеялась, что нас никто не увидит. Не знаю, как мы смотрелись со стороны, но я чувствовала себя очень глупо, таща по коридору едва живого вожака, замотанного в одно покрывало.

Зато он был мне очень благодарен. Прямо так и сказал:

— Спасибо.

А потом закрыл дверь у меня перед носом, оставив волноваться в неизвестности.

— Свер, а если тебе плохо станет? Я же не узнаю...

— Узнаешь, — раздался из-за двери глухой голос, — услышишь.

И он включил воду. А я была не уверена, что за этим шумом услышу, как его бессознательное тело свалилось на пол. А если он головой об раковину ударится? Или об ванну? А если об пол? Он же там каменный. А если...

Я извелась за те пятнадцать минут, что Свер отмывался до такой степени, что когда дверь вновь открылась, бросилась на вожака с горящими глазами, чуть собственноручно его не уронив.

— Добить решила? — усмехнулся он, стирая с лица воду. Мог бы и вытереться, между прочим, в коридоре холодно.

— Было бы неплохо, — кивнула я, заглядывая ему в глаза, — Свер, а Свер, а можно я тебя прибью и успокоюсь?

— Хочешь закончить то, что не удалось сделать Рахису?

— Кстати, насчет Рахиса... — неуверенно протянула я, подставив ему плечо и очень хорошо почувствовала, как Свер напрягся от моих слов, недружелюбно поинтересовавшись:

— И что же там с Рахисом?

— Отпусти его, пожалуйста.

Свер дернулся, попытался отстраниться, но я держала крепко. В комнату мы шли в напряженном молчании и уже только там, когда он устроился на кровати, я осмелилась

повторить:

— Отпустишь его?

— Нет.

— Ну Свер...

— Он бросил мне вызов, — отрезал он, с нажимом добавив, — и пытался похитить тебя.

Будто бы похищение было проступком страшнее попытки занять место князя.

— И что? Ты его за это убьешь?

— Да.

Мне однозначно не нравились эти его односложные ответы.

— Он же еще совсем мальчишка.

— Уже выбравший свою дорогу, — Свер был непреклонен.

— Его обманули, — мне тоже было что сказать.

— Ты понимаешь, что Рашис не успокоится? Он не оставит тебя здесь, пока считает, что ты можешь стать той, о ком говорила ведунья, — бледный, уставший, он не казался опасным, но от взгляда желтых глаз делалось не по себе, — и однажды у него может получиться. Он украдет тебя, и что тогда делать мне?

— Ну... посочувствовать несчастному идиоту?

Свер не собирался продолжать этот разговор, как бы я не старалась и что бы не говорила.

Я психовала, не спала всю ночь и даже подумывала устроить Рашису побег, останавливало меня лишь то, что я совсем не знала, где его держат.

А утром, невыспавшаяся, нервная, готовая в случае чего творить глупости, я была очень на взводе. Рашис мне не нравился, он меня целых два раза выкрасть пытался, один раз чуть не убил, потеряв на тропе, и раньше я желала бы его наказать по всей строгости. До того, как узнала, насколько крепка здесь вера в потусторонние силы. Он просто пытался найти свою судьбу, не убивать же его теперь за это.

После обеда, под безоблачным синим небом, ярким и радостным, произошло новое собрание. На этот раз толпа была раза в три больше, казалось, здесь собралась целая деревня. Всем хотелось знать, что решит вожак.

Рашис стоял на земле у лестницы и выглядел неважно. Да, его подлатали, но без особого старания, сделав минимум, просто для того, чтобы оборотень не отбросил лапы до того, как Свер принародно приговорит его к смерти. Грязная одежда, на которой можно было различить красные пятна, несколько ран открылись, когда его волокли на княжеский суд.

Вожак застыл на верхней ступени лестницы, хмуро глядя на своего вчерашнего противника. Я топталась рядом, догрызая последний целый ноготь на левой руке.

Толпа молчала, затаив дыхание. Ни Ашши, ни Наи нигде не было. Я их последние дни почти не видела, у змевицы началась линька, и всю седмицу она планировала просидеть в комнате и не показываться на глаза окружающим, а Наи сидел с ней. Теперь, когда они говорили на одном языке, их сложно было оторвать друг от друга.

Берн, затаившийся по правую руку от вожака, кашлянул.

А дальше началось что-то совсем странное.

Каменная физиономия Свера сама по себе внушала опасение, а уж его странная решительность, с которой он расстегнул один из своих серебряных браслетов, очень

настораживала, и когда он протянул ко мне руку, в приказном порядке потребовав, чтобы я подошла, осталась стоять на месте.

— Яра, — глухо рыкнул он, не поворачивая ко мне головы. А я ведь тоже на Рашиса смотрела и прекрасно видела, с каким ужасом он следил за вожак.

— Свер, а что ты задумал? — спросила я вполне миролюбиво, хотя была уверена, что гадость какую-то.

— Ты хотела, чтобы я оставил ему жизнь? Я оставлю, но при одном условии...

— И что за условие? — меня не смущали внимательные, напряженные взгляды вокруг, меня беспокоила та решимость, что проскользнула во взгляде вожака, когда он все же соизволил на меня посмотреть.

Настойчиво протянув мне ладонь, Свер выразительно приподнял бровь.

Мне не нравился взгляд Рашиса, не нравилась напряженная тишина, и подозрительный вид Свера мне тоже совсем не нравился, но я послушно протянула ему руку.

- Так нельзя! - не выдержал Рашис. Даже бросился к нам, но был перехвачен двумя молчаливыми, суровыми оборотнями. - Она моя.

- Она моя, - спокойно ответил вожак, крепко сжав мою кисть и нагло проигнорировав мое возмущенное сопение, - а ты, видимо, совсем ума лишился, раз считаешь, будто имеешь на нее какие-то права.

Браслет с угрожающим щелчком закрылся, символы тускло засветились знакомым красным светом, широкий, свободно болтающийся на моей руке, он заметно сжался, самостоятельно подстраиваясь под нужный размер.

Рашис дернулся, как от удара, с беспомощной ненавистью глядя на Свера, но того не сильно трогали эти взгляды.

— Ищи свой огонек в другом месте, - устало посоветовал он, - здесь его нет.

— Я никогда не привыкну к этим вашим фокусам, — тихо призналась я, завороченно разглядывая браслет, уверенно обхвативший кисть, — и что это такое?

— Знак принадлежности, — с плохо скрываемым торжеством проговорил Свер.

Я несколько мгновений заторможено вглядывалась в его лицо, очень довольная улыбка, победный блеск в глазах... подозрительно все это.

— Подожди... то есть, Князева Огневица - это теперь официально?!

Меня ласково потрепали по голове, тяжелая ладонь замерла на макушке.

— Теперь никто не сможет заявить на тебя свои права, — подтвердил Свер мои самые страшные опасения.

— Ты... ты... да ты... — у меня не было слов. Я о нем волновалась, я за него переживала и беспокоилась, а он?!

Знак принадлежности мне вручил.

— Ты хотела, чтобы я его отпустил, — напомнил Свер и уже громче, чтобы слышали все, велел, — выведите его за ворота, пусть идет куда хочет.

Рашис пребывал в шоке и его лицо, бледное и неверящее, было сейчас так похоже на мое. Оборотня потащили прочь, и он ушел, не сказав ни слова. Рашис готовился принять смерть, но никак не ожидал, что у него отнимут напророченный огонек, оставив при этом жизнь.

Народ расходился, всем не терпелось поскорее обсудить случившееся, и едва ли кто-то уже видел, как их вожак, спустив ладонь с моей макушки на затылок, подтащил поближе, чтобы легко коснуться губами лба.

— Теперь я, наконец-то, смогу жить спокойно, — пробормотал он, отпустив меня.

— Жить спокойно? И что это значит? — уперев руки в бока, я угрожающе наступила на него, врезавшись грудью в его солнечное сплетение: — Что значит, я спрашиваю, а?

Встав на носочки, я стала немного выше, но особого веса моему возмущению это не принесло. Свер улыбнулся и резко склонившись, клацнул зубами прямо у моего носа, и я бы отшатнулась, но рука, внезапно придержавшая меня за спину, не позволила этого сделать. Он тихо засмеялся.

Это был хороший, веселый и очень добрый смех. В нем чувствовалось какое-то облегчение.

— Это не смешно. — пробурчала я, чем только больше его рассмешила.

— Ты просто не видела своего лица.

— Нет, я не поняла, ты же вроде как этот... суровый вожак, чего ты лыбишься?

Он пожал плечами и беспечно выдал:

— Хочется.

— Это произвол, — нахмурилась я, хотя ничего уже не могла изменить. Вот так и получается, что одним «хочется», а всякие странные браслеты таскать потом приходится другим.

Алис, поздравивший меня с такой невероятной честью, попытался объяснить, что теперь ни Налор, ни Рахис, ни кто-то еще, решивший прибрать к рукам бесхозную нечисть, уже не посмеют этого сделать.

— Рабством от всего этого пахнет... — задумчиво заметила я, на что лис очень оскорбился, поджал губы и недовольно сказал:

— Это самая надежная защита, не какой-то там перстень князя, который может любой получить, нет, это целый браслет.

И стояла я тогда посреди пустого двора, напротив лиса, который искренне не понимал моего недовольства, и пыталась понять: а чем мне, собственно, 2029 год не понравился? Сидела бы сейчас где-нибудь в Российском посольстве, ждала, пока меня домой вернут и воскресят, а не офигевала от наглости некоторых оборотней.

Хотя... неприятно было признаваться в этом, но встреча, которую мне устроил Свер, после того, как я обратно в проход из портала вывалилась, того, пожалуй, стоила.

Конец

Больше книг на сайте -